

Российская Академия Наук

Институт философии

БЫЛ ЛИ У РОССИИ ВЫБОР?

**(Н.И.Бухарин и В.М.Чернов в социально-
философских дискуссиях 20-х годов)**

Москва
1996

Ответственный редактор
доктор философских наук *Б.В.Богданов*

Рецензенты:
доктора философских наук: *С.М.Брайович, Е.Л.Петренко*

Б-95   **Был ли у России выбор? (Н.И.Бухарин и В.М.Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х годов). - М., 1996. - 176 с.**

Статьи, включенные в настоящий сборник, посвящены, в сущности, одной проблеме: осмыслению исторических судеб России в 20-е гг. нашего века. Какой эта судьба виделась Н.Бухарину и его школе показывается в дискуссионной статье Б.В.Богданова. М.Н.Грецкий рассматривает отношение западных исследователей 70-х - 80-х гг. к духовному наследию того же Н.Бухарина. Главный вопрос здесь - была ли в России альтернатива сталинизму?

В статьях Б.К.Ярцева анализируется социальная философия и политико-экономические взгляды российского неонародничества 20-х гг. В центре внимания автора - Россия и мир, аграрная тема и политическая идеология неонародничества.

В сборник вошли материалы, пока малоизученные российскими учеными.

Книга адресована академической и педагогической общественности, всем, для кого небезразлична духовная история России.

Из истории социализма в России. Вместо предисловия

Неспособность большевистского руководства разобраться в двух взаимосвязанных кардинальных проблемах России (не говоря уже о других проблемах) - в национальном и аграрном вопросе - изнутри предопределила крушение большевистского социально - экономического курса.

В сущности, речь шла о проблеме, над которой издавна бились все светлые умы России и которую можно условно обозначить как "достижение цивилизованности". Содержание этой формулы оставалось столь же неопределенным в момент своего возникновения, каким оно остается и сегодня. Сейчас редко какой политик и журналист не рассуждает о "цивилизованном обществе", в котором уже якобы живут все нормальные люди, кроме нас грешных. Одни связывают с цивилизованностью социализм, другие воплощением цивилизованности считают реставрацию капитализма; третьи, коль скоро мы спотыкаемся на этих понятиях, предлагают махнуть рукой на всякие "измы" и говорить лишь о "мировом сообществе" и призывают жить по "здоровому смыслу" (не разъясняя, что это такое).

Формулу "достижение цивилизованности" применительно к России употребляли в свое время Маркс и Энгельс, связывая с нею на первых порах (позднее эта категоричность исчезла) развитие капитализма, как необходимой предпосылки социализма. Довольно долгое время, со ссылкой на опыт развитых стран Европы, считалось, что без развитого капитализма не жди никакого социализма. Первую брешь, оставшуюся незаделанной и по сей день, в этой схеме пробило народничество - одно из самых интересных и самых оболганных течений в общественной мысли России. Народники первыми, в том числе и перед Марксом, поставили великое множество новых вопросов, затронувших коренные устои уже сложившейся в основном марксистской теории общественного прогресса. Эти проблемы для Маркса оказались столь новы и неожиданны, что изучению социально-экономических проблем России он отдал более десятилетия в конце своей жизни (факт малоизвестный), но так и не выработал для себя сколь-нибудь ясного ответа на поставленный народниками перед ним вопрос о том, куда идет Россия.

Всё началось с того самого вопроса, который и сегодня снова встал на первый план - что несет капитализм России, обязательен ли он для нее, не существует ли иных типов продвижения к "цивилизованности".

В марксистской схеме от "Комманифеста" до "Капитала", сложившейся преимущественно на опыте истории Западной Европы, капитализм рассматривался как носитель прогресса, пусть и в крайне антагонистических формах, но прогресса. Казалось, что так будет у всех; у одних - раньше, у других - позже и может несколько иначе, но качественно останется тем же самым.

Но это была Западная Европа и о ней говорил "Капитал", возразили Марксу народники вначале через Н.К. Михайловского, Н.Ф.Даниельсона, затем В.И.Засулич и др. Там капитализм был ранний, действительно прогрессивный и конструктивный при всей его противоречивости. Иное дело Россия. Здесь капитализм - поздний, а это различие не просто во времени (раньше - позже), но и новое качество капитализма. К бедствиям первоначального накопления, уже известным в Европе и описанным в "Капитале", добавлялись новые, которые ставили под сомнение вопрос прогрессивности здесь капитализма. Особое внимание народники обратили - и Маркс с ними согласился - на исключительно паразитический и деструктивный характер позднего капитализма. Фактически народники первыми поставили вопрос о специфике действия капитализма в регионах "третьего мира", в странах "развивающихся", попадающих в колониальную и полуколониальную зависимость от капитала в странах развитых. Иными словами, народники заявили о том, что нельзя говорить о капитализме вообще, что существует капитализм ранний и поздний, развивается он не равномерно и страны "запоздавшие" оказываются в экономически неравноправном положении на мировом рынке. Происходит перекачка национального дохода от отставших, они попадают в положение стран-данниц для стран развитых. За свою отсталость и стремление вырваться из нее ("догнать и перегнать") им приходится платить непомерную плату, которая может оказаться непосильной для народа, способна привести к истощению его жизненных сил, физической деградации и вымиранию.

Наиболее убедительные факты на этот счет народники приводили в связи с состоянием аграрной сферы. Необходимая индустриализация страны и стремление вырваться из отсталости в короткий срок требовали огромнейших капиталовложений, которых стране аграрной негде было добыть кроме как путем ограбления крестьянства, иностранных займов (залезать в финансо-

вую кабалу Запада) и вывоза сырья. К этому добавлялись расходы на военную машину и бюрократию. Промышленный переворот принял такой оборот, доказывали народники, что он подрывает основы всей экономики и жизненные условия населения. Вместо достижения "цивилизованности" и ликвидации исторического кризиса происходит его усугубление и воспроизводство на новом уровне. Неоспоримым свидетельством деструктивного характера капитализма в России народники считали господство здесь сферы обращения, вторичной по своей сути, над сферой производства.

Посредник, маклер, спекулянт, ростовщик и т. д. поселяются на общественном организме страны, истощая и деформируя его развитие, а трудящимся приходится оплачивать это собственное организованное ограбление. Общий вывод был таков, и с ним согласился Маркс: страна оказывается окутанной сетью финансового мошенничества и международного грабежа. На стремлении России цивилизовываться наживалась целая свора различных товаро-закупочных и финансовых аферистов, многократно усугублявших и без того немалые трудности. Выход Маркс видел один - революция.

Последующий ход событий хорошо известен. Октябрьская революция сняла одни проблемы, создала новые, но многие из старых проблем остались. Главная из них - проблема вхождения в индустриальный мир, т.е. индустриализация и ее социальные последствия, соотношение аграрной и промышленной сферы, пути ликвидации отсталости в стране "третьего мира" и др. В 20-е годы, после окончания гражданской войны и краха "военного коммунизма", эти проблемы выдвинулись на первый план. К этому времени все серьезные направления российской общественной мысли пересматривают свой старый идейный багаж, т.к. ничьи пророчества по вопросу о том, куда идет Россия, не оправдались.

Свой идейный багаж по вопросу достижения "цивилизованности" в России пересматривает и большевизм, особенно начиная с 1921 г. Вновь всплыли старые темы, обсуждавшиеся еще народничеством. Этим страницам из истории 20-х годов и отведена данная работа.

Бухарин здесь выбран центральной фигурой для рассмотрения, поскольку он оказался в эпицентре обсуждений. Первым, среди ленинских учеников, он почувствовал катастрофические последствия крестьянофобии и связанного с нею того варианта индустриализма, который возводился на разорении крестьянства и разрушении аграрной сферы. Он решительнее других деятелей

его круга начал добиваться обновления старого большевизма с целью выхода из тупика, в который тот вогнал себя и Россию своим "военным коммунизмом".

Неизбежное превращение России из страны аграрной в аграрно-индустриальную ставило крест не только на славянофильских попытках отмахнуться от рабочего вопроса, но и на крестьянофобии старого большевизма, прикрытой лозунгом "диктатура пролетариата". Крестьянин, так же как и рабочий, должен выступать полнокровным хозяином в собственном доме, а не каким-то пресловутым "союзником".

Большевизм знает две, и обе провалившиеся, модели модернизации России - так называемый "военный коммунизм" и НЭП. Поборником первой модели был Троцкий со своими сторонниками, вторую отстаивал Бухарин. Оба вышли из Ленина, но апеллировали к различным сторонам и периодам в ленинской идейной эволюции.

Собственная русофобия не позволила Бухарину дойти до понимания той элементарной истины, что все крестьянские вопросы в России упираются в русский вопрос, поскольку именно крестьянство составляло подавляющую часть населения России с его стомиллионной славянской частью в центральных районах страны. В этом пункте аграрный и национальный вопросы переходили друг в друга, а крестьянофобия выступала одной из форм геноцида русского народа.

Если Троцкий стремился сохранить и русофобию и крестьянофобию, то Бухарин хотел русофобии, но без крестьянофобии. Бухарин вслед за Лениным 20-х годов, начал догадываться, что без крепкого и культурного крестьянства Россия никогда не только не построит социализма, но и не сможет вообще решить никаких вопросов русского государственного бытия - ни построить индустрию, ни создать боеспособную армию, ни отстоять своего достойного места в ряду великих держав. В этом и состояла суть агропромышленного синтеза, т.е. гармоничной кооперации промышленной и аграрной сфер народного хозяйства, "смычки" города и деревни, пролетария и крестьянина ради общего подъема страны и без ущемления какой-либо из этих групп трудового народа. Все эти истины - не бог весть какой величины, но у других ленинских наследников и этого не было. Троцкий, например, на Россию вообще смотрел лишь как на тошнливо для вселенского пожара "перманентной пролетарской революции".

Наше обращение к этой стороне истории вызвано тем, что "перестроечные" авторы в ходе недавней шумной реабилитации Бухарина, а затем втихомолку и Троцкого, старательно обошли

решительную схватку Бухарина с троцкизмом. Последняя нередко представлена в качестве досадного недоразумения в стане единомышленников, не сумевших выставить единый заслон против Сталина. Но такие заполнения "белых пятен" истории чем попало существенно искажают действительную картину.

В западной литературе широко обсуждался вопрос о том, представлял ли Бухарин альтернативу Сталину. Обзор дискуссий по данной теме содержится в нашей работе, чтобы читатель сам мог судить, сколь убедительны аргументы об этой альтернативе.

Еще одна интересная страничка в идейных баталиях 20-х годов о судьбах России обойдена в современной литературе и поднята в данной работе. Это - связь эпохальной программы с народническими традициями. В данной работе эта тема поднимается путем обращения к имени лидера эсеров В.Чернова, чрезвычайно интересного неонароднического идеолога, неоправданно обойденного в сегодняшней литературе.

В своем самообновлении большевизм начал от идейного доктринерства после краха "военного коммунизма" поворачиваться лицом к действительным проблемам модернизации России, и Россия, со своей стороны, ставит большевизм себе на службу. Происходит их взаимосближение и ассимиляция. Поэтому следовать сегодняшним призывам "демократов" выбросить большевизм из истории как абсолютное зло и бедствие - означало бы снова резать по живому телу страны. В этом начавшемся самообновлении большевизма Бухарин - одна из колоритных фигур. Поворот лицом к России невольно сопровождался пересмотром его прежнего непримиримого отношения к народничеству. Нетрудно увидеть, что новые ленинско-бухаринские идеи о кооперации, о привлечении крестьянства в качестве строителя социализма возникли не на чистом месте и не без влияния народничества. Трудно сказать, кем бы остался Бухарин 20-х годов без заимствования идей так называемого "конструктивного социализма" В.Чернова. Этот "конструктивный социализм" и эпохские идеи Ленина не такие уж антиподы, как принято считать. Этому вопросу отведен один из разделов работы.

Вопросы, поднятые в ходе этих дискуссий о судьбах России, не ушли в прошлое, поэтому историю необходимо знать ради будущего.

Считаем также необходимым отметить, что позиции авторов данной работы по ряду вопросов расходятся существенным образом.

Б.В.Богданов, Б.К.Ярцев

Бухарин - теоретик официального социализма

1. К постановке вопроса

Легенд о Бухарине к настоящему времени составлено великое множество. Российские проблемы, о которых он пытался судить, чрезвычайно сложны и исторически противоречивы, а многие остаются открытыми и по сей день. Кроме того, сам Бухарин - фигура двулика. Его имя причудливо влетало в политические комбинации самого разного свойства и потому, зачастую, жил он не столько своими делами, сколько изменчивым составом этих комбинаций. Поэтому и сложилось широкое поле для выбора полярных оценок его деятельности. В зависимости от переменчивой конъюнктуры в схватках верхов за власть, в стране Бухарина поочередно то проклинали, то превозносили до небес.

Недавний пример тому - шумно проведенная "демократами" "кампания" вокруг реабилитации Бухарина и особенно в связи с его 100-летием со дня рождения. Подобной кампании еще не удаивалась ни одна из жертв сталинизма. Основная добавка "демократов" к идеям зарубежных авторов, уже давно писавших о Бухарине (Е. Карр, И. Дойчер, Р. Таккер, С. Коэн, участники дискуссий: о т.н. "еврокоммунизме" и многие другие), свелась к прославлению его как предтечи яковлевско-горбачевской "перестройки". Он, мол, унес с собою скрытую тайну "социализма с человеческим лицом", которую правителям очень хотелось бы подсмотреть, чтобы еще более квалифицированно заботиться о благе народа. Все житие Бухарина было отнесено к общечеловеческим ценностям. Один из авторов всерьез даже приравнял его к Христу. Но вскоре смысл всей этой бесовщины стал проясняться. Теперь уже любой политический младенец прекрасно знает, что "перестройка" - это лишь кодовое название преступной операции по разграблению и ликвидации страны и превращению ее в колонию для западного финансового капитала.

Когда переходящие дежурные задачи "демократов" были решены, а надувательство с использованием имени и идей Бухарина для антисоциалистических целей вскрылось, то "демократам" потребовались иные средства идеологического камуфляжа и о Бухарине с его "рыночным социализмом" тотчас же забыли. Горбачевско-ельцинской компании он не товарищ, поскольку он - социалист, противник торгашеской цивилизации и рыночной демократии, т.е. желанного капитализма с ним не построить. Патриотическим силам он тоже не нужен - как русофоб. Вероятно, интерес к нему останется теперь лишь у историков.

Пример иного рода легенд - известные клеветнические обвинения Бухарина в период социализма. А.Я.Вышинский называл его "проклятой" помесью лисы и свиньи. В статье "Правосудие" БСЭ читаем: правосудие есть средство "охраны прав граждан и подавления врагов народа, троцкистско-бухаринских агентов иностранных разведок".

Хвалебные легенды о себе составлял и сам Бухарин. О характере его самооценок можно составить представление, например, по восторженно-апологетической статье о нем ("вождь", "руководитель", "выдающийся" и т.п.) в т.8 Большой Советской Энциклопедии (1927). Автор статьи - его ученик и близкий друг Д.П.Марецкий, а на титуле тома стоит фамилия Бухарина как члена редколлегии этого издания, т.е. статья носит авторизированный характер. "Один из вождей ВКП(б) и Коммунистического Интернационала", "один из руководящих участников Октябрьской революции", "выдающийся теоретик коммунизма" - такова тональность статьи. В угодническом славословии в адрес Бухарина старались перещеголять друг друга и составители характеристик на этого своего высокопоставленного начальника для избрания его в члены Академии наук СССР в 1928 г.¹ Избрание состоялось.

В разные времена в легендах о Бухарине использовались то одни, то другие ленинские его оценки. Поэтому необходимо внимательно присмотреться и к этим оценкам.

В начальный период рекламного обеспечения "перестройки", когда крестные отцы ее еще публично клялись в верности" ленин-

---

¹ Вот некоторые из оценок: "крупнейший экономист нашего времени", "один из крупнейших выразителей марксистской мысли наших дней", "творец новых открытий... получивших свое распространение на всем земном шаре", "звезда первой величины, которая должна украсить собою Академию наук по социально-общественной кафедре", "тонкий диалектик" и т.п. Эти хвалебные оды воспроизведены в: *Бухарин Н.И.* Избранные труды. Л., 1988. С. 416-421.

скому курсу", а не Международному валютному фонду, Рейгану, Бушу и др., для широкого использования был введен с использованием ленинских слов образ Бухарина как "любимца всей партии" и "крупнейшего и известнейшего теоретика партии". Фарс суда над партией, этой родной матерью "перестройщиков", был еще впереди и потому данные хвалебные слова из ленинского "Письма к съезду" слащаво повторялись как свидетельство высшего достоинства. Эти ленинские фразы определяли в качестве абсолютной истины содержание многочисленных юбилейных конференций и редко какая статья о Бухарине или сборник его работ обходились без них.

Поскольку всякая истина конкретна, то напомним снова, что Ленин произнес эти слова в 1922 г. Поэтому для уточнения их смысла необходимо посмотреть, какими же высшими ценностями уже успел обогатить человеческий дух Бухарин именно к 1922 году, т.е. в чем он уже проявил себя в качестве "ценнейшего теоретика" и за какие же деяния партия к этому времени уже успела влюбиться в Бухарина, и действительно ли "вся" и без остатка.

Для ответа необходимо, во-первых, предварительно обозначить область тех определяющих теоретических и практических интересов Бухарина, которым он оставался верен и в ту пору и всю свою жизнь, чтобы не судить ошибочно по случайным и, может быть, дилетантским или не выношенным его выступлениям. Во-вторых, необходимо также вспомнить ту ситуацию, в которой к 1922 году очутилась "вся партия", влюбившаяся, согласно Ленину, в Бухарина.

Трудно сказать, чем за свою жизнь Бухарин только не занимался. Зарубежные компартии через Коминтерн он учил как делать революции. В качестве официального идеологического толкователя он разъяснял широкому люду генеральную линию партии и клеймил отступников. Академика Павлова он через свои статьи в "Правде" развязно обучал подлинному мировоззрению. На юбилейных торжествах он любил делать заглавные доклады о Дарвине, Гете, Марксе и др. Ученым он рекомендовал как лучше планировать научные открытия, а с трибуны Первого Всесоюзного Съезда писателей учил поэтов как писать стихи. По его учебникам, выражавшим официальную идеологию, свыше десятилетия воспитывались низовые партийные функционеры. Список этот неполон и одно лишь перечисление его занятий и высоких служебных должностей заняло бы немало места.

Но одной теме Бухарин был предан более всего. Подобно Мцыри, он "знал одной лишь думой: власть, одну, но пламенную

страсть". Этой думой был "переходный период" России к социализму. Очевидно и судить о деяниях Бухарина в первую очередь следует применительно к данной теме. Иными словами, Бухарин - это прежде всего одна из концепций одного из "переходных периодов", имевших место в России.

Здесь следует обратить внимание на следующий удивительнейший факт и задуматься над ним. Над Россией постоянно довлеют программы систематически сменяющихся "переходных периодов": от капитализма к социализму, затем - к коммунизму, потом опять к социализму ("зрелому, развитому" и т.п.). Сегодня, согласно распоряжению оказавшихся у власти "демократов", страна снова очутилась в каком-то переходном периоде. Сколь долго и куда она будет переходить - как обычно не сообщается. Куда призовут "переходить" завтра - предположить трудно. Испробовано вроде бы все. Иными словами, переходность превратилась в какой-то постоянный образ жизни. Причем, переходят, переходят, но никак не перейти². Это необычное состояние России еще должно стать предметом серьезнейшего осмысления с точки зрения глубинных причин этого состояния, его доктрин, главных инициаторов, носителей и результатов этих "переходов".

История с Бухариным - благодатнейший материал и наглядное пособие для такого изучения. Он - один из генералов одного из "переходных периодов". Его имя не оставляли в покое и активно использовали в качестве пропагандистско-психологического инструмента в последующих "переходах".

Наиболее очевидными особенностями этих "переходных периодов", при всей специфичности каждого из них, можно было бы назвать следующие. Выбор целей, сроков и методов "переходов" неизменно совершался узким кругом лиц, за спиной народа и якобы от его имени. На словах провозглашенные замыслы никогда не совпадали с реальными конечными результатами, т.е. для народа "переходы" оказывались безрезультатными и деструктивными и вели от одного разочарования к другому. Поскольку настоящее всегда ставилось на службу будущим целям, а эти цели постоянно пересматривались и даже перечеркивались

---

² Еще Салтыков-Щедрин очень метко отмечал, что таким эпохам дают разные клички, которые однако ж все более или менее группируются вокруг одной, резюмирующей в выражении "переходной эпохи". И я со своей стороны - писал великий сатирик - нахожу, что все усилия оправдать жизненный сумбур какими-то таинственными переездами из одной исторической области (известной) в другую (неизвестную) по малой мере бесплодны. Но человек любит успокаиваться в ожидании будущих благ, даже если последние и не совсем были для него ясны.

(вчера - это строительство социализма, а сегодня - строительство капитализма, а завтра - неизвестно), то жизнь целых поколений обесценивалась и приносилась в жертву каким-то целям, самым этим поколениям неизвестным. Выбор времени тоже любопытен. Как только в развитии страны обозначалась устойчивая стабилизация, тут же подавался сигнал к новому "переходу" и "перестройке". Ненавистными для их инициаторов особенно оказывались государственность (правовой беспредел оправдывался "диктатурой пролетариата", борьбой за "правовое государство" и т.п.). Национальная культура и интеллигенция, крестьянство (подавляющая часть населения), христианская религия постоянно оказывались мишенью номер один. Предшествующая история с началом нового "перехода" тут же переписывается заново на потребу изменившимся обстоятельствам, что провоцирует конфликты поколений, а народ лишает истории.

Для русского народа общий результат этих "переходов" сегодня становится достоянием гласности, вопреки препонам "демократической" прессы и телевидения. Этот результат объединяется зловещим понятием геноцид - отторжение от национальной культуры и территории проживания, разрушение экономики, созданной предшествующими поколениями, и как итог - физическое вымирание. Сегодня в сорока центральных регионах России, где проживает более двух третей русского народа, гробов требуется больше, чем детских колыбелей. Вымирание уже началось, но "реформы" требуют "углубить" еще больше.

Нелепо даже поблизости помещать столь разноликие фигуры, как Ленин, Сталин, Хрущев, Горбачев, Ельцин, олицетворяющие определенные "переходные периоды", но факты говорят сами за себя. Хотя и с определенными вариациями и в разной форме, но все отмеченные особенности "переходных периодов" можно проследить по итогам их дел, словно бы все они, вопреки своим личным намерениям, оказывались носителями чьей-то незримой общей воли, стоящей за их спинами.

Степень и характер соучастия Бухарина в этих процессах интересуют историка не сами по себе, а для выяснения общего механизма и пружин постигавших Россию "переходных периодов". Прошлое требуется знать полностью ради будущего. Ради этого стоит изучать и генералов "переходов".

На одном месте Бухарин не стоял. Три этапа можно выделить в его попытках уложить Россию в собственные представления о желательном для нее "переходном периоде". Первый - когда он запятнал себя активным соучастием в преступлениях так называемого "военного коммунизма". Второй - НЭПовский, наибо-

лес любопытный с точки зрения попытки, пусть неудачной, обновить старую доктрину большевизма путем приспособления ее к объективным проблемам модернизации России и когда Бухарин восстал против сценария Троцкого, а затем и Сталина. Третий этап - с конца 20-х годов, когда выпихнутый из большой политики Бухарин потерпел двойное поражение и в попытках одолеть Сталина и в попытках найти с ним компромисс.

Обратимся к первому периоду.

2. Идеолог палачества

Широкую популярность в качестве партийного публициста в годы "военного коммунизма" Бухарин обрел тремя своими монографиями. "Азбука коммунизма" (1919), "Экономика переходного периода" (1920), "Теория исторического материализма" (1921). К ним примыкали многочисленные заметки, статьи, доклады и т.д., разъяснявшие ту же идеологию военного коммунизма. Представляя свод элементарных истин марксистской политграмоты, изложенных далеко не безупречно (что и отмечалось в рецензиях и дискуссиях), книги эти способствовали приобщению широкого читателя к марксизму. Поэтому они превратились (за исключением второй, самой неудачной) чуть ли не в обязательные учебники для совпартшкол, широко переводились на иностранные языки, издавались даже на эсперанто, что и сегодня выдается за неоспоримое свидетельство их ценности. Но массовому их тиражированию способствовали высокие служебные посты автора. Нечиновные деятели русской культуры находились совсем в ином положении, а многие подвергались дискриминации³.

---

³ Об этом можно составить представление, например, по уникальному заявлению в адрес Луначарского, комиссара по просвещению, от Всероссийского Союза писателей (1921). "Русское писательство, - говорилось в обращении к руководителю "культурного фронта", - три года ждет, что советская власть обратит внимание на условия, в которых гнетущие и мучительно бьется живая русская литература". "Нам понятно, что политическая государственная власть в первую голову и преимущественно посылает в читательские массы то, что соответствует политическим потребностям дня; нам понятно, что в години революции это стремление принимает всезахватывающие формы". Во многом виновата нехватка бумаги, разруха - соглашались авторы обращения. "Но мы не можем примириться с тем, что ныне, в этом урезанном виде русскому писательству уже не отводится никакой доли, и что именно теперь, когда страна начинает оправляться от бурь, политика государственного издательства, монополизировавшего все русское книгопе-

С учетом этих обстоятельств следует расшифровывать оценку Бухарина, наводнявшего идеологический рынок своими работами, как "ценнейшего теоретика" этой поры. Его работы служили определенному целенаправленному формированию общественного сознания.

Названные монографии компилятивны и эклектичны и, если заслуживают внимания, то не в силу литературных или научных достоинств, глубины и новизны мысли. Здесь они более, чем посредственны. Ни одной оригинальной и свежей мысли автора в них нет. Его работы интересны как социальный симптом и свидетельство отношения к России у определенного "интернационального" слоя, представители которого оказались у власти, но страну не понимали и не собирались понимать. Уверовав в свою богоизбранность, они не сомневались, что призваны Россией управлять, учить ее, проклинать и переделывать по своему образу и подобию. Достаточно просмотреть дооктябрьские работы Бухарина (их около четырех десятков - заметки, статьи), чтобы убедиться в скудости того умственного багажа, с которым он оказался у вершин власти после 1917 года. Поразительно, что в этих заметках тема России вообще отсутствует. Довольно удачными оказались работы Бухарина об империализме, но они написаны под сильнейшим влиянием интереснейшей работы Р.Гильфердинга "Финансовый капитал"(1909).

Пальма первенства в определении стратегии "военного коммунизма", на служении которому печатным словом и делом восходила звезда Бухарина, принадлежала старшему поколению - Ленину, а за ним шли Троцкий, Каменев и Зиновьев. Этот при-

---

чтение, делает молчание русской литературы явлением принципиальным: для русского писательства книг нет, ибо оно должно молчать. Мы с негодованием видим, что невольное стеснение литературы превращается в ее сознательное умерщвление". "Русская художественная, критическая, философская, историческая книга окончательно замуровывается. Из явления мирового значения превратилась в явление комнатного обихода для небольшого круга лиц... История не забудет отметить того факта, что в 1920 году, в первой четверти века двадцатого, русские писатели, точно много веков тому назад, до открытия книгопечатания, переписывали от руки свои произведения в одном экземпляре и так выставляли их на продажу в 2-3 книжных лавках в Союзе писателей в Москве и Петрограде, ибо никакого другого пути к общению с читателем им дано не было". И это в то самое время, когда "типографии все вместе взятые государственной властью в свое владение, взапуски выпускают сотни тысяч всяческих изданий" (Вестн. лит. 1921. N 4-5. С. 12). Тревогу о судьбах русской литературы в условиях этого духовного геноцида русского народа выражал Е.Замятин в заметке "Я боюсь" (там же).

оритет необходимо подчеркнуть, чтобы излишне не выпячивать роль таких учеников, как Бухарин.

Он сполна обнаружил необходимые качества неугомонного и неутомимого толкователя идей своих учителей и начальников. От номенклатуры младшего эшелона излишней теоретической самостоятельности и не требовалось. Ценились настойчивость и исполнительность в проведении заданного стратегического курса, а отклонения издавна отвергались как преступная ересь. На инакомыслии партийную карьеру сделать было бы трудно. Подчас в своем рвении Бухарин даже переходил границы всякого здравого смысла. Казалось бы трудно придумать что-либо левее "военного коммунизма", но Бухарин ухитрялся и здесь быть левее всех левых. Таковы были, например, его требования к истекавшей кровью России развернуть еще и "революционную войну" с мировым империализмом вместо заключения Брестского мира, хотя бы передышки ради. Осуждая эту оголтелость, Ленин все же обращал внимание на энергию Бухарина и выделял его особо (вместе с будущим отпетым троцкистом Пятаковым) среди деятелей младшей смены. «Это, по-моему, - сообщал он в предсмертном "Письме к съезду", - самые выдающиеся силы (из самых молодых сил)».

Вспомним, что же представлял собою этот "военнокоммунистический режим", на служении которому рос Бухарин как "ценнейший теоретик партии".

Слагаемые "военного коммунизма" включали меры двоякого рода. Одни из них были порождены войной и неизбежно применялись всякой армией на завоеванной территории, включая террор, конфискации, контрибуции, карательные продотряды и т.п. Но дело не сводилось к этому насилию. В слагаемые этой политики включались также меры, которые, согласно большевистской идеологии той поры, считались вполне нормальным началом "прямого" перехода к коммунизму - ультранационализация всего и вся, попытка ликвидировать товарно-денежные отношения и заменить их продуктообменом, отмена денег и т.п. Но когда к 1921 г. стало ясно, что вся эта дурь "прямо" ведет Россию не к коммунизму, а в могилу, то эта новая политика спешно была заменена новой политикой, получившей название НЭПа.

Удивительны в этой доктрине "военного коммунизма" неприкрытое презрение и враждебность деятелей типа Бухарина к народу, в среде которого они живут. Ни благодарности, ни лояльности к нему со стороны правящей группы с ее доктриной разрушения.

Пример тому - упомянутое поведение Бухарина в связи с Брестским миром. "Подписание мира - акт нецелесообразный" - возражал он Ленину⁴. "Овчинка выделки не стоит", "из мухи делают слона" - говорил он о мирной передышке. "В конечном счете международная революция и только она наше спасение"⁵. Ради развертывания революционной пропаганды и перенесения революционного пожара в чужие края, Бухарин предлагал России, уже истощенной в мировой войне, разжечь революционную мировую войну. Чем пугала его мирная передышка? "Международная пропаганда являлась колоколом, гудящим на весь мир, - восклицал он, - от этого мы отказываемся, у этого колокола мы обрезаем язык". Призывал Бухарин воевать до последней капли крови, но только не своей собственной. По возрасту, состоянию здоровья и семейному положению ему бы надлежало находиться в солдатских окопах, но от мобилизации в армию он предпочитал скрываться в эмиграции или за кремлевскими стенами. Холодный расчет говорит нам, - заявлял этот авантюристический игрок людскими судьбами, что "в случае необходимости мы можем и должны пожертвовать десятками тысяч рабочих. Ведь так всегда рассуждают оппортунисты всех стран, говоря: "Не нужно выходить на улицу, потому что может пролиться кровь". В ответ мы говорим, что это есть весьма дешевая демагогия..."⁶.

Этот авантюризм разделяли Урицкий, Бубнов, Коллонтай и др. "И если погибнет наша советская республика, наше знамя поднимут другие. Да здравствует революционная война!" - истерически восклицала Коллонтай⁷. Но были и возражения. "Вести войну теперь - значит воевать не во имя победы, а во имя смерти" - отвечали Сокольников, Смилга и др.

На IX съезде партии Бухарин в своем докладе о профсоюзах всецело поддержал троцкистскую программу "милитаризации труда" и перехода к всеобщей трудовой повинности. Крепостничество отвергалось на словах, но вводилось на деле. Если трудовую повинность проводит буржуазное государство, - убеждал Бухарин, - то это закрепощение рабочего класса. Но если ее проводит советская власть, то это есть "самоорганизация рабочего класса. Он ее вводит, он ее проводит, ради себя, ради своего будущего, ради

---

⁴ VII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.; ПГ., 1923. С. 42.

⁵ Там же. С. 40.

⁶ Там же. С. 42.

⁷ Там же. С. 76.

спасения от голода, разрухи и холода"⁸. Так оправдывалось возрождение рабства.

Здесь Бухарин выступал лишь подголоском Троцкого. Стоит поэтому выслушать его самого, чтобы яснее представить, о какой "трудовой повинности" они мечтали. "Можно сказать, что человек есть довольно ленивое животное, и на этом качестве, в сущности, основан человеческий прогресс, потому что если бы человек не стремился за малое количество энергии получить как можно больше продуктов, то не было бы развития техники и общественной культуры. Стало быть, лень человека есть прогрессивная сила... Задача общественной организации состоит в том, чтобы ее дисциплинировать и подстегивать при помощи общественной организации труда"⁹. Эти слова можно было бы принять за пошлое шутовство, если бы они не принадлежали второму, после Ленина, руководящему лицу - Л.Троцкому. И произносились они не в какой-то подвыпившей компании, а с трибуны партийного съезда (1920), куда обычно выносились наиболее сокровенные и выношенные мысли.

Из этой своей скотской философии этот, мнивший себя полководцем деятель строил оправдание введению рабства. "В военной области, - поучал Троцкий на том же съезде, - имеется соответствующий аппарат, который пускается в ход для принуждения солдат к исполнению своих обязанностей. Это должно быть в том или другом виде и в области трудовой. Безусловно, если мы серьезно говорим о плановом хозяйстве, которое охватывается из центра единством замысла, когда рабочая сила распределяется в соответствии с хозяйственным планом на данной стадии развития, рабочая масса не может быть бродячей Русью. Она должна быть перебрасываема, назначается, командирована точно так же, как солдаты"¹⁰. Даже Сталин избегал таких открытых циничных заявлений.

Пустопорожняя и, на первый взгляд, малопонятная дискуссия о роли профсоюзов, сводилась на деле к отысканию их роли в этом уготованном для народа промежутке между казармой и концлагерем. Например, роль профсоюзов Троцкий видел в том, что они вместе с хозяйственными ведомствами "перебрасывают рабочих с завода на завод и карают, или прибегают к государственному органу для кары по отношению к тем, кто не выпол-

---

⁸ Бухарин Н.И. Труд прежде и теперь // Трудовая повинность и задачи рабочих и крестьянства. М., 1920.

⁹ Девятый съезд Российской Коммунистической партии. Стенографический отчет. М., 1920. С. 79.

¹⁰ Там же. С. 81.

нчет их плановых нарядов. Это есть милитаризация промышленности, ее основа". Троцкий требовал установить такой режим, при котором "каждый рабочий чувствует себя солдатом труда, который не может собою свободно располагать; если дан наряд перебросить его, он должен его выполнить; если он его не выполнит - он будет дезертиром, которого карают. Кто следит за этим? Профессиональный союз. Это есть милитаризация рабочего класса". Квалифицированная рабочая сила при капитализме "покупалась на вольном рынке по твердым ценам... Сейчас рабочий передвигается с фабрики на фабрику, с завода на завод не по своей воле...", а направляется" в соответствии с единым хозяйственным планом по распоряжению соответствующих центральных хозяйственных органов"¹¹. Из регулярной армии воинов Троцкий намеревался сделать трудовую армию рабов. Тем, кто считал принудительный труд не эффективным, Троцкий отвечал, что все будет зависеть от применения методов "духовного и организационного порядка и характера премиального и карательного, чтобы повышать производительность труда на тех принудительных основах, на которых строится все наше хозяйство". И с этой целью прокорм выдавать нужно дифференцированно: "кормить прежде всего тех, которые необходимы в тех отраслях, которые являются самыми важными, и выдавать тем предприятиям, которые являются ценными... Это тоже есть система повышения производительности труда"¹². Итак, казарма и концлагерь - таковы два главных храма, между которыми должен разместиться народ России, за исключением начальства и богоизбранных. Это исключение Сталин в 1937 г. ликвидировал и палачи пошли под нож вместе с рядовыми жертвами.

Позднее, проиграв в борьбе за власть и получив пинка от Сталина, Троцкий переqualифицируется в отъявленного демократа и критика сталинизма, хотя именно Сталин и начал воплощать концлагерные мечты Троцкого. Критиковать систему со знанием дела и убедительно Троцкому было легко, поскольку он сам же - соучастник ее создания.

Установки Троцкого на милитаризацию, как образ жизни страны, разделялись и остальным руководством партии и были закреплены в резолюции IX партийного съезда, т.е. обретали силу закона¹³.

---

¹¹ Девятый съезд Российской Ком. партии. С. 82.

¹² Там же. С. 86.

¹³ В резолюции IX съезда, составленной по идеям Троцкого, отмечалось, например, что значительная часть рабочих самовольно покидает предприятия и пересажает с места на место - поиски продовольствия, лучших условий

Таков был смысл политики "милитаризации труда", приверженцем которой был и Бухарин. Он обычно изображается мягким интеллигентом, деятелем культуры, добрым семьянином и т.п. Но ведь и многие фашисты были такими ценителями. Однако важны не личные качества и поведение Бухарина в быту, а качества проводимой политики. С нею имел дело народ, а не с поведением Бухарина в кругу родных и близких, пишущих сегодня мемуары о нем.

Теоретическое оправдание палачеству Бухарин попытался дать в книге "Экономика переходного периода" (1930). Претенциозный замысел автора - разработать "общую тенденцию трансформационного процесса" (имелось в виду объяснение переходного периода к социализму) - провалился. Ничего иного и не могло получиться из переодевания банальностей в одежды "организационной науки" А. Богданова, чем и занят был Бухарин в этой книге. Только никогда не понимавшие своеобразную проблематику национального возрождения России могли думать, что богдановским понятием "организация" можно охватить суть сложнейших экономических проблем, стоявших перед Россией.

Помимо всего прочего, Бухарин пытался здесь найти алиби некомпетентным действиям "профессиональных революционеров", разваливших экономику и культуру страны. На вопрос о причинах ее катастрофического состояния Бухарин отвечал: "Распад людской технической иерархии, который наступает на определенной стадии процесса отрицательного расширенного воспроизводства, в свою очередь давит на состояние производи-

---

жизни, а нередко и спекуляции (в спекулянты мог попасть каждый, кто что-либо продавал или покупал в условиях голода). Эта смена местожительства или работы объявлялась трудовым дезертирством и потому "одну из существенных задач" советской власти съезд видел в "суровой борьбе с трудовым дезертирством, в частности путем формирования штрафных трудовых команд и, наконец, заключение их в концентрационный лагерь". (IX съезд Российской коммунистической партии. Стеногр. отчет. 1920. С. 381). У Ленина эти планы встретили поддержку. Например, он хвалил на IX съезде партии брошюру С.И.Гусева (под этим псевдонимом публиковался Дабкин) "Очередные вопросы хозяйственного строительства" (1920), в которой образцом для подражания выставлялись действия Революционного Военного Совета, "имевшего действительно железную руку в лице Троцкого" (С. 27), действовавшего "с величайшей беспощадностью и твердостью". Основная идея автора, одобренная Лениным, такова: "необходим абсолютно ясный, простой, примитивно грубый план, проводимый с железной твердостью" (С. 3). В трудовых мобилизациях, призывал автор, "поменьше осторожности, побольше смелости". "Необходим единый хозяйственный план, проводимый железной рукой" (С. 17).

тельных сил. Производительные силы существуют слитно с производственными отношениями, в определенной системе трудовой общественной организации. Следовательно, "распад" аппарата" неизбежно должен сопровождаться дальнейшим понижением производительных сил. Таким образом, процесс отрицательного расширенного воспроизводства чрезвычайно ускоряется"¹⁴. Понять что-либо в этой абракадабре все равно, что разобратся в завываниях якутского шамана. Такой наукообразной схоластикой заполнена вся "Экономика переходного периода", и намерения автора прозрачны - избежать ответственности за прогром. Он, мол, дело необходимое и законное для всякой новой "организации", не мы первые и не мы последние. Сегодня "демократы" на аналогичный вопрос о том, кто заманил Россию в волчью яму, оправдываются проще: старая система сломалась - заявляют они, - а новая еще не заработала.

Собранием "неверностей, ученого сора, академических благоглупостей" назвал Ленин эту книгу¹⁵. На схоластичность мышления Ленин обращал внимание и в своем "Завещании": "его теоретические воззрения, - писал он, - с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)"¹⁶.

Странный получается марксист - схоласт и без диалектики (а она, по выражению самого же Ленина, - "душа марксизма") и в то же время - "крупнейший и ценнейший теоретик партии".

Лишь одна из глав бухаринской книги "Экономика переходного периода" вызвала у Ленина только положительные эмоции и ни одного критического замечания. Это глава десятая, где поются гимны насилию. Никакая глава не вызвала у Ленина столько одобрительных реплик: "верно!", "именно!" (двадцать раз). "Вот эта глава превосходна!" - с восхищением записал он. Что же так понравилось Ленину? Послушаем самого Бухарина.

Стиль главы довольно четкий и вразумительный, без схоластической игры с понятиями из "Организационной науки" А.Богданова. Чувствуется, что автор говорит о вещах понятных и близких его сердцу - о принуждении и смертоубийствах. "С более широкой точки зрения, - говорит Бухарин, - т.е. с точки зрения большего по своей величине исторического масштаба, пролетарское принуждение, во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это

---

¹⁴ Бухарин Н.И. Экономика переходного периода. 1920. С. 98.

¹⁵ Ленинский сборник. XI. М., 1985. С. 429.

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 420.

ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи...¹⁷. Ранее думали, что расстрелы - метод "выработки" покойников, но Бухарин со своей компанией собирался этим способом формировать "коммунистическое человечество". Чтобы не ошибиться, Бухарин набросал рекомендательный список возможных мишеней. Список, по-бухгалтерски, строго пронумерован и велик, но придется привести его целиком, чтобы избежать обвинений в предвзятости. Перечень тех, кого пролетариат, по выражению Бухарина, имеет "против себя" и к кому рекомендуется при лентяй названный "метод выработки" таков: 1) паразитические слои (бывшие помещики, рантье всех видов, буржуа - предприниматели, имевшие мало отношения к производственному процессу); торговые капиталисты, спекулянты, биржевики, банкиры; 2) вербовавшуюся из тех же слоев непроизводительную административную аристократию (крупные бюрократы капиталистического государства, генералы, архиереи и пр.); 3) буржуазных предпринимателей-организаторов и директоров (организаторы трестов и синдикатов, "деляги" промышленного мира, крупнейшие инженеры, связанные непосредственно с капиталистическим миром изобретатели и проч.); 4) кваллифицированную бюрократию - штатскую, военную и духовную; 5) техническую интеллигенцию и интеллигенцию вообще (инженеры, агрономы, соотехники, врачи, профессора, адвокаты, журналисты, учительство в своем большинстве и т.д.); 6) офицерство; 7) крупное зажиточное крестьянство; 8) среднюю, а отчасти и мелкую городскую буржуазию; 9) духовенство, даже неквалифицированное¹⁸.

Такую вот широкую репрессивную сеть предлагалось закинуть на Россию. Если какая-либо живая душа намеревалась ускользнуть, не обнаружив себя в этом списке, то ее легко было включить в пункты "и проч.", "и т.д.". Любой из сегодняшних "демократических" поклонников Бухарина без труда отыщет свое место в этом списке.

А как быть с пролетариатом? Ведь ему положено, по словам Бухарина, "своей диктатурой собирать человечество". "Принуждение, поясняет Бухарин, - переносится и на самих трудящихся и на сам правящий класс"¹⁹. Теоретическим оправданием такой репрессивно - палаческой практики у Бухарина служил сведенный к вульгарному социологизму марксизм, перемешанный с компонентами из "Организационной науки"

17 Ленинский сборник. С. 424.

18 Там же. С. 420.

19 Там же. С. 424.

А.Богданова. Себя эти деятели считали "организаторами", а общество некоей "системой", составленной из "элементов", т.е. людей, их отношений, культуры, экономики и т.д. Свою задачу видели в том, чтобы, уяснив "законы" комбинирования этих "элементов", собрать из них некую коллективистскую общественную систему, под которой разумелся социализм, и поддерживать ее сверху по центральному плану в состоянии "равновесия". Все средства для этого хороши, были бы лишь целесообразны для данной минуты. Вопросы объективной истины, ценностей культуры, морали, духовности, творчества, - т.е. то, что делает человека человеком - все это вгонялось в засохшую категорию "организация". Прообраз такого общества представлен в произведениях "Мы" Е.Замятина, "1984" Дж.Оруэла и в работах А.Платонова.

Так могли вести себя лишь люди с какой-то патологической генетической ненавистью, для которых страна эта чужая, и не любовь к ней, а презрение были основой их психологии. Это отсутствие животворной связи с народной жизнью, ее традициями и народными корнями чуждо нормальному человеку. Он не будет разрушать старый дом, если еще не построен новый. Культивирование национального нигилизма присуще лишь тем, кто на страну и ее людей смотрит лишь как на поле для своих экспериментов и которым все равно, в каком месте экспериментировать. Они "интернационалисты". Страна, отмечали современники тех событий, оказалась в руках каких-то пришлых людей, с презрительным отстранением и даже нескрываемой гадливостью относившихся к России, к ее истории и народу²⁰.

---

²⁰ Вот, например, слова И.Бунина о России в 1920 г. и феномене Троцкого в ней: "Судьбе было угодно на несколько секунд выпустить из своих рук те сложные нити, которые управляют мыслями и делами человечества - и вот уродливое ничтожество Троцкий наступил на голову распростертой великой страны. Случилось так, что большевистская революция нашла себе в лице Троцкого самого яркого выразителя... Влияние Троцкого на советские массы не только громадно, но и чрезвычайно легко объяснимо. Вся страна находится теперь в руках людей, из которых малая часть искренне смешала власть с произволом, твердость с жестокостью, революционный долг с истязательством и расстрелами, между тем как темная толпа нашла неограниченный простор для удовлетворения своих звериных необузданных инстинктов" (Слово. 1991. № 3. С. 72). "Слепой случай вышвырнул его на самый верх того мутно-грязного, девятого вала, который перекачивается сейчас через Россию, дробя в щелы ее громоздкое строение. Не будь этого - Троцкий прошел бы свое земное поприще незаметной, но, конечно, очень неприятной для окружающих тенью: был бы он придиричивым и грубым фармацевтом в захолустной аптеке, вечной причиной раздоров, всегда постоянной язвой в политической партии, прескверным семьянином, учитывающим в копейках жену" (там же).

Лишь в таких условиях главными теоретиками страны могли оказаться люди типа Бухарина. Думается, что утверждение Ленина в 1922 г. о любви "всей партии" к Бухарину является преувеличением. Фаворитом Ленина он, несомненно, был, причем вместе с Троцким. Но в революционное движение он вступил очень молодым и к 1922 г. он еще не успел совершить дел, способных вызвать преклонение "всей партии". Об этих высоких чувствах не свидетельствует, например, резкий и даже раздражительный критический тон в журнальных рецензиях на работы Бухарина. В свою очередь и он платил той же монетой - на критику отвечал в развязном тоне, а работы свои перепечатывал год за годом, не меняя в них ни единой запятой, что свидетельствовало об исключительном самомнении автора и наплевательском отношении к своим оппонентам. Или еще один пример - Троцкий и Сталин - не последние люди в партии, но вряд ли их отношение к Бухарину (а они со своими сторонниками - немалая часть партии) можно назвать "любовью"²¹.

3. Второй период у Бухарина

В поисках выхода из тупика: о социализме в изолированной слабо развитой России.

Чтобы понять Бухарина второй половины 20-х годов, необходимо исходить из главного - из попытки самообновления большевизма с целью выхода из тупика, в который он к 1921 г. вогнал себя и Россию. К этому времени рухнули обе иллюзии, на которых базировалась прежняя политика: надежда на "прямой", т.е. на скорую руку переход к коммунизму и на решающую поддержку от социалистических революций в Европе, для которых она считалась созревшей еще в прошлом веке. Но оказалось, что

---

²¹ Вот одна из иллюстраций отношения Троцкого к Бухарину в эту пору. В мае 1922 г., пишет Троцкий в своей автобиографии "Моя жизнь", когда я повредил ногу во время охоты и находился в постели, ко мне в Подмоскowie примчался Бухарин с сообщением о болезни Ленина. "В тот период Бухарин был привязан ко мне чисто бухаринской, полуребяческой привязанностью. Свой рассказ о болезни Ленина Бухарин кончил тем, что повалился ко мне на кровать и, обхватив меня через одеяло, стал причитать: "не болейте, умоляю вас, не болейте... есть два человека, о смерти которых я думаю с ужасом... Это Ильич и Вы". Я его дружелюбно устыживал, чтобы привести в равновесие" (*Троцкий Л. Моя жизнь. Ч. II. Берлин, 1930. С. 207-208*). Может, Бухарин и не обливал слезами пятки Троцкого, может Троцкий все это выдумал. Но о "любви" к Бухарину этот пассаж не свидетельствует.

искать пути к выживанию теперь придется самостоятельно и иными средствами. Сколь бы уорощо не был отлажен механизм захвата власти и разрушения старого строя, но для целей созидательных требовались другие навыки и иное отношение к России и ее народу.

Недостатка в разъяснениях всемирно-исторического значения Октября 1917 г. со стороны руководства не наблюдалось. Вместе с тем, реальное положение Ленин с трибуны X съезда партии оценивал так: состояние России "больше всего похоже на состояние человека, которого избили до полусмерти: семь лет колотили ее, и тут дай бог с костылями двигаться"²².

До "костылей" довели мировая война, превращенная в гражданскую, и "военный коммунизм". Человеческие жертвы в войне гражданской втрое превышали потери России в войне мировой. Когда Ленин говорил, что гражданскую войну развязали помещики и буржуазия, то он называл лишь часть истины. Превратить мировую войну в гражданскую Ленин к восторгу всех левых призывал, начиная с 1914 г.²³.

Бухаринские представления 1917 - 21 гг. о "переходном периоде" разделили: судьбу "военного коммунизма" - русский народ с оружием в руках отторг эту практику геноцида вместе с ее теорией. Поэтому не во всем был прав Ленин, говоря, что России не хватает цивилизованности. Упрек был бы справедлив, если бы страна смирилась с "военным коммунизмом". Но этого не случилось.

Массовые крестьянские восстания, хотя и потопленные в крови руками Троцкого и, особенно, - восстание матросов Кронштадта, этой "колыбели революции", вознамерившейся штурмовать Зимний еще раз, смертельно перепугали руководство страны и принудили к отступлению. Официально смена курса оправдывалась необходимостью перехода от политики разрушения старого строя к политике созидания нового.

---

²² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 68.

²³ Например, А.М.Коллонтай, теоретик (и практик) сексуальной революции, так описывала отношение "левых" к ленинскому призыву к гражданской войне: "Очень долго обсуждали... "основное положение": поражение правительства и буржуазии в каждой стране должно стать лозунгом. Это то же, что говорит и Карл Либкнехт. Но Ленин идет дальше - не просто поражение, а "превращение войны империалистической в войну гражданскую". Это революционная мысль. И это открывает путь к действию... Для меня теперь ясно, что никто так эффективно не борется с войною как Ленин. Остальное половинчатость". Из архива А.М.Коллонтай. (Иностранная литература. 1970. № 1. С. 228.). Одним словом, единственное, чего не хватало России, так это гражданской войны.

Любой здравомыслящий политик, увидев разверзшуюся пропасть, без труда мог бы сообразить, что дальнейшее добывание хлеба с помощью штыков карательных продотрядов стало делом безнадежным. Требовалась политика, основанная на экономических законах и учете интересов людей труда. Большого ума для этого не требовалось, но небольшой все же требовался. Бухарин проявил здесь наибольшую сообразительность в сравнении с остальными соратниками Ленина и с жаром принялся за разработку новой концепции "переходного периода" взамен старой. Наиболее здравые мысли он отстаивал в пятилетний период между отходом Ленина от дел в 1923 г. и сталинским переворотом в 1928 - 29 гг. Этому периоду и отведено дальнейшее изложение.

Вторым по разрушительности бедствием вместе с гражданской войной был "военный коммунизм". Вся его экономическая философия, рассчитанная на построение социализма в кратчайший срок, свободно умещалась в шести строчках. "Мы сделали ту ошибку, - сообщал Ленин, - что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нам нужное количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение"²⁴.

"Мы решили", "нам дадут", "мы разверстаем" и т.п. - и рассуждали так не дети малые и не персонажи русских народных сказок, а серьезнейшие вожди, нацеленные вдобавок и на "мировую революцию", т.е. и остальных хотели "разверстать" по тому же образу и подобию. Иными словами, не знали и не понимали не только России, но и Европы, хотя и прожили там в эмиграции большую часть жизни.

В своей некомпетентности расписывались и остальные вожди²⁵. Итак, войдя в Россию с разрушительной "миссией" и

---

²⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 157.

²⁵ На XI съезде партии был себя в партийные груди Троцкий, второе лицо в государстве. "Мы с чего начали?" - спросил он... Мы начали в хозяйственной политике крутым и непримиримым разрывом с буржуазным прошлым. Раньше был рынок - упраздняется, свободная торговля - упраздняется, калькуляция коммерческая упраздняется. Что вместо этого? Централистский верховный священный ВСНХ, который все распределяет, все организует, обо всем заботится: куда машины, куда сырье, куда готовые продукты, - он из единого центра через свои ответственные органы решает, все распределяет. Мы на этом плане осеклись. Почему? Потому, что оказались недостаточно подготовленными или, как формулировал тов. Ленин, в силу

осуществив ее с неожиданной свирепостью, старый большевизм к 1921 году исчерпал себя на захвате власти и развязывании гражданской войны и пал под огнем крестьянских и армейских восстаний, забастовок и голода. На политике "прямого" перехода к социализму был поставлен большой крест и требовалось повернуться лицом к России, к действительным ее проблемам и нуждам народа. Без такого самообновления большевизм лишался всякого оправдания на дальнейшее существование в России. Никакой косметический ремонт не спасал бы.

Выбор Ленина был таков: "Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм"(1923)²⁶.

Судить о Бухарине 20-х годов - это и значит оценить его действия применительно к этому начавшемуся самообновлению большевизма. Все остальное у Бухарина (его занятия философией, проблемами литературы и искусства, историей науки и т.п.) удручающе ординарно, перегружено политической риторикой на злобу дня и вряд ли заслуживает серьезного интереса.

Новый курс большевизма формируется в результате наложения двух процессов. С одной стороны большевизм начинает отказываться от своих уцербных установок по отношению к России, а с другой - и Россия начинает ставить большевизм на службу своим созидательным задачам. Начинается процесс их взаимоприспособления и поэтому выбрасывать большевизм из истории как исключительное зло и бедствие, как сегодня предлагается "демократами", значило бы еще раз резать по живому телу России.

И еще один чрезвычайно важный момент необходимо иметь в виду, чтобы не раздувать роль Бухарина, но и не принижать невольно значение того нового курса, который он начал отстаивать. Зачастую, особенно сегодня, этот новый курс сводят к так называемому НЭПу, а суть последнего видят в рынке, что и неудивительно - "демократический" торгаш ни о чем ином, кроме рынка, судачить не способен. Для него тут весь свет в окошке.

Но это самый примитивный, хотя и самый распространенный взгляд. Для самого большевизма поворот лицом к рынку, действительно, являлся неожиданным и довольно крупным новшеством. Товарно-денежные отношения ранее увязывались исключительно с капитализмом, а строительство социализма связывалось с их обязательным уничтожением. С этого и начали "воснный коммунизм". Поэтому, прозвучавший словно гром

нашего низкого уровня" (XI съезд Российской Коммунистической партии. Стенографический отчет).

²⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 376.

среди ясного неба, ленинский призыв: "учитесь торговать" - поверг партию в состояние шока и крайней растерянности.

Но суть начавшегося обновления большевизма все же не в НЭПе и рынке. Они лишь фрагменты более глубоких процессов. Новое связано с тем, что Россия начала ассимилировать большевизм. Отказавшись от дури "военного коммунизма" и "прямого" перехода к социализму и перестав верить в "мировую революцию" как в бога, он начинает понимать, что жить и работать теперь придется здесь, в России, а не в каком то фантастическом "интернациональном" мировом сообществе, которое со дня на день должно восторжествовать в результате "мировой революции". Протрезвев, большевизм всерьез и надолго, и, как показала история - небезуспешно, сознательно берет на свои плечи руководство сложнейшим процессом модернизации России - превращением страны в мировую индустриальную державу, решением аграрного вопроса, укреплением обороноспособности, подъемом материального и культурного уровня жизни народа. Сколь мучительно протекал этот процесс и, в то же время, сколь грандиозны его результаты мы сегодня хорошо знаем. Опасно вычеркивать как одно, так и другое.

Для сравнения можно вспомнить, что аналогичные процессы - вхождение в индустриальный мир, аграрный переворот, подъем культуры и т.п. в свое время свршались в развитых странах Европы. Но там это достижение "цивилизованности" составляло "миссию" капитализма. В России он "запоздал" и был свергнут, не успев расцвести. Поэтому модернизация страны становится "миссией" совершенно иных социальных сил.

Большевизм не просто возглавляет этот процесс обновления и модернизации России, но и ставит задачей придать ему новое историческое качество. Это обновление предполагается как одновременное решение еще одной грандиозной задачи - построения социализма, т.е. модернизация мыслится как создание материально-технической и социально-культурной базы для общества социальной справедливости.

Этот новый курс большевизма получит название "социализма в отдельно взятой стране". И именно в принятии этого курса, а не в НЭПе, рынке и т.п. заключается действительный смысл самообновления большевизма. Применительно к становлению этого курса, а не в связи с чем-либо другим, и следует рассматривать роль Бухарина.

Теоретической самостоятельностью Бухарин никогда не отличался. Он всегда попеременно примыкал к кому-либо. Но го

двум группам вопросов после смерти Ленина его влияние быстро возрастает сравнительно с другими ленинскими наследниками (Троцкий, Каменев, Зиновьев, Сталин). Это - именно вопрос о социализме в таком отдельно взятом "слабом звене" мировой системы, как Россия. И связанный с этим второй решающий вопрос - как превратить Россию в индустриальную державу, не принеся собственную страну в жертву индустриализации.

Инициатором отказа от прежней несостоятельной точки зрения на социализм и перехода с 1921 года к новому и более здоровому социально-экономическому курсу был сам Ленин. Существенно начинают меняться его взгляды на Россию, на возможность построения социализма, на методы этого строительства, более глубоким становится понимание действительных социально-экономических проблем модернизации страны, которые ранее представлялись подчас довольно смутно. Бухарин здесь - верный ученик и последователь Ленина, и в то же время его работы начинают выигрывать своей гораздо большей четкостью, логичностью и последовательностью. С другой стороны, возраст, постоянное перенапряжение и болезнь Ленина, вероятно, начинали уже сказываться.

Неясным оставалось многое не только для Ленина, но и для всей России. Хотя новый курс у Ленина просматривается как вполне определенная и цельная перспектива, но он еще оставался намеченным лишь отдельными крупными штрихами, фрагментарными соображениями, подчас противоречивыми и не всегда логически взаимосвязанными. Не всегда последовательна и логика поисков. Поэтому для его наследников оставалось самое широкое поле работы. Вот лишь некоторые из примеров.

Как, например, объяснялось Лениным крушение "военного коммунизма"? Это было важно для определения нового курса.

Первым препятствием к неудавшемуся "прямому" переходу к социализму обычно называлось с 1921 года отсутствие развитой индустриальной базы. Но почему это стало известно лишь в 1921 г., когда вынуждены были отказаться от этого курса на "прямой переход"? "Действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества является одна и только одна - это крупная промышленность, - повторяет Ленин во множестве работ. - Без капиталистической крупной фабрики, без высоко поставленной крупной промышленности не может быть и речи о социализме вообще, и тем менее может

быть и речи о нем по отношению к стране крестьянской" (октябрь, 1921 г.)²⁷.

Но в связи с этим основополагающим тезисом тот же самый вопрос мог возникнуть не только в отношении промышленной, но и аграрной сферы - разве преобладание крестьянства, (которое постоянно клеймилось за мелкобуржуазность) упало с неба и лишь в 1921 г., т.е. не было известно заранее?

И вообще, все эти постоянные и раздраженные ссылки как на козла отпущения, на преобладание мелкокрестьянского хозяйства, на "мелкобуржуазность России" составляли самое слабое место во всей ленинской аргументации.

Одним словом, в 1921 г. обнаружилось, что должной промышленности нет, а мужик - главное препятствие социализму - есть. А если бы его не было? На Западе, разъяснял Ленин на X съезде, знаменовавшем поворот к новому курсу, пролетариат "достаточно развит, непосредственный переход от капитализма к социализму возможен... Мы подчеркивали во всей прессе, что в России мы имеем меньшинство рабочих в промышленности и громадное большинство мелких земледельцев"²⁸. Поэтому, тут нужны переходные меры для установления социализма.

Если следовать этой логике, то Россия виновата в том, что, в отличие от Европы, не доросла до большевистской схемы. Но, вероятно, все это следовало бы учитывать и до X съезда партии. Однако получилось, что схема была хороша, а Россия из рук вон плоха. Поэтому приходится идти на уступки России, "отступать" и т.п. Например, возврат к торговле, товарно-денежным отношениям, хозрасчету и т.п. методам экономического регулирования (вместо того, чтобы по-прежнему забирать от крестьян продукты без эквивалента) тоже объяснялся не требованиями законов самой экономики или хотя бы элементарным уважением к мужику, а преподносился как вынужденная уступка такому неполноценному слою как крестьянство.

Причем преподносилось все это как благородный жест, а не ослабление пальцев на горле уже заходившимся в предсмертном хрипе и схватившимся за оружие крестьянам. "Мы открыто, честно, без всякого обмана - хвалит Ленин себя и своих соратников, - крестьянам заявляем: для того, чтобы удержать путь к социализму, мы вам, товарищи крестьяне, сделаем целый ряд уступок, но только в таких-то пределах и в такой-то мере, и, конечно, сами будем судить - какая это мера и какие пределы"²⁹.

²⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 385.

²⁸ Там же. С. 192.

²⁹ Там же.

С одной стороны - самокритичное требование об изменении собственной непригодной прежней точки зрения на социализм. И в то же время - не возникает ни тени сомнения в своей какой-то изначальной предназначенности на это право "переделывать" и поучать крестьянство. Ленин твердо убежден, что правда уже в кармане и нужно только раздать ее этим отсталым четвертым пятым населения России. Причем Ленин никогда не говорит от своего собственного лица ("я думаю", "мне кажется" и т.п.), а всегда от имени "пролетариата", "всех сознательных пролетариев всего мира" и т.п. "Пролетариат руководит крестьянством, - заявляет он, - но этот класс нельзя так изгнать, как изгнали и уничтожили помещиков и капиталистов. Надо долго и с большим трудом и большими лишениями его переделывать"³⁰.

Стиль-то какой: "нельзя изгнать" (а как хотелось бы?) и тут же аплодисменты своим усилиям - ведь "переделывать" придется "долго", терпеть "большие лишения" и т.п. Эта непоколебимая убежденность в собственном превосходстве над Россией и ее народом пронизывает всю логику рассуждений об интеллигенции и крестьянстве и ее венцом выступает всем известный решающий тезис о "союзе с крестьянством", которым руководство большевиков так гордилось в качестве крупнейшего своего теоретического и практического достижения. Но задумаемся: о глубине ли мысли и высоте духовно- нравственного развития свидетельствовал этот тезис? Правомерно ли провозглашать четвертые пятые населения не хозяином в собственном доме и в своей стране, а всего лишь союзником? А кто тогда хозяин в его доме? Четвертые пятые населения - это ведь почти вся Россия. Это стомиллионная славянская группа в центральной части страны, т.е. это к тому же и "национальный вопрос". Можно ли быть "союзником" своей собственной родины, если считать ее таковой? Крестьянин, пахарь и кормилец, а в лихую годину - и воин, защитник Отечества, до тех пор еще никогда не объявлялся "союзником" в собственном доме. До этого еще никто не додумывался.

Идеализировать Бухарина нет никаких оснований. Но ему нельзя отказать в той заслуге, что он, пожалуй, единственный из деятелей его ранга, кто первым начнет исподволь сглаживать последствия и выпрямлять "кривизну" отмеченной выше однобокой логики видения России. Немалые усилия над собою были предприняты в этом отношении уже и самим Лениным. Троцкий же усядется на кривую палку из остатков "военного коммунизма" и словесного признания НЭПа и обнаружит недвусмысленное же-

---

³⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 397.

дание скакать под восторженные крики почитателей к "мировой революции", где России отводилась роль топлива во вселенском пожаре.

Так сложатся два противоборствующих направления среди наследников Ленина в вопросе о том, куда идет Россия и как к ней относиться: так называемый правый коммунизм, душой которого становится Бухарин, и так называемый левый коммунизм или троцкизм. Каждый из них по-разному использовал ленинскую рекомендацию о необходимости пересмотра всей прежней точки зрения на социализм и опирался при этом на различные идеи в ленинском теоретическом наследии. Одни продолжают курс, который получит название социализма в отдельной стране, для других этот курс реакционная глупость, а сама Россия - не цель, но лишь средство в "мировой революции", ибо на большее она не пригодна.

Каждая из противоборствующих сторон ссылалась на авторитет Ленина, но ему самому многое оставалось неясным в вопросе о социализме в России. Сомнений не возникало, что империалистическую мировую цепь можно разрубить революционным ударом по российскому слабому звену, но как пойдут дальнейшие события - тут можно было строить лишь гипотезы. "Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет", - уклончиво отвечал Ленин в конце своей жизни (1923)³¹.

Подсказок от Маркса большевики тоже получить не могли. Коз-какие советы, как жить в обществе, состоящем из пролетариев, имелись. Но загадкой оставалось, как жить в обществе с преобладанием "мелкой буржуазии", т.е. крестьянства.

Маркс столкнулся во второй половине XIX в. в России с малоизвестной ему и качественно новой исторической ситуацией, к обсуждению которой он еще не был готов. Классический марксизм с его структурой мышления и выводами об историческом прогрессе сложился преимущественно на материалах истории Западной Европы и имел перед собою промышленный капитализм XIX века. В "Манифесте Коммунистической партии" и "Капитале" Россия вообще еще не упоминалась. Маркс пытался примерять здесь европейский опыт, но почувствовал недостаточность и ограниченность европоцентризма.

Последние десять лет своей жизни - факт малоизвестный Маркс почти целиком отдал изучению российской ситуации, "парадоксальной" с точки зрения исторического опыта Европы. Но на настойчивые прямые вопросы народников к нему о том,

---

³¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 481.

куда идет Россия и в какой мере она будет повторять опыт Европы, Маркс так и не смог выработать сколь-нибудь определенный ответ при всех своих длительных научных усилиях. Он уходил от ответов, а если и давал их народникам, то в крайне уклончивой, условной и неопределенной форме. И это не случайно - "европоцентристски" ориентированный марксизм нуждался в обогащении своих категорий и в обновлении содержания посредством осмысления исторической специфики нового региона и новой эпохи. Одной Европы и XIX века здесь было недостаточно.

И еще одно чрезвычайное новшество. Маркс имел дело с господством капитализма промышленного, т.е. производящего и прогрессивного. Но на рубеже веков к мировому господству рвался новый капитал в самой реакционной и паразитической его форме - капитал финансовый. Сфера обращения (банки, биржа, финансы), вторичная по отношению к сфере производственной, становится господствующей над нею и над всем общественным организмом в целом. Это была новая форма отчуждения и данная перемена в "Капитале" осталась еще почти не затронутой.

Кроме того, на примере России Маркс столкнулся с таким новым историческим феноменом как социально-экономическая отсталость, которая в условиях мирового господства финансового капитала означала для "отставших" и новое качество для возможностей их развития. Из силы исторически прогрессивной, капитал, применительно к "отставшим", превращался в силу разрушительную и деструктивную. Отсюда и новые для марксизма проблемы в этих регионах, известные под названием "революций отсталости". В первом ряду их и находилась Россия. На сегодняшний день - это проблемы "третьего мира", разрыв которого со странами развитыми не сокращается, а растет.

В классическом марксизме эти проблемы еще не изучались как глобальные проблемы, а упоминались лишь с помощью таких категорий, как "достижение цивилизованности" (словно бы этот мир стоял вне "цивилизованности"), "неравномерность" социально-экономического развития различных стран, колониальная зависимость и т.п. Но о том, что отставание по уровню экономического развития обрекает и на новое качество этого развития - этот вопрос в марксизме еще не ставился.

Поэтому то большевики в России в своих поисках выхода из тупика и не могли получить от Маркса никаких подсказок относительно путей России к социализму. Более того, сам классический марксизм требовалось приспособить к объяснению этой "аномальной", т.е. малопонятной для него ситуации. Он базиро-

вался на формуле, согласно которой ни одна формация не сойдет с исторической сцены до тех пор, пока не исчерпает свои возможности к историческому прогрессу и пока в ее недрах не созреют все необходимые предпосылки для нового общества. Поэтому, согласно Марксу, без высокоразвитого капитализма не жди никакого социализма. Он является продуктом достигшего апогея и запутавшегося в своих неразрешимых противоречиях капитализма. Последний должен приготовить богатое приданое для социалистического пролетариата, а ему остается лишь спихнуть в могилу капитализм и потому какой-либо длительный "переходный период" здесь не требуется. Все необходимое для социализма будет получено от "загнившего" капитализма чуть ли не в готовом виде. Остается лишь рачительно воспользоваться этим наследством.

Ни одному из этих требований Россия не отвечала. В свете этих критериев она не была готова для социализма ни в экономическом, ни в социальном и политическом отношении. Капитализм здесь своего апогея не достиг, а то немудрящее наследство, которое пролетариату досталось в 1917 г., было промотано гражданской войной и "военным коммунизмом".

Отсюда и возникла перед большевизмом проблема длительного подготовительного "переходного периода" к социализму, что классическим марксизмом не предусматривалось. Соответственно потребовалось и новое теоретическое оправдание данной "революции отсталости" с учетом этой "аномальной" ситуации. "Теперь вышло иначе, и никакой Маркс и никакие марксисты не могли этого предвидеть", - говорил Ленин в 1922 г. Поэтому нам сейчас приходится выкарабкиваться самим³².

Теоретики правого крыла Второго Интернационала (каутскянство) в соответствии с канонами классического марксизма с порога отвергли саму возможность "социализма в одной стране", тем более в таком "слабом звене" как Россия. Такое занятие Плеханов и следовавшие ему меньшевики считали безнадежной авантюрой. Весь свой последний год жизни на Родине (умер в 1918 г.) он доказывал, что история еще не намолочила той муки, из которой в России можно было бы испечь социалистический пирог. Поэтому единственно правильный лозунг, который на взгляд Плеханова выражает объективные потребности и перспективы развития России - это требование ее "европеизации".

Психологически, возможно, это был и привлекательный, но практически - самый пустой и бессодержательный лозунг. Темы

---

³² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 277, 84.

"финансовый капитал" Плеханов в упор не замечал. В его объ-
ятыях "третий мир" до сих пор не "европеизировался".

Нестыковки большевистской стратегии с канонами класси-
ческого марксизма Ленин пытался урегулировать в разное время
по-разному. В конце жизни он решил разрубить одним ударом
этот узел проблем для "революции отсталости". "...Учебник, напи-
санный по Каутскому, - заявил он, - был вещью для своего вре-
мени очень полезной. Но пора уже все-таки отказаться от мысли,
будто этот учебник предусмотрел все формы развития дальней-
шей истории. Тех, кто думает так, своевременно было бы обя-
зывать престо дураками"³³.

Каутский здесь был ни при чем - он следовал "Капиталу"
Маркса.

Россия, согласно Ленину, пойдет обратным, т.е. иным путем.
"Если - заявлял он, - для создания социализма требуется опреде-
ленный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков
этот определенный "уровень культуры", ибо он различен в каждом
из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать
сначала с завоевания революционным путем предпосылок для
этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-
крестьянской власти, и советского строя, двинуться догонять дру-
гие народы"³⁴.

Поэтому весь ленинизм можно рассматривать как истори-
чески первую грандиозную попытку угнетенных вырваться из
лап мирового финансового капитала и построить общество соци-
альной справедливости. Но попытка оказалась исторически прер-
ванной в результате истощения сил в борьбе за выживание, под
тяжестью взятых задач и под грузом собственных просчетов и
ошибок. Сталинизм и предательство выродившейся правящей
клики ("перестройка") - решающие вехи на пути заката лени-
низма. Сегодня "демократы" заверяют, что реакционно само
устремление к обществу социальной справедливости, но тогда
получается, что прогрессивно и вечно общество социальной не-
справедливости.

Вернемся снова к тем трудностям, с которыми Ленин шел к
идее "социализма в отдельной стране", чтобы увидеть ту "долю",
которая осталась Бухарину в этом вопросе.

В свое время Сталин навязал слишком упрощенное пред-
ставление о пути Ленина к этой идее. После выхода его брошюры
"Октябрьская революция и тактика русских коммунистов"(1924)

---

³³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 382.

³⁴ Там же. С. 381.

непререкаемой догмой стал тезис о том, что уже во время мировой войны Ленин пришел к выводу о возможности побед социализма в отдельной России. Опираясь на закон неравномерности развития, заявлял Сталин, Ленин уже тогда разрабатывал "свою теорию пролетарской революции, о победе социализма в одной стране, если даже эта страна является капиталистически менее развитой"³⁵. Имелась в виду Россия.

На самом же деле позиция Ленина в вопросе о России была гораздо сложнее и менее категоричной. В годы войны Ленин, действительно, обсуждал вопрос о социализме "в отдельной стране", но какую конкретную страну он имел в виду - это неясно. Россия в этом контексте еще не упоминалась. Возможно, речь шла о Швейцарии, где Ленин тогда находился.

Впервые отчетливое утверждение о России содержится в статье "О кооперации" (январь 1923). Там Ленин заявлял, что теперь сложились условия (и перечислял их), которые составляют "все необходимое и достаточное для построения полного социалистического общества. Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое для этого построения"³⁶. Однако годом раньше ("Заметки публициста", февраль, 1922) Ленин еще считал "азбучной истиной" совсем иную стратегию. "Мы всегда исповедовали и повторяли ту азбучную истину марксизма, - говорил он, - что для победы социализма нужны совместные усилия рабочих нескольких передовых стран"³⁷. Еще ранее, в первые послеоктябрьские годы, Ленин был твердо убежден, что "окончательная победа социализма в одной нашей стране невозможна" (январь, 1918)³⁸. "Победить полностью, окончательно, нельзя в одной России" (апрель, 1919). Число подобных категоричных высказываний Ленина о невозможности победы социализма в отдельно взятой России можно было бы умножить многократно.

Три обстоятельства Ленин обычно перечислял в качестве решающего препятствия для победы социализма в России: опасность военного вторжения, исконную природную несоциалистичность ("мелкобуржуазность") крестьянства, т.е. преобладающей части населения страны, и отсутствие должной материально-технической базы и культуры.

Но постепенно, особенно в последние два года жизни, по всем этим трем пунктам мысль у Ленина начинает окрашиваться

---

³⁵ Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 372.

³⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 372.

³⁷ Там же. Т. 43. С. 180.

³⁸ Там же. Т. 34. С.250.

в иные тона. Например, отмечается, что хотя опасность военной угрозы и не исчезла, но республика Советов обнаружила способность к выживанию в капиталистическом окружении и даже появилась возможность использовать техническую помощь для развития промышленности. Признается возможность своими силами совершить и индустриализацию, а также целую революцию в культуре. И самое удивительное - меняется также взгляд и на крестьянство (не забудем - три четверти населения России) - в сторону признания его способности быть участником социалистического строительства. Ленин призывал в статье "О кооперации" научиться строить социализм так, "чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении"³⁹.

Такой ход мыслей был уже совсем неожиданным и шел вразрез со всеми прежними марксистскими канонами, в том числе и с собственной ленинской позицией. Признание за крестьянином способности строить социализм Ленин всегда считал недопустимой глупостью, на которую способны лишь одни народники. Ранее никаких иных слов применительно к крестьянству кроме "мелкая буржуазия", что было равнозначно криминальному ярлыку, не употреблялось. Предполагалось, что в какой-то мере к социалистическому делу возможно могли привлекаться лишь самые "низы" из крестьянства: чем беднее, тем социальнее ближе и надежнее считался крестьянин, а чем богаче - тем опаснее для дела социализма ("кулак", "мироед", "кровосос" и т.п.). И вдруг в последних своих знаменитых письмах Ленин все эти понятия не употребил ни разу, хотя ранее они были самыми ходовыми. Но теперь нет ни "мелкой буржуазии", ни "кулаков". Отсутствовали и какие-либо пояснения этих метаморфоз.

Тут было о чем призадуматься, поскольку затрагивались не какие-то второстепенные детали, а потрясались самые основы, на незыблемости которых настаивалось из статьи в статью, из года в год. Никто в среде марксистов, и менее всего сам Ленин, никогда не видел в крестьянстве социалистический фактор развития. Напротив, оно постоянно считалось гирей на шее у пролетариата в его движении к социализму. Не будь этой проклятой "мелкобуржуазной" части населения и до желанного "прямого" перехода к социализму было бы рукой подать - постоянно разъяснял Ленин.

Правда, можно было бы задуматься и о том, с кем же и как строить социализм в России без этих восьми десятых ее народа, т.е. без крестьянства, а тем самым и без России. Но тут на по-

---

³⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 370.

мощь должна была придти "мировая революция". Без ее помощи, повторял Ленин из работы в работу, реставрация капитализма неизбежна, т.е. согласно этой логике "мировая революция" призвана была обуздать асоциалистическую Россию с восемьюдесятью ее народа и помочь внедрить в страну социализм. Логика во всем этом было мало. Но теперь, к своему немалому удивлению, читатель этих последних писем обнаруживал, что в них не упоминается и "мировая революция" в ее прежнем значении - в качестве обязательного условия для победы социализма в России. Коминтерн для объединения революционных сил в Европе создан, он есть, а понятия "мировая революция" нет. Более того, Ленин неожиданно заговорил уже не о социалистической революции в Европе, а об освободительном движении на Востоке - в Индии и Китае, в сочетании с которым "окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена"⁴⁰.

Новый ход мыслей Ленина очевиден - от решительного отрицания возможности построения социализма в отдельно взятой России он с зигзагами и отступлениями движется к выводу о способности народа России построить социалистическое общество в одиночку, своими силами, под руководством партии и без предварительного торжества мировой революции. Вплотную он подошел к этому выводу лишь в своих предсмертных записках 1923 года, а не в период мировой войны, как изображал Сталин.

Но этот новый для партии поворот ленинской мысли не привлекал ее внимания почти два года. Погруженная в запутанные повседневные заботы НЭПа и междоусобную драку группировок за власть, партия по инерции руководствовалась старой привычной перспективой невозможности построения социализма в одиночку, без торжества мировой революции. Например, решения XII (1923) и XIII (1924) партсъездов свидетельствуют о том, что "социализм в отдельной стране" пока что оставался еще вне сознания партии.

Но рано или поздно ответ требовалось сформулировать. Поворот к этому лозунгу подстегнула также борьба с троцкизмом, рвавшимся к власти после Ленина. Тогда-то и вспомнили и извлекли на свет из ленинской статьи "О кооперации", почти через два года после ее появления, идею относительно "необходимого и достаточного" для социализма в одиночку. Официальным признанием этого нового курса считается XIV партконференция (1925).

---

⁴⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 404.

4. Как относиться к России: альтернатива Бухарина и Троцкого

В набор "перестроечных" подлогов о Бухарине входит замалчивание его атаки на троцкизм. Жестокая схватка со злоумышленным и агрессивным отношением троцкизма к России заполняет собою идейно - политическую жизнь страны в 20-е годы. Эта борьба спутывалась личными интригами и борьбой группировок за власть и перемешивалась со множеством других дискуссий (в философии, политэкономии, литературоведении, истории). Но от исхода именно этой борьбы в решающей степени мог зависеть характер последующего развития страны. Паскудных страниц в жизни Бухарина немало. Но его активное участие в дискредитации Троцкого, что помешало его восхождению к господству в России, история должна зачесть ему в качестве значительного реабилитирующего обстоятельства.

Обращение к этой сути дела не входило в планы инициаторов недавней реабилитации Троцкого, т.е. оправдания его преступлений против России. Официальной реабилитации не объявлялось. Просто через те же печатные станки вслед за работами Бухарина на рынок выбросили работы Троцкого. От шумных дискуссий тоже предусмотрительно воздержались, ограничившись вялыми повторениями дежурных проклятий в адрес убийцы Сталина, т.е. приглашениями оплакивать еще одну его жертву. Борьба Бухарина с троцкизмом если и упоминалась, то в качестве досадного недоразумения: своя своих не познаша. Нелепо мол что Троцкий, Каменев, Зиновьев и Бухарин дружно и своевременно не объединились против Сталина.

Чтобы вообще не поднимать этой истории, "перестроечные" авторы и при реабилитации Бухарина обошли эту сторону его деятельности, хотя вся его новая концепция "переходного периода" и социализма в отдельно взятой стране с самого начала разрабатывалась в качестве альтернативы концепции "перманентной революции" Троцкого. Правда, плодами победы над Троцким воспользовался Сталин и куда он направил страну, мы сегодня хорошо знаем. Но какую "перестройку" и "демократию" учинил бы Троцкий на российской земле, тут никакие догадки не нужны. В своих работах и делах он четко и неприкрыто обнаружил свое патологически неприязненное отношение к России и ее народу. Чтобы это увидеть, достаточно познакомиться с его работами в подлиннике, а не по апологетической литературе его зарубежных и отечественных поклонников или по специально подобранным публикациям. О его концепции превращения России в казарму и

концлагерь упоминалось уже не раз. Лишь о крайнем скудоумии свидетельствуют мелькающие сегодня ссылки на Троцкого (например, на его работу "Преданная революция") как на духовного союзника в борьбе с пережитками сталинизма. Троцкий, действительно, в борьбе за власть стремился укусьть Сталина за самые чувствительные места и делал это весьма квалифицированно, поскольку он еще до возвышения Сталина стоял у истоков регрессивно-крепостнической системы и дело знал не из чужих рук. Но сегодня вряд ли следует забывать, во имя чего он воевал со Сталиным.

Попутно отметим также, что борьба с Троцким затруднялась двойственностью и неопределенностью позиции Ленина⁴¹. Сам Троцкий настойчиво будет приводить свидетельства в пользу того, что чуть ли не все предсмертные заметки Ленина и его "Письмо к съезду" преследовали лишь одну цель - расчислить ему дорогу к вершинам власти и убрать Сталина. К этим свидетельствам следует, разумеется, отнестись критически, как к преувеличению. Но в то же время мы не найдем у Ленина предложений переместить Троцкого с занимаемых постов, как это было сделано в отношении Сталина. Более того, дважды Ленин предлагал Троцкому пост своего заместителя, но тот отказывался, ссылаясь в качестве препятствия на свой несговорчивый характер и еврейское происхождение.

Оба они, и Бухарин и послеоктябрьский Троцкий, как лидеры "правого" и "левого" коммунизма, вышли из Ленина, но за отправные точки для своих концепций брали различные его идеи и абсолютизировали разные периоды его эволюции. Троцкий не изжил старой приверженности к "военному коммунизму", а признание НЭПа как противоядия от "военного коммунизма" носило у него вынужденный и словесный характер. При жизни Ленина открыто выступать Троцкий побаивался, но и пары лет не про-

---

41 Троцкий, например, сообщал в своей автобиографии, что в годы войны "Ленин ставил заранее свою подпись под всяким решением, которое я найду вынести в будущем. Между тем, от этих решений зависела жизнь и смерть человеческих существ. Может ли быть большее доверие человека к человеку" (*Троцкий Л. Моя жизнь*. Берлин, 1930. С. 205). На одном из заседаний Политбюро, где Троцкий доказывал оправданность его драконовских мер в армии, Ленин, чтобы положить конец спорам, по сообщению Троцкого, выдал ему на глазах у всех чистый бланк, тут же написав внизу следующие слова: "Товарищи! Зная строгий характер распоряжений товарища Троцкого, я в абсолютной степени убежден в правильности, в целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, так что поддерживаю это распоряжение всецело. В.Ульянов-Ленин" (Там же. С. 205).

шло, как он отказался от этого курса и возвестил о "новом курсе". Смысл его состоял в требовании вернуться от НЭПа к Октябрю, к "настоящей коммунистической политике". Назад от НЭПа к Октябрю - таков лозунг троцкистской "левой" оппозиции.

Бухарин же олицетворял тенденцию обновления большевизма посредством внесения в него реформистски-эволюционистских идей. Вперед к социализму через НЭП - таков лозунг "правой" оппозиции. Если Троцкий на Россию смотрел как на трамплин для своих космополитических проектов под названием "мировая революция", то Бухарин, не отказываясь от мечты об этой революции, стремился все же повернуть большевизм лицом к жизненным проблемам России, разумется, в том их виде, как он их понимал.

Идейно оба этих направления оформились не сразу, а первоначально передрались из-за власти. Большой Ленин еще боролся со смертью, а окружавшие его плотным кольцом "обрусевшие инородцы" вцепились в глотку друг к другу в схватке за "командные высоты". Троцкому и его нахрапистым приверженцам решительно противостояла группировка, возглавляемая "тройкой": Каменев, Зиновьев, Сталин. На стороне последних в эту свару тут же ввязался и Бухарин, ранее постоянный почитатель Троцкого.

В этой драке из-за того, кто возглавит Россию и будет ее использовать, фактически вырисовывались две партии в составе одной правящей партии. Но поскольку вначале определенной собственной программы ни одна из группировок не предлагала (опасались взаимных обвинений в запрещенной X съездом партии фракционности), то заменителем программы служила критика противостоящей стороны и клятвы в верности ленинизму. Причем клялись разным его сторонам. В изобличении друг друга проявили немалую изобретательность. Каждый доказывал, что наилучший ленинец только он и потому власть в партии не должна попасть ни к кому другому.

Троцкий поначалу попытался действовать по-хорошему и келейно, в кругу Политбюро. Но убедившись в затыжном характере потасовки, прибегнул через прессу к широкой огласке окрестностей. Две крупных публичных ябеды против Сталина и всей "тройки" обрели особо скандальную изгестность и послужили катализатором к идейному оформлению каждой из группировок. Это статьи самого Троцкого "Новый курс" (1923) и "Уроки Октября" (1924). Агрессивную солидарность с Троцким проявили также авторы так называемого "Письма 46-ти". Хотя под ним подпись Троцкого отсутствовала, но писалось оно, веро-

ятно, под его диктовку, поскольку развивались в нем его же тезисы. Утверждалось, что в стране экономический кризис, и в партии - тоже кризис, а виновники - "фракция большинства в Политбюро"; партия "делится на верхи ("секретная иерархия") и низы - профессиональные партийные функционеры, не выбираемые, а назначаемые по указке верхов». Троцкий и его сторонники, разумеется, всего этого не допустили бы.

Названные документы призывали к нападению на "генеральную линию", представленную "тройкой", и четко обозначили уязвимые места для самых болезненных тычков. Их указывалось три: проблемы демократии, попустительство НЭПмановской буржуазии (особенно зажиточному крестьянству) и личная партийная неблагонадежность "тройки". Все желающие приглашались открыть огонь по этим пунктам, а как это делать первым подал пример сам Троцкий.

Известно, что зачисление себя в самого демократического демократа, а своих конкурентов - в душителей демократии, издавна составляет любимейший трюк всех рвущихся к власти. И сегодня геноцид осуществляется во имя демократии. Обвинение в зажиме демократии - главная троцкистская каверза Сталину. С этого конька Троцкий не слезал до конца своих дней, словно забыв, как он топил в крови восстания русских крестьян в годы "военного коммунизма", создавал концлагеря, курировал вандалистские акции по разгрому православной церкви, воспевал рабский труд в организуемых им "трудоarmиях" и т.п. Он ткнул своих оппонентов в самое уязвимое место, громогласно заявив о бюрократическом перерождении "старой гвардии" с "тройкой" во главе.

Однако против этой партийной машины все эти деятели заговорили лишь тогда, когда она отбилась от их рук и стала действовать против них. Ранее помалкивали, поскольку она создавалась при их совместном активнейшем соучастии. Поэтому выступления с обеих сторон носили лживый и демагогический характер.

Вот несколько указующих заявлений Троцкого. "... Партия, объявил Троцкий, - живет на два этажа: в верхнем - решают, в нижнем только узнают о решениях"⁴². Проводимый "секретарской верхушкой" курс "обнаружил наиболее отрицательные и прямо-таки нестерпимые черты аппаратной замкнутости, бюрократического самодовольства и игнорирования настроений,

---

⁴² Троцкий Л. Новый курс // Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 168.

мыслей и запросов партии"⁴³. Здесь Троцкий попадал в самую болезненную точку. Поэтому тему "демократии" он будет теперь насильствовать до тех пор, пока Сталин не подошлет ему убийцу в Мексику. Троцкий принадлежит к племени выдающихся специалистов превращать праведное в неправедное и жонглирование понятием "демократия" - свидетельство превосходного умения маскировать истинным и привлекательным лозунгом свои антинародные цели и действия⁴⁴.

Вторым чувствительным местом, за которое Троцкий решил побольнее укунить своих оппонентов, было поведение "тройки" в момент Октябрьского переворота. Троцкий напомнил в своих "Уроках Октября" о том, что Каменев и Зиновьев предательски вели себя в решающий момент между февралем и октябрём 1917 г., а Сталин в эти дни вообще бездельничал. Более того, 25-е октября в изображении Троцкого оказалось лишь заключительным эпизодом, тогда как все уже было заранее предрешено и благодаря исключительно действиям самого Троцкого.

История Октября описывалась таким образом, чтобы несложные "уроки" напрашивались сами собою: главный персонаж Октября - это сам Троцкий, Ленин ему следовал, а все остальные - незаконные наследники Октября, в отличие от него, законного. Кому же теперь доверять руководство - людям способным и проверенным в деле, причем в эпохи переломные, или же людям ненадежным? Ясно, что власть следует на блюдец поднести ему, Троцкому. Он больше всех того заслужил, а остальным вообще верить нельзя.

---

⁴³ Троцкий Л. Новый курс. С. 169.

⁴⁴ Что произошло бы в случае победы Троцкого? "Было бы наивно думать, что его победа создала бы какую-то "внутрипартийную" демократию и свободу. Ни Троцкий, ни люди, идущие с ним, "демократами" не были. Дух демократизма вообще чужд самому существу той диктаторской ленинской партии, к которой они принадлежали. Произошла бы лишь замена лиц и победители-троцкисты стали бы бороться с фракционными и внутрипартийными группировками совершенно так же, как их предшественники и противники" (Валентинов Н.В. Наследники Ленина. М., 1991. С. 35). Сегодня мы видим, в чем не прав Валентинов, сваливая все на одних большевиков. Их у власти сегодня нет. Все аргументы Троцкого против них повторили сегодняшние "демократы", добавив к этому свою банальнейшую апологетику капитализма. Но подлинной демократии не прибавилось. Все это говорит о какой-то внутренней общности всех этих лиц, ввергающих Россию из одного "переходного периода" в другой, какими бы лозунгами или партийными билетами они при этом ни прикрывали свои семейные драки. Лозунги и партийные билеты выкидываются, состав лиц меняется, а стратегический курс остается преемственно устойчивым.

Но тут Троцкий допустил непростительную промашку, завалился со своим самовозвеличением. Разъяренные оппоненты тут же гневно воскликнули: а партия во главе с Лениным где в этой истории? Тут же был сделан ответный заезд в историю и Троцкому публично показали, что об истории ему лучше вообще помалкивать. В нос ему ткнули его "небольшевизм": 16 лет боролся с большевиками и примкнул к ним лишь тогда, когда их победа была уже не за горами. Троцкого обвинили в забвении ленинизма и в подмене его троцкизмом. С резкими статьям в "Правде" тут же выступили Бухарин, Зиновьев, Каменев, Сталин и др.⁴⁵ Широкий поток резолюций с осуждением Троцкого прокатился по партийным организациям. И этим дело не ограничилось. Троцкого не только вывалили в зловонных лужах, но и лишили верховного поста в армии, т.е. отобрали и армию. Такой гневной реакции он не ожидал и на некоторое время в растерянности затих и даже начал просить прощения и каяться. Через четыре месяца после "Уроков Октября" любовь к демократии у него как рукой сняло и он стал заявлять о вечной правоте партии. "Партия всегда права" - объявил он на XIII съезде партии⁴⁶.

Одним из старательнейших идейных дирижеров развернувшейся ответной антитроцкистской кампании стал Бухарин. Игры Троцкого раскусили сразу: "... Троцкий и вся оппозиция в целом,

---

45 Ленин в своем "Письме к съезду" настаивал на амнистии Каменева с Зиновьевым и Троцкого тоже. Его загадочная запись такова: "Октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не является случайностью, но... он также мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому" (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 380.). Сплошь одни загадки и недоговоренности. Почему таких серьезных деятелей нельзя винить "лично" за то, что они сами делают? Разве они действовали не по собственной "личной" инициативе? Или они подчинялись чьей-то "безличной" указке и потому сами "лично" вины не несут? Пусть отвечает тот, кто приказывал. Непонятно также, почему в одно дело подшиты два совершенно разных деяния? Предательское поведение Зиновьева с Каменевым в октябре увязано с дооктябрьским "небольшевизмом" Троцкого. Все внесено в одно предложение и с непонятной логикой: не ставить им "в вину лично". Где тут бузина, а где дядька? И притом отмечено, что их деяние "не является случайностью". Опять загадка. Сам Ленин эти ребусы не разъясняет. Связать их с его болезненным состоянием трудно, поскольку остальной текст "Письма" в общем четок и вполне логичен. Но этими рекомендациями Ленина пренебрегли. Троцкий выгасил на свет не что иное, как "октябрьский эпизод" Зиновьева и Каменева, чтобы убедить, что "лично" им всерьез не следует. Троцкому же, по тем же соображениям, "лично" напомнили именно о его "небольшевизме". Все сделали так, как не хотел Ленин.

46 Стенографический отчет XIII съезда РСДРП. С. 372.

- писал Бухарин, - хочет бить демократией по старым кадрам"⁴⁷. Под "старыми" разумелась руководящая "тройка" - Каменев, Зиновьев, Сталин. "... Троцкий начал атаку на ЦК и на старые партийные кадры, стремясь в этой атаке опереться на молодежь (недостаточный большевистский закал и т.д.)"⁴⁸. Отметим, что молодежную поддержку Троцкий получал, хотя довольно художочную, преимущественно от вузовской молодежи, но не от стоявшей за плугом или заводским станком, куда подрастающие "обрусевшие инородцы" не особенно рвались.

Любопытна эволюция бухаринских выступлений против Троцкого. Поначалу соперничающие фракции избивали друг друга разными сторонами и идеями ленинизма. Поскольку конкуренты друг друга прекрасно знали, а систему создавали вместе, то пороки взаимно указывать было не трудно. Троцкий построил линию нападения - защиты на лозунге "демократия", а его конкуренты - на лозунге "единство партии" и "долгой фракционность". Хотя и те и другие высказали много истинного, но в их устах все это зачастую оборачивалось ложью.

Бухарин был не самым худшим, а в чем-то и гораздо более смышленным среди всех этих лиц, оказавшихся во главе России. К чести его следует отметить, что он обнаружил ту способность учиться, на которую возлагал надежды Ленин в своем "Письме к съезду". Можно увидеть, как от работы к работе суждения Бухарина о социально-экономических проблемах России становятся все более зрелыми и здоровыми. С одной стороны, он начинает ухватывать всю концепцию Троцкого целиком, т.е. более глубоко выявлять ее непреодолимую вредоносность для России. Он первым начинает разяснять, что ее общий гнилой узел завязан именно в концепции "перманентной революции", где народу России отводится лишь роль топлива в "мировой революции". С другой стороны, он ставит перед собою задачу перевести внутривнутрипартийную дискуссию в совершенно иную плоскость, чтобы выработать цельную концепцию такого обновленного большевизма, который был бы повернут лицом к России, к решению ее жизненных социально-экономических проблем. Но эти его усилия носили непоследовательный, противоречивый и компромиссный характер.

Троцкистской идее "перманентности" Бухарин пртивопопоставляет идею "социализма в отдельной стране". Троцкий был прав, когда писал: "Из борьбы против перманентной революции

---

⁴⁷ Бухарин Н.И. К вопросу о троцкизме. М.; Л., 1927. С. 15.

⁴⁸ Там же. С. 22.

выросла теория социализма в одной стране"⁴⁹. Если суждения Троцкого проникнуты мыслью о том, что социалистической России может стать не благодаря, а вопреки НЭПу и только через "мировую революцию", то Бухарин исходит из посылки о том, что Россия станет социалистической именно через методы НЭПа и благодаря им.

Из номера в номер в редактируемой Бухариным "Правде" с конца 1923 г. набирает силу антитроцкистская кампания. Внимание привлекли и собственные статьи Бухарина⁵⁰.

Поначалу от Троцкого попытались отделиться путем словесных уверток, демагогических пустопорожних обещаний и личной его дискредитации. Вот некоторые из образчиков этого. "ЦК проведет железной рукой курс на демократию, - бил себя в грудь Бухарин, - ибо он не хуже других видит, что в складывающейся обстановке только через повышение политического уровня и политической активности всех членов партии эта последняя может решить стоящие перед нею задачи"⁵¹.

Но демократия на деле не интересовала ни Троцкого, ни Бухарина. Поэтому он не забил тревогу в связи с опасностью бюрократического перерождения партийного аппарата, что представляло опасность и для страны в целом. "Большевизм, - разглагольствовал Бухарин, - всегда очень ценит и ценит партийный аппарат. Из этого не вытекает, что большевизм должен страдать или страдает куриной слепотой по отношению к болезням аппарата (в том числе его бюрократизации)... Но большевизм (ленинизм) никогда не противопоставлял партию аппарату. С большевистской точки зрения, это - элементарная безграмотность, ибо партии нет без аппарата"⁵². Но такая фразеология могла лишь топить действительные проблемы и усыплять бдительность честных людей, а значит и мстить дорогу сталинизму. Тем самым Бухарин рыл могилу и себе самому.

Далее, Троцкому было предъявлено обвинение в "фракционности" (что после X съезда партии считалось смертельным грехом) и отступлении от ленинизма. "Мы все время старались показать, что у Троцкого в ряде вопросов - и хозяйственных, и общеполитических и внутрипартийных есть уклон в

---

⁴⁹ *Троцкий Лев*. Сталин. Т. 2. М., 1991. С.236.

⁵⁰ В конце 1923 г. в "Правде" публикуются его статьи "Наша партия и оппортунизм", "Как не нужно писать историю (по поводу книги т.Троцкого "Уроки Октября") и др. В 1925 г. выходит его сборник статей "К вопросу о троцкизме".

⁵¹ *Бухарин Н.И.* К вопросу о троцкизме. С. 16.

⁵² Там же. С. 18.

сторону от большевистской системы взглядов"⁵³. Идеи оппонента оценивались не с точки зрения их соответствия действительным жизненным задачам России, а на предмет их совпадения со взглядами вышестоящего начальства.

Для возбуждения недоверия к личности Троцкого Бухарин составил бухгалтерский счет мыслимых и немыслимых ошибок Троцкого. В этом перечне стояли и его дооктябрьская борьба с Лениным, и расхождения в период Бреста, и призыв к "завинчиванию гаек" во время недавней профсоюзной дискуссии, и постоянные карьеристские выходки и т.п. Всякое лыко ставилось ему в строку, он мол, в сущности - чужак, а не настоящий большевик, и к власти его подпускать не следует.

Главный позитивный результат пребывания Бухарина в Московском Кремле состоит, вне всякого сомнения, в том, что он помог вытолкать из него Троцкого с его приспешниками и не допустить их к господству в России. Сталин в одиночку вряд ли справился бы с этим делом. Идеологическое обеспечение этой акции было бы ему не по плечу и ее взял на себя Бухарин, а Сталин выполнял организационно-технические ее меры. Любопытно, что эта главная и поистине историческая заслуга Бухарина тщательно обойдена в "перестроечной" литературе о нем. Все рассмотрели и описали, но слона почему-то и не заметили. Например, во вводной статье лишь к одному из пяти изданных в последние годы сборников работ Бухарина вскользь упоминается и его борьба с Троцким.

Отмеченная выше линия контраргументации (личностная дискредитация Троцкого) не единственная и не главная у Бухарина. Троцкий был бит по существу и в главном - в его человеконенавистнической политике по отношению к России. Русофобия самого Бухарина неоднократно описывалась в литературе. И выражена она не в одном лишь его манифесте "Злые заметки", представлявшем объяснение в нелюбви и презрении к России и русскому народу. Этот документ не какая то случайная выходка у Бухарина. Он неизменно отстаивал ту политику неравноправия по отношению к русскому народу, которую во имя подлинного "интернационализма" "большой нации" и под видом борьбы с "великорусским шовинизмом" Ленин считал единственно верной политикой. Счастье одних предлагалось строить на несчастье других. Последний раз Ленин решительно напомнил об этом в своих предсмертных записках, воспользовавшись в качестве по-

---

⁵³ Бухарин Н.И. К вопросу о троцкизме. С. 41.

вода так называемым грузинским делом. Бухарин находился среди тех, кто остался верным этому завету.

Но на одном этом рано ставить точку. Парадокс в том, что вся внутренняя логика борьбы Бухарина с троцкизмом объективно шла вразрез как с троцкистской, так с его же собственной бухаринской русофобией и подрывала ее. И эта важнейшая заслуга Бухарина, возможно даже и бессознательная и невольная, тоже тщательно обойдена "перестроечными" авторами. Поэтому остановимся на ней подробнее. Удобнее всего это сделать на материалах дискуссии Бухарина с троцкистом Е.Преображенским.

5. Можно ли социализм построить на спине раздавленного крестьянства?

Можно и нужно - доказывал в своих статьях и книжках Е.Преображенский, недавний соавтор Бухарина по "Азбуке коммунизма", а затем "ведущий экономист" в стане Троцкого⁵⁴. Он настаивал на том, что открыл "закон первоначального социалистического накопления". Если отбросить наукообразные разглагольствования автора, то смысл его "закона" таков.

Без индустрии, рассуждал Преображенский, стране не обойтись, а капиталовложения требуются колоссальные. Где же их взять? И отвечал: в стране аграрной основным источником накоплений может быть лишь сельское хозяйство. Ничего аморального в таком выкачивании соков из деревни нет. И в развитых "цивилизованных" странах крестьянство тоже служило внутренней колонией для индустрии в период первоначального капиталистического накопления. Таков закон. И социалистическая индустриализация тоже не может отменить этот закон.

Идеи исключительно глупые и подлые, но шум вызвали немалый, т.е. напши своих приверженцев. За свои аграрные "открытия" Е.Преображенский получил звание академика. Психиатры автором не заинтересовались.

Все свои сколь-нибудь интересные работы по социально-экономическим вопросам Бухарин написал в качестве протеста и противоядия этой троцкистской программе удушения деревни (не забудем - восемь десятых населения России), т.е. сведения крестьянства до положения рабочего скота в собственной стране и своем доме. Таковы наиболее здравые работы Бухарина второй

---

⁵⁴ Преображенский Е. Основной закон социалистического накопления // Вестн. Ком. Акад. Кн. 8; Он же. Новая экономика. М., 1926.

половины 20-х годов - "Новое откровение о советской экономике или как можно погубить рабоче-крестьянский блок"(1925), "К критике экономической платформы оппозиции"(1925), "Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз"(1925), "К вопросу о закономерностях переходного периода"(1926). Особое внимание вызвала его статья "Заметки экономиста" в "Правде" (сентябрь 1928), где, продолжая критику Преображенского, он в завуалированной форме обнажает пороки уже обозначившегося сталинизма, своеобразного преемника троцкизма (командно-бюрократические бесчинства в экономике, уничтожение деревни во имя индустриализации, снова добывание хлеба с помощью штыка и т.п.).

Важно подчеркнуть, что это были выступления не рядового экономиста, а высокопоставленного партийного функционера, активно формировавшего экономический курс правящей партии.

Свой протест Бухарин высказал Сталину в лицо, хотя и не открыто перед всей партией, а только на Пленуме ЦК (апрель 1929 г.).

Последствия для России и русского народа этой троцкистско-сталинской политики ограбления деревни сегодня известны любому школьнику. Это - одна из чудовищных форм геноцида. Поэтому по меньшей мере странно звучат сегодняшние выступления некоторых "перестроечных" авторов по поводу экономического гения Е.Преображенского⁵⁵.

---

55 Статья его из "Вестника Коммунистической Академии" (1924. N 8) недавно перепечатана в сборнике: *Преображенский Е.А. Бухарин Н.И. Пути развития: дискуссии 20-х годов* (Л., 1990). Удивляют почтительные приседания автора пространного предисловия, доктора экономических наук Э.Б.Корецкого перед "проницательным трезвым взглядом" академика Е.Преображенского. Автора умиляют даже "ошибки" Преображенского, которые он рекомендует как "бienie упругой мысли", как "результат поисков первопроходцев, напряженно и добросовестно добывавших научную истину" (С. 23). Местами автор все же журит этого "первоклассного экономиста-профессионала" (С. 43) за то, что его "провидческие способности оказались не безграничными" (С. 51), что он "не вполне последователен" (С. 50), что он "неудачно употребил некоторые термины" (С. 34), как "эксплуатация", "колония" применительно к крестьянству, или за то, что его концепция обрекала "широкие массы трудящихся на длительное ухудшение материальных условий существования, связанное с необходимостью первоначального социалистического накопления на нужды индустриализации" (С. 37). Но в целом сегодняшний почитатель Преображенского изображает его в розовом свете и прямо-таки заходится от восторга перед его "бнием упругой мысли". Чтобы сбить с толку читателя, спор Бухарина с Преображенским преподносится как простое столкновение двух титанов мысли и сообщается, что эта теоретическая

Что же вызвало возмущение Бухарина и других авторов, видевших всякие виды, и потому их, казалось бы, трудно было чем то удивить?

Е. Преображенский открытым текстом и без обвиняков выдвинул циничное требование проводить форсированную индустриализацию за счет "эксплуатации" такой "внутренней колонии" как крестьянство, т.е. вступить на путь разбойника с большой дороги. Церемониться не следует, т.к. это "досоциалистические формы производства", а страна идет к социализму. Известно, что от "мелкой буржуазии" одно лишь зло в истории. Лучше бы ее не было. Сегодня счастью мешают совхозы и колхозы, а вчера изжившими себя объявлялись крестьянские или "мелкобуржуазные" формы производства. Уверяли всех, что они обречены, а обреченного нет нужды защищать. Его следует лишь разумно "утилизировать" для возведения социалистического промышленного здания. Ни один новый строй, будь - то капитализм или социализм, сам собою не возникает, разглагольствовал Преображенский, а требует немалых жертв. Без них не обойдется и социализм. Таков "закон" общественного развития. И против законов ничего не поделаешь. Жить нужно по законам.

Все это старые песни, которые на разный мотив поются и по сей день. Сами крестьяне "законов" не ведают (они недочеловеки), а знают их лишь авторы "переходных периодов", "перестройщики", "радикальные реформаторы" и т.п. носители "цивилизованности" для всех времен и народов.

Троцкисты любили открывать "законы" истории. В России, согласно Преображенскому, следует действовать согласно "закону социалистического первоначального накопления". А он таков: "Чем более экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной революции, - тем больше социалистическое накопление будет вынуждено опи-

---

дуэль... стала едва ли: не самым захватывающим научным посидинком 20-х годов" (С. 21). Нечего мол задумываться, кто из них прав. "Строго аргументированного ответа на вопрос о том, какая же позиция находится ближе к истине, до сих пор не существует, - глумливо уговаривает Э.Б.Корецкий, - и, видимо, нашей историко-экономической науке еще предстоит здесь немало поработать для выработки такого ответа". И вся эта пошлость, разумеется, преподносится как "энергия высвобождения правды о нашем прошлом, разбуженная перестройкой" (С. 3). Поистине, бывали хуже времена, но не было подлей.

раться на эксплуатацию досоциалистических форм хозяйства и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе"⁵⁶.

В "закон" возводилось требование относиться к крестьянству, т.е. более, чем 80 процентов народа России с его стомиллионной славянской частью в центре страны, как к туземцам в завоеванной колонии. Ничего иного за всей псевдонаучной болтовней Преображенского о "законе" не стояло. "Социалистическое хозяйство" рекомендовалось возводить на спине ограбленного мужика, а самым дешевым способом "перекачки" жизненных соков из деревни рекламировалась манипуляция с ценами - сознательно завышенные цены на промышленные изделия и заниженные на сельхозпродукцию. Сегодня это выворачивание карманов называется "шоковой терапией". Иные времена, другие хозяева и покровители, новые методы, но суть прежняя.

Привлекательность именно этого налогового способа сдиранья шкуры с мужика Преображенский видел "в крайнем удобстве взимания, не требующим ни копейки на специальные налоговые аппараты"⁵⁷. Одним словом, рекомендовалось все подстроить так, чтобы мужик сам снимал бы с себя шкуру и сам же ее приносил для сдачи. Здесь блестяще продемонстрирована главная особенность хорошо известной зловещей философии: колоть сахар на голове туземцев, делать все руками туземцев и за счет туземцев. Когда же афера вскроется - тут же прибегнуть к лжесвидетельствам и злословию, а ответственность свалить на самих же туземцев ("неевропеизированные", "азиатчина", а сегодня - "краснооричневые" и т.п.) и тут же затрезвонить о начале нового, самого доподлинного "переходного периода". Поскольку имущество туземцев - это ничейное имущество, то его следует поскорее забрать: вчера - "обобществить", сегодня - "приватизировать" и т.п.

Поэтому в "законе" Преображенского менее всего можно усмотреть случайные выходки какого-то неврастеника против целого народа. "...Здесь не случайные обмолвки, - вынужден был признавать даже Бухарин, - у тов. Преображенского есть своя последовательность, есть своя логика..."⁵⁸. Весь его анализ построен на аналогии с периодом первоначального накопления капитала. Там был грабеж крестьян и здесь "эксплуатация". Там на основе этого грабежа утверждались предпосылки для расцвета нового

---

⁵⁶ Преображенский Е.А., Бухарин Н.И. Пути развития: дискуссии 20-х годов. Л., 1990. С. 104.

⁵⁷ Там же. С. 99.

⁵⁸ Там же. С. 180.

порядка вещей - и здесь закон социалистического накопления требует аналогичных предпосылок. Там было катастрофически быстрое "пожирание" старых форм - и здесь то же самое"⁵⁹.

В свете сегодняшних событий поражаться можно какой-то глубокой, внутренней убежденности и осведомленности Преображенского относительно дальних перспектив, т.е. удивляться его "таинственному знанию" той зловещей разрушительной программы, которую так называемой "социалистической касте" (а сегодня - "демократы") в конечном счете все же удалось реализовать в России при всех ее сопротивлениях, зигзагах и отклонениях. Сегодняшнее положение крестьянина, а вместе с ним и остального народа, в результате реализации этой программы хорошо известно.

Этот выболтанный Преображенским чудовищный "закон" войны с трудовым народом сегодня для нас предстает как упреждающая информация и подтверждение "законного" права на грабеж России и во все будущие времена. От постоянных протестов крестьянства, особенно усилившихся в последнее время, большевистские правители отходят, а затем шлопаньям прорех, пустыми обещаниями и шарлатанством. Отказываясь от большевизма на словах, ельцинцы унаследовали все худшее из аграрной политики большевизма, не разделяя ее достоинств⁶⁰. Трудно сослаться на

---

⁵⁹ Преображенский Е.А., Бухарин Н.И. Пути развития. С. 186.

⁶⁰ Вот, например, взятые наугад сообщения прессы. Можно взять любые другие - они типичны. "Политикой экономического геноцида" в отношении деревни назвал проводимую политику прямо в лицо Президенту РСФСР и возглавляемому им правительству народный депутат Н.М.Харитонов (фракция "Аграрный союз"). Завышенные процентные ставки на банковские кредиты, завышенные цены на промышленные изделия, необходимые селу, и в то же время заниженные цены на сельхозпродукцию лишают крестьянина возможности строить жилье, дороги, закупать сельхозтехнику и вообще заниматься сельским хозяйством (из выступления на шестом съезде РСФСР, "Советская Россия", 11 апреля 1992 г.). Те же самые обвинения предъявил с трибуны съезда народный депутат Г.П.Дюдяев. Нынешние экономические реформы, заявил он, "тяжелым катком прокатились по хрупкой сельской экономике, вдавили и втоптали все начинания и устремления селян на пути к лучшей жизни. Мы считаем, что налицо экономическое удушение села". "Обвал села в случае непринятия серьезных мер - дело самого ближайшего времени". Против села, отмечал депутат, развязан кроме того и моральный террор. В общество привносится сознание о селянах как о неспособных содержать самих себя на хлебниках. Выдвигаются в подтверждение аргументы, связанные с выделением определенных бюджетных средств и материально-технических ресурсов, упуская при этом тот факт, что селяне требуют свое, то, что у них изымается в результате неэквивалентного обмена. И в то же время вокруг селянина фор-

неведение или "ошибки" в пользу крестьянства. Поэтому никто не сможет опровергнуть, что налицо здесь устойчивая тенденция, которая сейчас все чаще рассматривается как организованный геноцид. Менялись лозунги, программы, правительства и их лживые обещания, но сама эта стратегическая программа остается жесткой и неизменной. Это не просто аграрный, но и национальный вопрос. Почти стоимиллионная часть крестьянского населения в центральных областях страны - славянская его часть.

Сегодня мы знаем, что неспособность разобраться в аграрном и национальном вопросе - одна из серьезнейших причин провала большевизма в России. Но никаких уроков сегодняшние правители отсюда не извлекают, т.е. цель их действий уже задана еще задолго до их появления.

В этой перспективе гораздо объективнее можно оценить и отдельные стороны бухаринской доктрины перехода к социализму. Она глубоко противоречива и рисовать ее автора в розовом свете мало оснований. Но нельзя не видеть, что, не отказываясь ни на минуту от своей русофобии, Бухарин в то же время оказался и серьезным противником еще более душегубской социально-экономической платформы - троцкистской, а тем самым также и сталинской. Столь решительно против аграрной ее части никто из деятелей ранга Бухарина никогда не выступал. Здесь он был и остался единственным, вплоть до сегодняшнего дня.

Эта политика, предупреждал он, "неизбежно должна оказаться душегубской политикой по отношению к народному хозяйству союза и, политически, по отношению к советской власти"⁶¹. Так и случилось. Этой миной и воспользовались горбачевско-ельцинские "перестройщики" для подрыва советской власти ради реставрации капитализма.

Итак, расчистка от несуразностей "военного коммунизма" и поворот лицом к жизненным проблемам России сопровождался расколом на "правый" и "левый" большевизм. Связности и последовательности новые взгляды Ленина на путь к социализму не обрели и потому, начиная с 1923 года, оппозиционные группировки пускают в ход в качестве оружия друг против друга различные стороны и идеи ленинизма. Троцкистской ориентации на "перманентность революции", т.е. на мировой пожар, Бухарин и, следовавший за ним на буксире Сталин, противопоставляют курс на социализм в отдельной стране. Каких-либо новшеств в саму идею социализма как таковую Бухарин не внес - он занят про-

---

мируется такой образ мироеда, взявшего за горло горожан, диктуя высокие цены на продукты питания" (Советская Россия, 9 апр. 1992 г.).

61 Преображенский Е.А., Бухарин Н.И. Пути развития. С. 163.

блемой "перехода" к социализму. Камнем преткновения здесь оказалась проблема агропромышленного синтеза - гармоничного развития промышленной и аграрной сфер, сотрудничества города и деревни, кооперации рабочего класса и крестьянства. Обратимся к той же теме, ибо в ней, как в фокусе, скрещивались все остальные проблемы модернизации России.

6. Проблема агропромышленного синтеза

XIX век оставлял в наследство марксизму XX века нерешенную проблему социализма, а аграрный вопрос в ней оставался наиболее далеким от ясности и труднейшим в своем разрешении по всем параметрам. Так дело обстояло, начиная с вопроса о том, что такое крестьянство - класс ли это; как связать его интересы с революцией; увязываются ли в принципе эти интересы с социализмом. (Например, Э.Давид поставил вопрос так: или социализм или сельское хозяйство); определяется ли граница союза пролетариата и крестьянства достижением демократии, и не начинаются ли за этим рубежом неизбежные и нарастающие конфликты классового характера между вчерашними союзниками; носит ли этот союз для пролетариата служебный характер, когда крестьянство используется для достижения собственных классовых целей, а классовые интересы крестьянства считаются "неистинными", носителями застоя и подлежащими поэтому какой-то коренной переделке и т.п. Список этих проблем и вопросов можно продолжать до бесконечности. Причем эти и многие другие вопросы носили отнюдь не академический и сугубо теоретический характер. В России крестьянство составляло восемь десятых ее населения, т.е. это был по своей сути вопрос о судьбе страны. Например, о первой русской революции Ленин говорил так: "Если исходная точка - интересы масс, то гвоздь русской революции - аграрный (земельный) вопрос. О поражении или победе революции надо заключать... на основании учета положения массы в борьбе за землю. Сельское хозяйство есть основа народного хозяйства России. Земледелие в упадке, крестьяне разорены⁶². В согласии с К.Каутским Ленин считал решающим вывод о том, что "упадок сельского хозяйства, наряду с ростом сил промышленного пролетариата, является главной причиной современной русской революции"⁶³. Этого не смог понять даже та-

---

⁶² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 178.

⁶³ Там же.

кой теоретик как Плеханов, чей вклад в свое время был решающим при выведении российского революционного движения из кризиса, куда завел его аграрный социализм народничества. Но зыведа его из этого тупика, Плеханов сам же оказался пленником новой, уже собственной догмы, возникновение которой связано было в том числе и с неспособностью разобраться с перспективами аграрного вопроса в России. Интереснейшие статьи по аграрному вопросу в России были опубликованы К.Каутским, высоко оцененные Лениным.

"Гвоздь вопроса" аграрная проблема в России составляла не только в революции 1905 года. Ранее таковой она была у народничества, и в его напряженной дискуссии с Марксом и Энгельсом; "гвоздем вопроса" эта проблема окажется и в февральской и Октябрьской революции 1917 года. Неспособность к ее разрешению приведет к крестьянским восстаниям и к кризису 1921 г. (крах так называемого "военного коммунизма") и потребует перехода к новой экономической политике. Но непродолжительное семилетнее перемирие сменится объявлением новой гражданской войны крестьянству - так называемый "год великого перелома", который вполне справедливо называют сталинским переломом хребта крестьянскому хозяйству. Считалось, что для блага социализма можно пустить кровь крестьянству и тем самым прибавить сил пролетариату. Такова до циничности простая логика троцкизма-сталинизма. Таковы некоторые исторические факты из трагической истории попыток решить аграрный вопрос.

Приведем для иллюстрации исторической сложности этой проблемы лишь одно из ярких мест глубокой статьи К.Каутского "Движущие силы и перспективы российской революции" (речь шла о первой революции в России). Ленин высоко оценивал эту статью, перевел ее на русский язык, написал две собственные статьи о ней и многократно на нее ссылался в ходе критики Плеханова. Каутский подчеркивал, что еще мало отдать землю крестьянам, нужно вернуть раздавленному сельскому хозяйству хотя бы часть награбленных от него сумм и перестать выжимать из него последние соки, чтобы сельское хозяйство могло хоть как-то подняться на ноги. "Без отмены постоянного войска... - писал Каутский, - без прекращения постройки военного флота, без национализации всего состояния царской фамилии и монастырей, без государственного банкротства, без конфискации крупных монополий, поскольку они находятся в руках частных лиц, железных дорог, нефтяных источников, горных рудников, железодетальных заводов и пр. - неоткуда взять те огромные суммы, кото-

рые необходимы для русского сельского хозяйства, чтобы вырвать его из ужасного состояния". Ленин приводит эту цитату в своей работе⁶⁴. Если вдуматься в каждую строчку этого высказывания К.Каутского, то с небольшими поправками трудно отделаться от впечатления, что речь идет о сегодняшнем дне, а не о событиях начала века. Отличие разве в том, что нет "царской фамилии", а конфискованную частную собственность многие предлагают опять "приватизировать". Поистине, как с горькой иронией писал великий Гегель в своей "Философии истории", единственный урок, который можно извлечь из истории, состоит в том, что люди ничему не учились из истории.

Необходимость союза крестьян и рабочих, этих людей труда, провозглашалась скорее теоретически, а на практике чаще всего носила пропагандистски-агитационный характер, лозунговый, а не выливалась в экономический, моральным и юридически - правовым порядком обеспеченный режим. Поднять крестьянство на борьбу за какие-то цели - эта задача всегда выступала приоритетной, т.е. крестьянство оказывалось не целью, а средством к чему-то. Эти цели постоянно менялись и корректировались, но всякий раз возникали из-вне. Отсюда и исторически менявшиеся способы и методы решения аграрного вопроса. Точнее говоря, решался в конечном счете не сам аграрный вопрос как таковой, а нечто иное - как его не решенное состояние использовать в качестве средства и обратить на пользу чему-то иному. Но собственности самооценности он еще до сих пор никогда не имел. Отсюда его сегодняшнее состояние.

Поэтому подлинного союза пролетариата и крестьянства исторически добиваться не удавалось. Хотя и сама постановка вопроса о "союзе" тоже заставляет задуматься - почему подавляющая часть населения страны должна выступать "союзником", а не хозяином в собственном доме?

Вероятно, это один из красноречивейших примеров тому, сколь сложна и до сих пор не разрешима диалектика сочетания классового и общечеловеческого. Исторически сложилось так, что большинство предшествующих классовых битв было либо войнами крестьянскими, либо выступлениями пролетарскими; и те и другие были в отдельности биты. Их объединения не происходило. В этом их трагедия. Заслуга марксизма здесь в том, что он впервые и во весь голос заявил о необходимости объединения этих сил в борьбе за общую свободу. Но вопросов здесь было еще больше поставлено, чем их решено. Как объединить эти силы?

---

⁶⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 180.

Прочным это объединение может быть, лишь коль скоро оно строится на общности жизненных интересов каждого из них. Но как найти такую "смычку", которая не подорвала бы благосостояния общества и не превращала бы крестьян в извечного "союзника", т.е. в людей второго сорта? Существуют ли вообще в природе основания для такого объединения? А если его не происходило, то кто несет ответственность за разъединение, ибо уже давно пора начать чему-то учиться из истории.

На практике социалистические партии особенно натолкнулись на аграрный вопрос в последние десятилетия XIX - начала XX веков. Почти во всех социал-демократических партиях наблюдается чрезвычайное обострение интереса к аграрной проблематике. В 90-е годы развернулась исключительно острая дискуссия, порожденная как новизной практических проблем, так и недостаточной разработанностью самого аграрного вопроса в марксизме. При обсуждении было поднято множество новых и далеких от ясности не только практических, но и теоретических проблем. Значительный удельный вес этим проблемам принадлежит в теоретическом наследии Ленина. При всей специфичности аграрного вопроса в России трудности и проблемы западных социал-демократических партий в этой области - это и проблемы российских социал-демократов. И те и другие отпирывались от общих марксистских посылок, где многое еще нуждалось в дальнейшей разработке и уточнении. Поэтому ленинскую позицию в аграрном вопросе трудно было бы понять вне контекста данных дискуссий и без учета того уровня, на котором находилось в ту пору марксистское решение аграрного вопроса.

"Буржуазные и реакционные партии дивятся необычайно, писал Ф.Энгельс в 1894 году, - что в настоящее время внезапно у социалистов встал повсюду на очередь крестьянский вопрос. Им следовало бы, собственно, удивиться тому, что это не произошло уже давно. От Ирландии до Сицилии, от Андалузии до России и Болгарии крестьянин является весьма существенным фактором населения, производства и политической силы"⁶⁵. "Завоевание политической власти социалистической партией стало делом недалекого будущего. Но чтобы завоевать политическую власть, эта партия должна сначала из города пойти в деревню, должна сделаться силой в деревне"⁶⁶. Таким образом, аграрный вопрос, согласно Энгельсу, выступает существенным фактором борьбы за

---

⁶⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 503.

⁶⁶ Там же. С. 504.

социализм и в этом причины жгучего интереса к нему со стороны социал-демократов.

Содержание понятия "аграрный вопрос" чрезвычайно широко, исторически конкретно и включает в себя множество вопросов, начиная от агротехнических до правовых и т.п. Для марксизма данный вопрос - это проблема общественных отношений и в сфере аграрного производства в той мере, в какой эта сфера отлична от производства промышленного и в то же время неразрывно с ним связана. Поскольку здесь речь идет об общественных отношениях, то это и определенные вопросы философии истории, вопрос о том, как люди делают собственную социалистическую историю, т.е. проблемы человека в их конкретно-историческом значении (положение крестьянства в обществе, условия его жизни, развития, его роль в общественном развитии, его взаимоотношения с другими классами и т.п.) В марксизме чаще всего аграрный вопрос берется в его более узком значении, как вопрос крестьянский и изучается тогда в конечном счете под одним общим углом зрения: крестьянство и социализм, а применительно к революциям буржуазным - крестьянство и демократические преобразования.

Что же послужило источником замешательства для социалистов, начиная с 90-х годов? Фактически они с удивлением, а подчас и сами того не сознавая, натолкнулись на трудности выработки своей стратегии, руководствуясь лишь одними классовыми понятиями и ориентирами ("классы", "классовая борьба", "мелкая буржуазия", "реформизм" и т.д.). Потребовалось задуматься еще и о том, что аграрное производство является и специфическим родом человеческой жизнедеятельности, причем столь своеобразным, что в пору было говорить даже об определенной аграрной культуре или даже цивилизации. Бездушное разрушение накопленного здесь опыта грозило бы обществу невосполнимыми потерями. Оказалось, что эта сфера жизнедеятельности специфична по эпохам, регионам и странам. Стало проясняться, что аграрное производство специфично связано с историей культуры, образа жизни, национального своеобразия и т.п. Эта сфера менее всего поддается механической нивелировке и стандартизации на манер промышленного производства или решению вопросов одними и лишь сугубо технологическими средствами. Помимо всего прочего, это производство вплетено в биологические, экологические процессы, связано с сезонной работой и т.п.

Но они натолкнулись не только на мировоззренческую неподготовленность к решению аграрного вопроса. Рано или поздно должна была дать о себе знать еще одна ограниченность. Специ-

фика аграрного вопроса если и привлекала внимание, то лишь в одном аспекте - как упрочить "союз" тружеников города и села, т.е. соединить их в сугубо политических целях. Намерения были благие - как изменить систему социально-экономических отношений, но модель, на которую нацеливались эти изменения, оставалась еще скорее гипотезой, чем на практике проверенной истиной. Например, социализм связывался с ликвидацией рынка и товарно-денежных отношений, установлением всеобщей собственности, плановым руководством из единого центра, превращением сельскохозяйственного производства в разновидность промышленного и т.п. Речь шла не о союзе земледелия и промышленности, а пролетариата и крестьянства. Споры имели определенную конкретно-историческую нацеленность: как вовлечь крестьян в революцию, в борьбу с существующей системой, как привлечь крестьян на свою сторону и оторвать их от других партий. Все это были оправданные и необходимые средства классовой борьбы, но хлеб растет не по законам классовой борьбы. Считалось, он будет расти сам собою.

Интересы эффективности сельскохозяйственного производства, рациональной его организации вполне естественно не могли быть делом профессиональных революционеров. Их профессия совсем иная - революция, а не производство хлеба. О хлебе и земле если и говорилось, то в качестве мобилизующих лозунгов. Типичный пример - лозунг: "Временное правительство не даст ни мира, ни хлеба..." Но "хлеб" не дает никакое правительство - ни временное, ни постоянное; хлеб оно потребляет, а дает (или не дает) что-то другое. Пожалуй, впервые всерьез и надолго марксистским политикам пришлось лишь где-то с 1921 г. задуматься над тем, что есть, пить и одеваться необходимо даже в том случае, если не заниматься материалистическим объяснением истории, не заниматься философией и т.п. Однако слишком долго на мир смотрели исключительно политически, игнорировали сельскохозяйственное производство как отрасль народного хозяйства и определенный образ жизни. Поэтому пришлось открывать для себя множество Америк в этой области. С этой поры начнется краткая глава в подлинном решении аграрного вопроса - признанием крестьянства позитивной и конструктивной силой социалистического развития и требованьем отношений на основе взаимного равенства и уважения. Но покончить с крестьянофобией так и не удалось.

И еще один аспект в ограниченном подходе марксистских политиков и теоретиков мешал изменению отношения к деревне. Это изменение затянулось после 1917 г. до начала 20-х годов. Эта

ограниченность выразилась в злоупотреблении категорией "мелкая буржуазия" (крестьянство, интеллигенция, ремесленные слои). Эта категория - принадлежность классической модели революции, развитой марксизмом для передовых промышленных стран. Но эта модель революции исторически не сработала и стала утрачивать свое значение вместе со своими атрибутами, когда встал вопрос о пути к социализму в аграрной стране. Лишь в последних своих статьях ("О кооперации" и др.) Ленин склоняется к мысли о допустимости вовлечения крестьянства через кооперацию в качестве более или менее полнокровного соучастника строительства социализма. И это было столь неожиданно, что расценивалось как крупный шаг вперед в развитии мысли.

Что же можно выделить специфически бухаринского в этом начавшемся обновлении большевизма? Где логический центр его поисков?

К победе большевизм во главе с Лениным пришел благодаря способности умело и гибко соединить в единый поток разнородные социальные силы - классовую борьбу пролетариата за социалистические цели, борьбу крестьян за землю и революционную борьбу интеллигенции за свободу. Однако в 1917-1921 гг. большевизм не столько сплачивал, сколько начинал сводить счеты с этими силами, чем и завел себя в тупик. Бухарин одним из первых среди ленинских учеников начал понимать, что дальнейшая конструктивная роль большевизма зависит от способности и впредь сплачивать эти силы, но отныне уже принципиально по-новому - в целях социалистического созидания. Предстояла грандиознейшая задача синтеза и приумножения всего ценного в том богатейшем духовно-нравственном потенциале и социально-экономическом опыте, который был получен в наследство от предшествующей истории. Сказать, что большевистское руководство оказалось на высоте этих задач, значило бы впасть в большие преувеличения. За великелепными декларациями далеко не всегда стояло уважительно-бережное отношение к ценностям, созданным миллионами предков. Провозгласив движущей силой истории классовую борьбу пролетариата, большевизм уверовал в нее как в бога и все сильнее стал обнаруживать губительные признаки сектантства и воинствующей непримиримости к инакомыслию. А это были лучшие условия для того перерождения руководства в "социалистическую касту", о котором говорил Плеханов.

Опаснее всего эта самоизоляция от народа стала проявляться в конфликте с крестьянством (не забудем - четыре пятых населения), с русской интеллигенцией, с помощью

которых удалось только что придти к власти. Достаточно вспомнить лишь некоторые из известных фактов из периода перехода к НЭПу ("военного коммунизма"). Например, первые политические процессы начались не в 1937 году, а в 1921г. - в виде суда над эсерами, что походило на месть конкурирующей партии⁶⁷. Или другой пример - высылка за рубеж русской интеллигенции, что в дополнение к ее собственной эмиграции угрожало духовно обезглавить русский народ, т.е. походило на духовный геноцид. Известная резолюция X съезда партии о запрещении фракционности наложила также запрет на инакомыслие и в собственных большевистских рядах. Динамитная война с православной церковью тоже началась не при Сталине⁶⁸.

Верно, что гражданская война и классовая борьба навязывали свои кровавые законы. Террор свирепствовал не только красный, но и белый. Но хлеб растет не по законам классовой борьбы и забывавшие об этом профессиональные революционеры рисковали рано или поздно остаться без хлеба.

Уверовав в первичность классовой борьбы, большевики традиционно уже давно проходили мимо тех содержательных дискуссий в истории общественной мысли, где обсуждались общественно-экономические меры преобразования России. Они

---

67 На XII съезде партии Зиновьев заявлял в отчетном докладе: "За год ликвидировали партию эсеров... Надеюсь, удастся ликвидировать и партию меньшевиков" (XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 173) КПСС ликвидировали уже безо всяких процессов.

68 В 1921 г. в Поволжье, пострадавшем от засухи, разразился голод, распространившийся на значительную часть России. Десятки миллионов к началу 1922 г. ожидали голодной смерти. Правительство, занятое другими, более важными делами, вдруг вспомнило о голоде. Тяжело больной Ленин в сверхсекретном письме членам Политбюро писал: "Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на догах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы не можем и потому должны провести из ление церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления". Далее Ленин рекомендовал, как организовать расстрелы священнослужителей. В мае 1922 г. в связи с подготовкой Уголовного кодекса (предстоял суд над эсерами) Ленин в письме к Курскому рекомендовал: "Суд должен не устранить террор..., а обосновать и узаконить его принципиально...", и требовал закон о применении смертной казни "формулировать как можно шире" (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 190), т.е. чтобы можно было расстреливать кого угодно и за что угодно. В марте 1922 г. Ленин в письме к Каменеву писал: "Величайшая ошибка думать, что НЭП положил конец террору экономическому" (Там же. Т. 44. С. 428). Таковы заботы тяжелобольного вождя всего лишь за несколько весенних месяцев 1922 г.

обычно третировались как реформизм, обман, вульгарная политэкономия и т.п. Вспомним снова типичный пример - пренебрежительное отношение к народнической традиции, где уже давно и глубоко обсуждались многие социально-экономические последствия односторонне сформированной индустриализации России, что вело к разрушению сельского хозяйства, обеднению населения и разграблению природных ресурсов. В более чем десятилетнюю дискуссию по этим вопросам народники втянули даже Маркса. Но слишком долгое время русские марксисты, не только Ленин, но и Плеханов, видели в этой истории лишь то, что имело отношение к классовой борьбе. Все остальное считалось не заслуживающим внимания.

Большевизм был не единственным направлением в социализме, сложившимся на объективной проблематике модернизации России. На рубеже XIX и XX веков уже сложилось три таких противоборствующих направления - народничество (его продолжатели - эсеры), меньшевизм и большевизм. Каждое из них абсолютизировало какую-то сторону объективного процесса и в начале 20-х годов выход большевизма из тупика зависел, помимо всего прочего, и от способности найти общий язык с этими направлениями, т.е. разумно синтезировать все рациональное из их программ с целью налаживания совместной деятельности по социалистическому преобразованию России. Среди учеников Ленина, Бухарин одним из первых почувствовал необходимость данного синтеза и принял, хотя и исподволь, и впоследствии, за эту работу. В значительной мере именно этим и определяется его специфическая индивидуальная роль в истории большевизма.

Трагедия русского социализма в том, что действительного исторического синтеза этих направлений так и не произошло. Абсолютизовав какую-то одну из сторон объективного процесса эти враждующие между собой братья лупили этими сторонами друг друга и продолжали драться на краю могилы страны, из-за любви к которой они и передрались. Синтез, если и происходил, то лишь частичный и на время. Например, большевики целиком "списали" для своего знаменитого Декрета о земле практические требования эсеровской аграрной программы, для того чтобы завоевать на свою сторону крестьянство и вывести из строя эсеровскую партию. Это намерение прекрасно удалось, но когда крестьяне увидели действительные практические результаты этого заимствования в виде политики "военного коммунизма", то они взялись за оружие. Другой пример этого синтеза - личный переход в 20-е годы многих эсеровских и меньшевист-

ских специалистов на службу советской власти - в качестве хозяйственников, ученых, деятелей культуры, дипломатов и т.п.⁶⁹. Немалая часть их при Сталине оказалась за решеткой.

И еще один пример синтеза - включение ряда важных идей из народнической традиции в большевистскую концепцию НЭПа - идей "кооперативного социализма", идей о крестьянине как строителе социализма, что ранее большевизм считал недопустимой ересью.

Следует отдать должное Бухарину, что ему удалось увидеть эту главную болевую точку большевизма, его самый уязвимый пункт, без устранения которого все его благие социалистические намерения могли пойти прахом.

Бухарин свою новую концепцию "переходного периода" начал разрабатывать с учетом народнической традиции в вопросах аграрно-промышленного синтеза. Уже народники указывали на опасность несбалансированного экономического развития, когда промышленность росла за счет разграбления крестьянства.

"Нас убеждают в том, - заявил Бухарин по адресу троцкистов, - что не нужно делать "уступок деревенщине". Нужно с нее брать елико возможно больше, во славу пролстарской промышленности. Подлаживание к крестьянскому рынку есть народническая точка зрения и т.д.»⁷⁰

Два взаимосвязанных в этом высказывании момента особенно примечательны для новой ориентации большевизма. Это призыв Бухарина не губить сельское хозяйство (ни ради индустрии, ни ради "перманентности") и косвенное признание им своей теперешней близости к "народнической точке зрения". На народничестве Бухарина остановимся ниже, а сейчас обратим внимание на коренную перемену отношения к крестьянству.

Крестьянское хозяйство постоянно вызывало большое беспокойство у большевистского руководства и аграрный вопрос всегда оставался самым уязвимым пунктом в большевистской экономической модели социализма. Начиная с "Манифеста Коммунистической партии" и кончая "Капиталом", в классической марксистской доктрине, это было самое слабое место. Для большевистских руководителей, людей города и местечковых корней, сфера аграрная оставалась чем-то исключительно далеким, чуждым и непонятным, вроде китайской грамоты. Добрых

---

⁶⁹ О многих интересных фактах из этой истории сообщает П.В.Валентинов (Вольский) в книге "Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина"(1971).

⁷⁰ Преображенский Е.А., Бухарин Н.И. Пути развития: дискуссии 20-х годов. М., 1990. С. 163.

слов о крестьянстве Ленин избегал. Например, первое, что он заявил о нем в своих "Апрельских тезисах" по возвращении из эмиграции в 1917 г. - это обвинение крестьянства в "шовинистичности". "Чтобы толкать крестьянство на революцию, - говорил он, - надо отделить пролетариат, выделить крестьянскую партию, ибо крестьянство шовинистично. Привлекать мужика сейчас - значит сдаваться на милость Милюкова"⁷¹.

Эта настороженность в отношении к крестьянству заложена еще в платформу "Искры". Мы поддерживаем крестьянское движение, поскольку оно является революционно- демократическим, - резюмировал Ленин свои идеи в 1905 г. Мы готовимся (сейчас же, немедленно готовимся) к борьбе с ним, поскольку оно выступит, как реакционное, противпролетарское. Вся суть марксизма в этой двойной задаче, которую упрощать или сплющивать в единую и простую задачу могут только не понимающие марксизм люди⁷².

Итак, это был "союз" с двойным дном, союз на время, брак по расчету - призыв использовать мятежность крестьянства в целях завоевания демократии и "немедленно готовиться к борьбе с ним" на этапе социалистическом. Тут не убавить, не прибавить - "союз" с камнем за пазухой. В этом видел в ту пору Ленин "всю суть марксизма" в вопросе о союзе с "мелкой буржуазией". "Минет для России эпоха демократической революции - тогда смешно будет и говорить о "единстве воли" пролетариата и крестьянства, о демократической диктатуре и т.д. Тогда мы подумаем непосредственно о социалистической диктатуре пролетариата и подробнее поговорим о ней"⁷³. "Смешного" здесь будет мало, а крови, слез и горя эта политика принесет не мало. "За пределами демократизма не может быть и речи о единстве воли между пролетариатом и крестьянской буржуазией. Классовая борьба между ними неизбежна..."⁷⁴. "...Временный характер нашего союза", подчеркивает Ленин, с "республиканской буржуазией и мелкой буржуазией". Отсюда обязанность строго надзирать за "союзником, как за врагом".⁷⁵ Превращение России в индустриальную державу, писали народнические экономисты, требует перенапряжения всех национальных сил. Каковы же были возможные источники средств для капиталовложений?

---

71 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 56.

72 Там же. Т. 9. С. 214.

73 Там же. С. 68.

74 Там же. С. 66.

75 Там же. С. 67.

Их три - доходы самой промышленности, иностранные кредиты и перекачка средств из сельского хозяйства. Первый источник оставался хилым, второй означал перекачку национального дохода за рубеж в счет оплаты по ростовщическим процентам, т.е. залезание в долговую кабалу. Оставался третий источник накоплений - ограбление деревни и вывернутые карманы народа. Но ограбленный народ - это и низкий платежеспособный спрос, т.е. узость внутреннего рынка. В условиях, когда внешний рынок закрыт, а внутренний малосмок (ограбленное население не имеет возможности покупать, а за красивые глазки товар не выдается), промышленный монстр начинает работать сам на себя, на свое расширение, ремонт, обслуживание и т.д. Промышленность сама и заказчик, и потребитель, а человек со своими потребностями с неизбежностью отодвигается на обочину, как не производительная затрата. К этому нужно еще добавить постоянно растущие расходы на военно-промышленный комплекс, на бюрократию и царский двор ("социалистическая каста" после 1917г. - по выражению Плеханова). В результате возникает дисбалансированная или самоедская экономика, которая рано или поздно может рухнуть, похоронив себя под собственными обломками. Такова возможная плата страны за отсталость и бездумное стремление "догнать и обогнать" ушедшие вперед страны. Именно по этой аномальной модели пошла индустриализация России еще в дооктябрьский период, а затем - при Сталине. На этой модели настаивали и троцкисты. Об опасности такой модели экономического роста особенно настойчиво предупреждали еще народнические экономисты. Но их голос никем не был услышан, в том числе и большевиками, которых до 1921 г. заботили не хозяйственно-экономические проблемы, а власть, классы, классовая борьба, мировая революция и т.п. Аграрный вопрос ставился узко - лишь политически и сводился к вопросу о крестьянстве (союзник, противник и т.п.)

Ленин прежде всего отказался от старой догмы (переход к НЭПу) о социальной несовместимости пролетариата и крестьянства. "Надо вовремя взяться за ум"⁷⁶. "Надо, - признал он, - научиться строить" социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении⁷⁷. Рабоче-крестьянским, а не только лишь пролетарским делом, объявлялся теперь социализм. Это решение крестьянству тоже участвовать в социалистическом строительстве предопределяло и отказ от губительной

---

⁷⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 446.

⁷⁷ Там же. С. 428.

российской модели индустриализации за счет разрушения сельского хозяйства и вывернутых карманов народа.

На чем же настаивал здесь Бухарин, в отличие от других ленинцев? Мысли не сложны, но у других и этого не было. Исходная посылка его концепции: в нашей стране основой всего хозяйства является сельское хозяйство. Промышленность у нас развита сравнительно слабо и она в своем развитии тоже зависит от роста сельского хозяйства. Сельское же хозяйство в наших условиях это есть хозяйство крестьянское, более 20 миллионов крестьянских дворов.

Спорить с этими очевидными истинами не приходилось, стоило лишь радоваться, что они наконец-то пришли в голову. Ранее линия власти не совпадала с линией нации. Бухарин хотел бы внести поправки. Конструктивная программа выхода из отсталости и обновления страны должна стать делом всей нации, а для этого базироваться на таких формах кооперации промышленной и агропромышленной сферы, города и деревни, пролетариата и крестьянства, которые вели бы к взаимному их подъему и обогащению, а не обнищанию. Задачей рабочего класса и задачей городской промышленности является такое развитие производства, которое бы полностью и дешево удовлетворяло нужды крестьянского населения. В общем и целом, продолжал Бухарин, всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство. Только идиоты могут говорить, что у нас всегда должна быть беднота; мы должны вести такую политику, в результате которой беднота исчезла бы.

Истина, казалось бы, банальная. Но кто в России исходил или исходит сегодня из социально-экономических интересов крестьянства? Такого никогда не случалось. Отношение к нему - не что иное как форма геноцида русского народа. Делалось это, в частности, путем натравливания пролетариата на крестьянство как низшую расу. Бухарин первым попытался как-то если не снять, то хотя бы смягчить это столкновение лбами двух групп трудового народа.

Нетрудно увидеть в приведенных выше словах Бухарина более серьезное, чем общепринятое, понимание кооперации, когда ее сводят лишь к объединению группы крестьян, торговцев, потребителей и т.п. для ведения своих малых дел. Кооперация, согласно Бухарину, - это прежде всего сотрудничество главных сфер народной жизни - промышленности и сельского хозяйства. Задача этой кооперации - подъем производительных сил в обеих сферах с целью повышения жизненных сил народа. Поэтому здесь нет ничего общего с торгашеством и казнокрадством сегодня.

няшных "радикальных демократов", гримирующихся под "цивилизованных кооператоров", с их принципом - воруи, где угодно и продавай кому угодно.

Напутавший многих призыв Бухарина "Обогащайтесь!" (от которого его принудили отказаться) выражал основное условие и объективный закон устойчивого экономического роста: не может быть богатым государство при ограбленном народе. Лучший способ разрушить страну - это ограбить людей труда. Поэтому "забота о народе" - не моральный лишь принцип и требование социальной справедливости или следствие благотворительности властей, которым за это следует кланяться в пояс, а железный закон и условие экономического подъема. При нищем населении и убогом состоянии социальной сферы (узость потребительского рынка) промышленное производство, не имея иных потребителей, начинает работать само на себя во все возрастающей мере и на первых порах способно добиться немалых результатов. Но поскольку в этом производстве ради производства человек с его потребностями выступает помехой, то здоровый экономический цикл (производство, сбыт, распределение, потребление) разорван, и производство держится во многом на команде и рано или поздно наступает экономический застой и саморазрушение, что мы прекрасно знаем по сегодняшнему состоянию. Стоило выдать ложную команду и под видом "перестройки" подорвать опорные связи индустрии, как вся страна покатилаь в пропасть. Удар был точно рассчитан в центр нервной системы.

Бухаринский лозунг "обогащайтесь" имел в виду одновременный рост накоплений и подъем в обеих сферах народного хозяйства за счет их взаимопомощи через механизм регулируемого рынка, через взаимный спрос и предложение. Накопление в сельском хозяйстве означает растущий спрос на продукцию нашей промышленности. В свою очередь это вызовет могучий рост нашей промышленности, которая окажет благотворное обратное воздействие нашей промышленности на сельское хозяйство. Такое сотрудничество должно быть нацелено на взаимное стимулирование и обогащение как одной, так и другой сферы и предохранение их от ограбления банками, биржей и правящей кастой.

Но для такой цели необходим некий объективный механизм взаиморегулирования этих сфер, не допускающий произвольной "перекачки" их жизненных соков, что не под силу никакой бюрократической регламентации или стихии. Этим механизмом должен стать регулируемый рынок - такова третья основополагающая посылка бухаринской концепции "переходного периода". Тяготы индустриализации неизбежны, но они с помощью меха-

низма регулируемого рынка должны в равной мере распределяться на плечи города и деревни, что предполагает оптимальное сочетание плана и рынка. В этом смысл постоянных требований Бухарина об укреплении "блока" рабочих и крестьянства и подрыв которого он относил к величайшей опасности для всей страны не только в политических, а и в экономических основаниях.

Каков же общий смысл регулируемого рынка? Сегодня "демократы" тоже регулируют рынок, но только в одном направлении - ради уничтожения социализма и д. ведения производства, управления и культуры до паралича, т.е. переделки общества на принципах остановки прогресса. Бухаринская позиция прямо противоположная. Нужен лишь тот рынок, который способствует подъему производительных сил страны. И самое главное: нужен рост производительных сил не сам по себе, а такой рост производительных сил, который обеспечивал бы победу социалистических элементов. Итак, рынок - это путь к социализму, а не средство его уничтожения. "Командные высоты" - государственная власть, руководящая роль партии, государственная собственность на промышленность, транспорт, банки, национализация земли и т.п. не исключают из жизни классовую борьбу, но перемещают ее в другую сферу и критерий их действительности один, причем объективный, - повышение жизнеспособности государства, народа, людей труда. Набор конкретных мер, к.л. смена и т.п. дело конкретных обстоятельств. Но незыблем лишь один экономический принцип - благо для экономики лишь то, что повышает, а не подрывает жизненные силы народа. Меньше административного воздействия, больше экономической борьбы, большее развитие хозяйственного оборота. Бороться с частным торговцем не тем, что топтать на него и закрывать его лавку, а стараться производить самому и продавать дешевле, лучше и доброкачественнее его. Что, например, в свете этой методологии означает повышение жизненного уровня крестьянства через регулируемый рынок?

Это такое регулирование рынка, - разъяснял Бухарин, - которое не обдирает мужика как липку (т.е. ведет не к обострению классовой борьбы), а, напротив, обеспечивает наличие у него высокого платежеспособного спроса, т.е. не просто спроса, а наличие эквивалента, реальной возможности купить необходимые товары. Иными словами, принципу "грабежа большой скорости" - награбил (через рынок, банк, биржу, кредит, завышение цены и т.п.) и скрылся - должен быть поставлен заслон с помощью "командных высот". Необходимо, настаивал Бухарин, всемерное развитие и удовлетворение потребительского и производственного спроса

крестьянства, т.е. понимание того, "что наша промышленность зависит от крестьянского рынка", от состояния и темпа развития сельского хозяйства. Платежеспособный спрос крестьянства определяется, прежде всего, состоянием крестьянского хозяйства, его высотой, развитием производительных сил этого хозяйства. Этот спрос будет развиваться в меру того, как будет развиваться и спрос производительный, то есть постольку, поскольку крестьянство будет улучшать свое хозяйство, двигать его вперед, вводя все большее количество лучших орудий, повышая хозяйственную технику, методы обработки и т.д. и т.п. Отсюда совершенно ясна необходимость процесса накопления в крестьянском хозяйстве, чтобы не все проедалось и растрачивалось, а чтобы часть средств шла на покупку сельскохозяйственных орудий и т.п.

Сегодняшние "радикальные реформы" в России фактически направлены на то, чтобы лишить крестьянина возможности не только "продания" чего-либо, но и не допустить каких-либо производственных затрат, необходимых для функционирования аграрной сферы⁷⁸. Это, по сути, возрождение в новых формах той гражданской войны с собственным народом, которая была известна из эпохи "военного коммунизма". Только роль примитивных продотрядов выполняет теперь грабительская политика ценообразования, биржа, банки, налоги. К крестьянству, по-прежнему, относятся как к людям второго сорта.

В заключение снова отметим, что если уж и отыскивать какие-либо заслуги у Бухарина, то их, думается, можно связывать в первую очередь с его усилиями обновить большевизм применительно к самой для него темной и для сегодняшних правителей остающейся менее всего понятной проблеме: город и деревня, промышленность и сельское хозяйство, рабочий класс и крестьянство. Это была издавна самая больная российская тема.

---

⁷⁸ Видный русский публицист, лауреат Ленинской премии Иван Васильев выразил суть этого "переходного периода" кратко и точно: "величайшим надувательством века является то, что объявленные на всех площадях клятвенные заверения "накормить народ" выполняются путем... организации голода. Дьявольская задумка! Отказать земледельцу в машинах и кредитах, разогнать стада по хлевушкам, обложить продукт таким налогом, чтобы его никто не купил, ликвидировать артельный труд - основу жизни. Голенькими выгнать мужиков из хутора, закрыть школу, детсад, медпункт, клуб, не строить дорог, не тянуть электрOLIний - трезвонить во все колокола: потерпите малость, заморский дядюшка уже выслаI корабли с протухшей в пустыне тушенкой! Разве настоящему заботнику о народе придет в голову подобный бред? Буржую да, тому придет: это обеспечит ему власть над разоренным крестьянством и голодным рабочим".

Н.И.Бухарин в оценках западных исследователей

Теоретическая и практическая деятельность Бухарина стала широко известной на Западе еще в 20-е годы. Его "Теория исторического материализма" и ряд других работ были переведены на основные европейские языки и сразу же вызвали дискуссионные отклики. Свои оценки дали такие крупные теоретики второго и третьего Интернационала, как Каутский, Вандервельде, Лукач, Грамши. Затем наступил период - трагический для Бухарина, - когда его имя в течение трех десятков лет было окружено молчанием. Возрождение интереса к Бухарину на Западе началось на рубеже 50-60-х годов. В Берлине вышла книга П.Книрша о его экономических взглядах, а в Нью-Йорке - работа А.Эрлиха о дискуссиях по проблемам индустриализации в 20-е годы в СССР. В 60 - 70-е годы в западных странах стали переводиться, издаваться и переиздаваться экономические, политические и философские труды Бухарина. Начали выходить серьезные исследования о его жизни и деятельности - А.Г.Леви (Вена, 1969), С.Коэна (Нью-Йорк, 1973), К.Коутса (Ноттингем, 1978), о его социальных и философских взглядах - С.Негта (Франкфурт, 1969), У.Штера (Дюссельдорф, 1973), К.Сальмона (Париж, 1980), М.Хэйнса (Лондон, 1985), К.Тарбака (Лондон, 1989). В июне 1980 г. Институт им. Грамши провел в Риме международную конференцию на тему "Бухарин в истории Советского Союза и международного коммунистического движения" с участием таких крупных советологов, как С.Коэн, М.Левин, А.Ноуз, В.Страда, Р.Такер и др. (ее материалы опубликованы в Риме в 1982 г. под заглавием "Бухарин между революцией и реформами"). В 1988 г. аналогичная конференция прошла в Дюссельдорфе. И, естественно, о Бухарине говорится во многих вышедших на Западе исследованиях по истории СССР, по истории советской философии, в работах о Сталине, о Троцком и др.

Нынешний интерес к Бухарину - отнюдь не чисто академический. На это справедливо указывает Стивен Коэн, автор наиболее известной из упомянутых работ, переведенной на русский в 1988 г., - "Бухарин. Политическая биография. 1888 - 1938". Став-

ший в середине 20-х годов главным теоретиком НЭПа, а в конце того же десятилетия - главным оппонентом Сталина на советской политической сцене, Бухарин представляется ключевой фигурой для выяснения вопроса о том, могла ли наша страна пойти иным путем - не тем, по которому она пошла под сталинским руководством. Понятна важность этого вопроса для социалистического и коммунистического движения, для всех левых сил на Западе. Ведь сталинизм, утвердившийся в СССР, а вслед за тем и в некоторых других странах, дискредитировал саму идею социализма и стал поэтому главным козырем для всего антисоциалистического лагеря. Подобно тому, как после Великой французской революции идеологи консерватизма твердили: "Хотите свободы - получите Робеспьера с его якобинским террором", так и сегодня они без устали повторяют: "Хотите социализма - получите Сталина с его большевистским тоталитаризмом". От свободы народы тем не менее не отказались, они завоевывали ее упорной и долгой борьбой. А как теперь насчет социализма? Как насчет справедливости и равенства, человеческих отношений между людьми? Надо ли отказываться от этих веками выстраданных идеалов?

Ища ответ на эти вопросы, ставшие ныне столь острыми, столь мучительными, мы снова и снова обращаемся к нашей истории, к людям, боровшимся за эти идеалы и отдавшим за них свою жизнь. Неужели их жертва была совершенно напрасной, а их путь - заведомо ложным? Поплатились ли они за свои глубокие убеждения или за мелкое политиканство игрока, поставившего не на ту карту? Был ли какой-то глубинный смысл в этих яростных спорах, которые вели между собой Бухарин, Троцкий, Преображенский и другие лидеры и идеологи партии, или же все дело сводилось к малосущественным деталям, раздутым игрой личных амбиций?

Нетрудно увидеть, что в этой постановке вопросов сталкиваются политические позиции сторонников и противников социализма. Но есть здесь над чем поразмыслить и беспристрастным историкам и философам, желающим понять, как связаны объективные исторические тенденции с конкретными личностями, в деятельности которых эти тенденции так или иначе воплощаются. Ведь если мы признаем, что история - это не фаталистически запрограммированный процесс, что в ней есть возможные варианты, альтернативы, то надо также признать, что эти варианты, даже не осуществившиеся в данный момент, должны были как-то себя проявлять, должны были иметь своих сторонников, своих подходящих выразителей. Допустим, что шансы на победу у сторонников иного, лучшего пути в силу определенных истори-

ческих условий были невелики. Но все-таки это не нулевые шансы, а просто меньшая вероятность, которая в других условиях может стать большей.

И вот, если с этой точки зрения взглянуть на нашу историю 20-х годов и перебрать все наиболее заметные фигуры, действовавшие тогда на политической сцене, то мы не можем не остановиться на Бухарине - человеке, чьи личные качества - мягкость, доброжелательность, открытость - буквально предназначали его на роль выразителя антисталинской альтернативы. Конечно, можно сказать, что он не сразу осознал это свое предназначение, выступая вначале в несвойственном ему амплу левого радикала. Но ведь и Сталин не сразу "нашел себя" и до того, как стать полновластным диктатором, играл роль центриста, умеренного и миролюбивого. "Момент истины" наступил в 1928 - 29 гг., когда Сталин и Бухарин столкнулись на крутом повороте, а точнее на развилке нашей истории. Поставив этих двух лидеров перед решающим выбором, история дала им уникальный шанс самореализации - шанс наложить печать своей личности на судьбы страны, а в какой-то степени и всего мира. Триумф Сталина и трагическое поражение Бухарина означали победу определенного варианта общественного устройства, определенной модели развития, определенного мировоззрения, определенного типа отношений между людьми.

Сталинизм, отмечают западные исследователи, это целая система со своей достаточно жесткой структурой и внутренней логикой. Именно поэтому от него так нелегко освободиться. А был ли такой системой "бухаринизм", - если не в реальной жизни, где он не смог утвердиться, то хотя бы в потенции? Вопрос совсем не простой, ибо, с одной стороны, в решающем столкновении со Сталиным Бухарин не сформулировал четко свою стратегическую альтернативу (как впрочем и Сталин, чья модель развития оформилась и утвердилась лишь позже), а с другой - именно Бухарин, больше чем кто-либо другой, включая и Троцкого, излагал на протяжении 20-х годов свои взгляды в систематической форме, причем не только на экономическом и социальном, но и на философском уровне. А значит, следует выяснить, какова могла быть бухаринская альтернатива и в какой мере ей соответствовали сформулированные перед этим взгляды.

Наша задача - рассмотреть, как эти вопросы решаются западными исследователями. Мы начнем с цитаты из уже упомянутой книги С.Козна: "Исторической неизбежности не бывает" - альтернативы возможны всегда. И тем не менее, когда я начинал работать над этой книгой в середине 60-х годов, авторы научных

трудов, посвященных советской истории, как на Западе, так и в СССР, исходили в большинстве своем из того, что реальной альтернативы сталинизму не было¹. Действительно, если взять первых западных советологов, негативно настроенных по отношению к СССР и к коммунизму вообще, то для них сталинизм с его насильственными методами и массовыми репрессиями оказался просто находкой. Они с радостью ухватились за интерпретацию советской истории, данную самим сталинизмом о том, что он воплощает подлинный марксизм-ленинизм, подлинный социализм. Оставалось только заменить положительную оценку на отрицательную и эта безальтернативная концепция начинала успешно работать против марксизма, против ленинизма, против социализма. Заметим, что эту же самую сталинскую интерпретацию с измененным знаком подхватили и наши сегодняшние критики марксизма и социализма, такие как А.Ципко. Однако на Западе она давно уже мало кого интересует. Сегодня никакой уважающий себя советолог не будет уже брать за основу сталинский "Краткий курс" и заниматься заменой в нем одних прилагательных на другие. С появлением фундаментальных исторических трудов Э.Карра, Дж.Бюффы, Р.Такера, М.Левина и др. советология поднялась на новый уровень - уровень серьезного научного исследования, дающего возможность не только разобраться в том, что действительно происходило в Советском Союзе в течение его истории, но даже кое-что предсказать из его ближайшего будущего².

Главными выводами, к которым пришли серьезные западные историки, можно считать следующие. Для понимания истории Советского Союза следует прежде всего различать задачи социалистического строительства и задачи модернизации страны, которые сами по себе не имели ничего социалистического и должны в принципе были решаться еще до революции. По ходу истории задачи модернизации, т.е. ускоренного развития промышленности, сельского хозяйства, культуры все больше оттесняли на задний план задачи социалистического строительства. При этом, как и в истории других стран, отставших в своем развитии, форсирование темпов осуществлялось с помощью государства, роль которого резко возрастала. Поворот, совершившийся на рубеже 20-30-х годов и выразившийся в ликвидации НЭПа, в насильственной коллективизации и начавшейся форси-

¹ Козн С. Бухарик. Политическая биография. 1888-1938. М., 1988. С. 15.

² Это признает даже такой критик советологии, как Ю.В.Емельянов. См. об оправдавшихся предсказаниях: Емельянов Ю.В. Заметки о Бухарине: Революция. История. Личность. М., 1989. С. 61-62.

рованной индустриализации, как раз и знаменовал собой фактически полное переключение политики и экономики на решение задач модернизации. В ходе этого поворота, который на Западе называют сталинской "революцией сверху", "сталинской контрреволюцией" или "культурной революцией" в китайском смысле слова, был окончательно сформирован и соответствующий, предельно централизованный партийно-государственный аппарат, получивший впоследствии название командно-административной системы. Подчинив себе полностью все сферы хозяйственной, политической и культурной жизни, этот аппарат сконцентрировал силы государства на решении задачи догнать в кратчайший срок передовые страны по уровню промышленного развития. Когда же эта задача была в основном решена, развернувшаяся гонка сама собой переросла в соперничество за мировое лидерство с Соединенными Штатами.

Но, может быть, все это делалось во имя социализма, во имя его окончательной победы в мировом масштабе? Да, так оно утверждалось в официальной советской пропаганде. И это утверждение - в одних случаях по наивности, а в других по расчету - принималось за чистую монету как многими сторонниками социализма, так и его категорическими противниками. Но, как показали те же серьезные историки, реальная политика советского государства давно уже не имела ничего общего с идеей мировой революции. Под флагом социализма и интернационализма отстаивались специфически национальные, а затем и великодержавные интересы Советского Союза. Этим интересам подчинялось и международное коммунистическое движение, считавшее, что критерием пролетарского интернационализма является защита во всех случаях: политики СССР как первой в мире страны социализма.

Существовал ли в этой стране действительно социализм или это было нечто другое - своеобразный государственный капитализм, "бюрократический коллективизм" или некий "государственный способ производства", как утверждали те или иные западные исследователи, - этот вопрос мы вынуждены оставить здесь без рассмотрения. В данном случае мы ограничимся следующей констатацией: подобно тому, как внутри страны специфически национальная задача модернизации оттеснила задачу социалистического строительства, так и на международной арене национальные интересы оттеснили интересы пролетарского интернационализма. Есть много фактов, свидетельствующих о том, что при малейшем столкновении тех и других интересов советское руководство не задумываясь жертвовало ин-

тересами зарубежных коммунистов. Достаточно напомнить советско-германский пакт 1939 г., буквально подкосивший международное коммунистическое движение, выдачу коминтерновцев гитлеровской Германии, ввод войск в Чехословакию вопреки обещанию, данному ряду западных компартий. Кстати, последний факт переполнил чашу терпения этих партий, которые с того момента перестали безоговорочно одобрять все внешние и внутренние акции Советского Союза.

Вернемся, однако, к 20-м годам. Как известно, в то время вопрос о соотношении национальных и интернациональных моментов был поставлен в обостренно альтернативной форме Л.Д.Троцким. Впоследствии, уже будучи высланным, он продолжал настаивать на том, что социализм, строящийся в национальных рамках одной страны, неизбежно деградирует. Но была ли реальной альтернативой такому национальному социализму мировая революция? Этот вопрос не мог не привлечь внимания современных исследователей, тем более, что у Троцкого остались последователи, активно пропагандировавшие его идеи. Как отмечает С.Козн, один из самых видных троцкистов, И.Дойчер (по другой транскрипции - Дейчер) оказал влияние на крупнейшего английского специалиста по советской истории Э.Карра. В результате "они пришли к согласию по двум основным, хотя и не вполне согласующимся положениям: первое - сталинизм был хотя и трагическим, но неизбежным решением для преодоления русской исторической отсталости; и второе - если можно говорить о какой-то альтернативе или существенной оппозиции сталинизму, то таковой был троцкизм"³. Эти "не вполне согласующиеся" положения можно, по-видимому, согласовать следующим образом: мировая революция могла бы стать альтернативой сталинизму, но в 20-годы, да и позже, для такой революции не было объективных условий, и значит, это была нереальная, абстрактная альтернатива.

Ну а как все-таки насчет реальной альтернативы? Неужели в ходе строительства социализма в одной стране все должно было получиться именно так, как оно получилось? Мы уже знаем отрицательный ответ С.Козна, который привел его к пересмотру позиций школы Дойчера - Карра и фактически к созданию собственной школы (которую М.Хэйнс называет "ревизионистской" в смысле пересмотра сложившихся "ортодоксальных" взглядов)⁴. Между этими двумя школами развернулась дискуссия. С.Козна, в

---

³ Козн С. Бухарин. С. 17.

⁴ См.: Haynes M. Nikolai Bukharin and the transition from capitalism to socialism. L., 1985. P. 4-5.

частности, поддержали Дж.Бюффа, М.Левин, Р.Медведев (книга которого "Н.И.Бухарин. Последние годы жизни" вышла в 1979 г. на итальянском языке и была переведена на английский, сербско-хорватский, японский и испанский). На упомянутой выше конференции в Риме С.Коэн выступил с первым докладом и также был поддержан рядом участников.

Итак, рассмотрим "бухаринскую альтернативу", как ее понимают С.Коэн и его сторонники. Бухарин, пишет С.Коэн, "стал основным выразителем определенных идей и политических мер - принципов и практики НЭПа, - которые бы и одновременно и барьером против сталинизма, и альтернативой ему. Они находили широкий отклик в партии и стране, как до, так и после поражения Бухарина. И ничто не доказывает, что они были "абсолютной невозможностью"; они были насильственно подавлены и уничтожены вместе с НЭПом"⁵. Каковы принципы НЭПа, - это сейчас достаточно хорошо известно. Немало в последних публикациях говорилось и о том, как Бухарин разрабатывал, обосновывал и защищал эти принципы, особенно в полемике с Преображенским и другими представителями левой позиции. Напомним лишь основной пункт этой полемики: если Преображенский считал, что социалистическую индустриализацию надо осуществить за счет несоциалистического крестьянства, перекачивая средства из сельского хозяйства в промышленность, то, с точки зрения Бухарина, напротив, следовало прежде всего создать благоприятные условия для подъема крестьянства, на этой основе интенсифицировать обмен между городом и деревней и тем самым создавать средства и стимул для развития промышленности. Линия Преображенского была фактически направлена на свертывание НЭПа, линия Бухарина - на его долговременное существование как "столбового пути" к социализму. Собственно, в этом столкновении и разрабатывалась бухаринская аргументация в защиту НЭПа как мирного, постепенного, уравновешенного движения к социалистическому обществу.

Как подчеркивает С.Коэн и другие сторонники "бухаринской альтернативы", теоретическая аргументация Бухарина приобрела глобальный характер. Это была система взаимосвязанных аргументов экономического, социального, политического и даже морального уровня. "В своей полемике с Преображенским в середине 20-х гг., - пишет С.Коэн, - Бухарин особо настаивал на этической стороне индустриализации СССР. Он отстаивал ту же

---

⁵ Коэн С. Бухарин. С. 19.

точку зрения и в споре со Сталиным: "... наша социалистическая индустриализация должна отличаться от капиталистической. ...Социалистическая индустриализация - это не паразитарный по отношению к деревне процесс"⁶. Конечно, С.Коэн известно, что Бухарин, как и другие лидеры большевиков, не очень жаловал моральную проблематику как таковую. Но, по-видимому, с моралью дело обстоит так же, как с философией: даже отрицающий философию - какие-то философские принципы фактически исповедует и даже отрицающий мораль - какие-то моральные правила и оценки фактически применяет. Поэтому, когда Бухарин говорит о "чудовищно односторонней" политике по отношению к крестьянству, Коэн усматривает в этом моральную оценку, "нравственное неприятие" подобной политики⁷. А когда Бухарин в 30-е годы развертывает концепцию социалистического гуманизма, Коэн видит в ней уже "откровенно этический взгляд на вещи"⁸.

Выделение этической проблематики у Бухарина, это, можно сказать, особая заслуга С.Коэна. Ее интерес в том, что она органически завершает, достраивает доверху бухаринскую концепцию НЭПа, так что появляются основания говорить о целой "нэповской философии"⁹. В своем докладе на упомянутой конференции С.Коэн заявил, что бухаринская программа НЭПа вытекала не только из его представления о том, что будет экономически рациональным в Советской России, но и из его все более острого предчувствия, что единственная большевистская альтернатива НЭПу стала бы чем-то "чудовищным"¹⁰. В этом смысле антисталинизм появился у Бухарина до формирования сталинизма как такового.

В том же докладе С.Коэн резюмирует в виде четырех основных черт бухаринский подход к строительству социализма в СССР в период 1921 - 1928 гг. Во-первых, это отказ от абстракций, связанных с "военным коммунизмом", и реалистическая опора на российскую действительность. Отсюда и признание важности частного сектора, и ориентация на построение социализма в одной стране - идея, которую Бухарин высказал раньше Сталина, еще в 1922-23 гг. При этом, в отличие от позднего Сталина, Бухарин не делал из России образец для других стран, а,

---

6 Коэн С. Бухарин. С. 385.

7 Там же.

8 Там же. С. 431.

9 Там же. С. 367.

10 Bukharin tra rivoluzione e riforme. Roma, 1982. P. 21.

напротив, призывал различные пути у разных стран и говорил об "отсталом социализме" в России.

Во-вторых, вслед за Марксом и Лениным Бухарин считал, что победоносная социалистическая революция должна быть делом большинства (как это было в 1917 г., но уже не было в 1921 г.). Поэтому важнейшей задачей было обеспечение поддержки социалистического строительства со стороны основной массы населения. Отсюда и вытекало сближение Бухарина с крестьянством.

В-третьих, отвергая насильственную "классовую борьбу" времен гражданской войны, Бухарин становится поборником гражданского мира как единственного возможного социального контекста для строительства социализма. При этом классовая борьба, имеющая характер мирной эволюции, должна была развертываться главным образом в форме конкуренции между социалистическим и частным сектором в рамках рыночных отношений. Бухарин отверг "третью революцию" (против кулаков) за несколько лет до того, как эта "революция" стала осуществляться под сталинским руководством.

В-четвертых, отвергая процесс безграничного огосударствления, характерный для "всенного коммунизма", Бухарин выступает против возрастающей мощи государства. Он опасается, что сочетание русской государственной традиции с тенденциями современного государства может породить "чудовищные" способы "строительства социализма" в СССР. С этим связаны его выступления против "монополистической" политики в экономике, но также и в литературе, его концепция рынка как экономического и политического посредника между обществом и государством, его настаивание на учреждении новой законности. В этом свете, добавляет С.Коэн, становится понятнее и его этическая аргументация: чиновники для народа, а не народ для чиновников, экономика для потребителя, а не потребитель для экономики, и если социалистическая индустриализация не даст народу больше благ, чем капиталистическая индустриализация, она не будет подлинно социалистической¹¹.

Нетрудно увидеть, что все эти четыре черты прямо противостоят сталинской концепции социалистического строительства. Достаточно указать на нереалистический характер первой пятилетки, на антикрестьянскую политику Сталина, на его идею обострения классовой борьбы по мере строительства социализма, на всемерное усиление государства и партийно-государственного

---

¹¹ Bukharin tra rivoluzione e riforme. P. 23-25.

"монополизма". Таким образом, есть основания говорить о реальной "бухаринской альтернативе" сталинизму, которая не только существовала в сознании ряда руководителей (Бухарина, Рыкова, Томского и др.), но и в определенной мере осуществлялась на практике. Она продолжала ту линию, которую Ленин едва успел наметить в 1921-22 гг., но была пресечена в год "великого перелома" - 1929 и заклеена как "правый уклон". На самом же деле она могла бы привести к избежанию тех огромных издержек и жертв, которыми сопровождалось осуществление "сталинской альтернативы".

Каково же значение "бухаринской альтернативы" сегодня? Отвечая на этот вопрос, С.Козн определяет его как "историко-символическое". Дело в том, что многие западные компартии (не говоря уже о соцпартиях) пошли в осмыслении проблем социализма дальше, чем в свое время Бухарин, особенно в том, что касается соединения социализма с демократией. Бухарин же "при всей своей оппозиции к государству Левиафана и либерализме в вопросах культуры... не был демократом... Он никогда не подвергал сомнению, например, принцип однопартийной диктатуры или хотя бы запрещение фракций внутри партии"¹².

С.Козн не идеализирует Бухарина, он не раз говорит о его недостатках и ошибках, считая главной из них его нежелание или неспособность проявить терпимость к своим партийным противникам, "исходя из предпосылки, будто экономическому и культурному плюрализму советского общества может противостоять некое единство взглядов внутри партии"¹³. С другой стороны, он отмечает недооценку Бухариным социально-экономических трудностей и противоречий и "слишком гармонизированное" представление о движении к социализму, которое на самом деле было движением к модернизации общества. В связи с этим можно считать общей ошибкой Бухарина, его сторонников и оппонентов то, что они, споря о построении социализма в одной стране, говорили по сути дела не о том, ибо "за риторикой о "строительстве социализма" скрывался кардинальный вопрос об индустриализации и модернизации... Другими словами, споры о построении социализма в одной стране были спорами о возможности индустриализации без посторонней помощи..."¹⁴. Это, как

---

¹² Козн С. Бухарин. С. 22.

¹³ Там же. С. 281.

¹⁴ Там же. С. 225.

мы уже знаем, точка зрения, весьма распространенная среди западных специалистов по истории СССР¹⁵.

Среди этих специалистов С.Козев - один из самых авторитетных. Об этом можно было судить и по римской конференции, где его позицию поддержали другие докладчики - Ф.Бенвенути, А.Ноув, М.Рейман, выступавшие по той же теме "Бухарин и "строительство социализма" и фактически ограничившиеся добавлением отдельных деталей и нюансов. На конференции обсуждались также темы: "Бухарин и международные проблемы революции", "Бухарин как теоретик-марксист", "Осуждение Бухарина в рамках окончательного утверждения сталинизма". К некоторым затронутым здесь вопросам мы еще вернемся. Теперь же нам надо будет рассмотреть позиции других авторов по проблеме "бухаринской альтернативы".

Вот что пишет известный американский советолог Альфред Майер во введении к опубликованной в США работе Бухарина "Теория исторического материализма": "Развивая идеи последних статей и речей Ленина в виде более цельной программы, Бухарин заложил основу для такой интерпретации коммунизма, которая делает возможными постепенное движение и сбалансированный рост, смешанную экономику, плюрализм, полицентризм и желательность открытой, демократической системы... В общем Бухарин был крупнейшим ранним представителем сторонников постепенного развития внутри коммунизма, поборником почти фабианской программы умеренности с большим упором на органическое развитие, общественное участие, экономическую рациональность и демократию, чем сталинская альтернатива"¹⁶. Правда, автор тут же оговаривается, что если кому-то такая характеристика покажется преувеличением, ее можно переформулировать следующим образом: "Бухаринская философия была разработкой постепенной и умеренной, если не демократической или демократизирующей тенденции в русском коммунизме, которая преобладала в течение короткого, но важного отрезка времени, примерно с 1921 по 1928 год"¹⁷. А.Майер проводит даже параллель между отношением Бернштейна к Энгельсу и отношением Бухарина к Ленину. В обоих случаях, пишет он, идет дви-

---

15 К этой точке зрения присоединились, признав ошибочность своей прежней позиции, и Г.А.Бордюгов и В.А.Козлов в своей книге "История и конъюнктура". М., 1992. С. 132.

16 Meyer A. Introduction // *Bukharin N. Historical materialism*. Ann Arbor, 1976. P. 4a-5a.

17 Ibid. P. 5a.

жение "в направлении большей гибкости, терпимости, умеренности и демократизации"¹⁸.

Ряд авторов, рассматривая отношение Бухарина к Троцкому и левой оппозиции, отмечает, что противоположность здесь не была такой острой, как можно было думать, судя по дискуссиям 20-х годов. Более того, имело место фактическое сближение взглядов по ряду важных пунктов, так что "бухаринская альтернатива" могла бы приобрести более реальный характер.

Как отмечалось на римской конференции, "пионерской работой" в этом отношении явилась книга Александра Эрлиха "Дискуссия об индустриализации в СССР, 1924 - 1928 гг.". Это действительно очень серьезный анализ как экономического развития СССР в 20-е годы, так и высказанных по этому поводу различных оценок и предложений. А. Эрлих обратил внимание прежде всего на тот факт, что Бухарин, выдвигая в споре с Преображенским концепцию медленного, уравновешенного развития, был прав лишь постольку, поскольку до 1925 - 1926 гг. продолжался еще восстановительный период и речь шла о более эффективном использовании существующих производственных мощностей (что можно было сделать без крупных капиталовложений, путем налаживания связей между городом и деревней, развития сферы потребления и т.д.). Однако эти производственные мощности были весьма изношенными и давно уже требовали обновления. Таким образом, без крупных капиталовложений в промышленность началось бы, по завершении восстановительного периода, неизбежное падение темпов производства. Здесь, по мнению Эрлиха, заключался главный и трудноопровержимый аргумент Преображенского в пользу перекачки средств из сельского хозяйства в промышленность. Однако и у Бухарина были серьезные основания выступать против политики перекачки: она грозила разрывом рабоче-крестьянского союза, резким возрастанием социальной напряженности в стране. Получился теоретический тупик: высокие темпы промышленного роста "представлялись как жизненная необходимость и в то же время как опасность. Учитывая лежащие в основе посылки, это был тот случай, когда надо было выбирать между смертельной болезнью и фактически верной смертью на операционном столе"¹⁹.

Но это было только начало дискуссии. Внимательно проследившая ее дальнейший ход, автор анализирует попытки найти вы-

---

¹⁸ Meyer A. Introduction. P. 4a.

¹⁹ Erlich A. The Soviet industrialization debate, 1924-1928. Cambridge (Mass.), 1960. P. 164.

ход в "синтетической" концепции В.А.Базарова и В.Г.Громана (теория "затухания темпов"), рассматривает предложения Л.М.Шанина, Г.Я.Сокольниковой, Г.Л.Пятакова, эволюцию взглядов группы Бухарина-Рыкова, с одной стороны, и Троцкого-Преображенского, - с другой, и приходит к следующему выводу: "... К концу этой большой дискуссии две основных группировки оказались гораздо ближе друг к другу, чем были в начале. Бухарин и его сторонники открыто признали неизбежность неравномерного роста, тогда как Преображенский все более откровенно признавал опасности, связанные с такой политикой"²⁰. В этих условиях логично было бы ожидать дальнейшего сближения вплоть до нахождения какой-то средней линии. И решения XV съезда партии в 1927 г. как раз могли быть поняты как шаг в направлении синтеза двух противостоящих позиций. Однако развитие пошло другим путем. Левая оппозиция была раздавлена, а едва наметившийся синтез через каких-нибудь два года "выброшен за борт"²¹. Новая политическая линия - линия Сталина - "ударилась в такие крайности, какие самые ярые "сверхин"устриализаторы" из ликвидированного левого крыла не могли даже вообразить"²².

Эта новая линия базировалась совсем на других посылках, чем те, которые принимались до сих пор обеими спорящими сторонами. Если раньше необходимо было маневрировать и балансировать между интересами различных слоев населения города и деревни, то теперь эта необходимость отпала, ибо сплошная коллективизация лишила крестьян свободы распоряжаться своей продукцией, а ликвидация относительной независимости профсоюзов лишила рабочих возможности оказывать организованное сопротивление катастрофическому падению реальной заработной платы. Цека, заплаченная за такой поворот, была очень высокой, особенно в сельском хозяйстве. Но зато государство развязало себе руки и могло осуществлять политику максимальных темпов.

Насколько такая политика была эффективной, это другой вопрос. Особый вопрос также, почему произошел этот поворот. Как показывает автор, он не был обусловлен абсолютной экономической необходимостью, поскольку были другие варианты. Нельзя его объяснить и острой военной необходимостью. Ибо, "если принять всерьез неоднократные предупреждения Сталина насчет резко возросшей опасности войны, то политика первого пятилетнего плана будет выглядеть очень похожей на самоубий-

---

²⁰ *Ertlich A. The Soviet industrialization debate, 1924-1928. P. 164.*

²¹ *Ibid. P. 164.*

²² *Ibid. P. 164.*

ство, совершаемое из-за страха смерти. Если бы на Советский Союз напали в тот промежуток времени, между 1929 и 1932 годом, он оказался бы перед лицом всех невыгод быстрого роста, не имея еще от него практически никаких выгод²³. В общем, это был сознательный выбор другой модели развития, связанный с рядом экономических, социальных, политических и психологических обстоятельств. И выбор был сделан, как считает А.Эрlich, в противоположность не только линии Бухарина, но и линии Троцкого.

Сближение этих двух оппозиционных линий в конце 20-х годов отмечается также такими исследователями, как И.Дойчер, М.Левин, К.Тарбак, А.Ноув. Так, в своей книге "Бухаринская теория равновесия" (Лондон, 1989) Кеннет Тарбак озаглавил один параграф словами: "Троцкий тоже выступал за сбалансированный рост", показав, в частности, взаимные заимствования двух оппозиционных группировок. А в заключительном параграфе он писал: "Ни Бухарин, ни Троцкий не представляли себе, что "социализм" может строиться с головокружительной скоростью, всего за каких-нибудь несколько лет, через ужасы насильственной коллективизации в соединении с доведенным до максимума уровнем капиталовложений в тяжелую промышленность"²⁴. Бухарин, отмечает К.Тарбак, понимал лучше многих других, что сталинская маниакальная приверженность к "головоломной индустриализации" принесет многие беды и страдания всем советским людям. "А ведь большей части этих катастрофических последствий могло бы не быть; здесь не было никакой неизбежности - только упрямая самонадеянность и пренебрежение гуманностью"²⁵.

Несколько особую позицию в отношении "бухаринской альтернативы" занимают такие авторы, как Майкл Хэйнс и Марио Тэло. Так, М.Хэйнс, отмечая, что Бухарин правильно предсказал губительные последствия сталинской линии, считает в то же время эту правильную критику недостаточной для вывода о наличии у Бухарина своей реальной альтернативы. Конечно, "если бы Бухарин остался у власти, абсурдности индустриализационной гонки, чистки, репрессии, - все это не получило бы такого размаха и это немаловажно. Однако решающий пункт в другом: изменился ли бы характер преобразования советского общества?"²⁶. М.Хэйнс, стоящий на троцкистской позиции

---

23 *Erlich A.* The Soviet industrialization debate, 1924-1928. P. 167-168.

24 *Tarback K.* Bukharin's theory of equilibrium. L., 1989. P. 168.

25 *Ibid.* P. 158.

26 *Haynes M.* Nikolai Bukharin and the transition from capitalism to socialism. P. 115.

"перманентной революции", утверждает, что приняв идею строительства социализма в одной стране, Бухарин попал в теоретический тупик: требование сохранения рабоче-крестьянского союза ставило пределы скорости накопления, а с другой стороны, ресурсы для ускоренного накопления надо было черпать внутри страны: и не иначе как за счет крестьянства. Когда же в результате давления внутренних и внешних обстоятельств потребовалось выйти из этого тупика, Бухарин начал растягивать, а то и совсем убирать пределы скорости накопления. Но в результате начался процесс, имеющий "свою собственную порочную логику, который опрокинул НЭП и ликвидировал последние остатки революционных завоеваний"²⁷. Бухаринская "контрпрограмма" (выражение М.Левина, с которым полемизирует М.Хэйнс) оказалась несостоятельной, т.е. не смогла стать реальной альтернативой социализму, потому что в нее проникли те же допущения, которые лежали в основе "линии большинства" и которые, приведя к "логике форсированной индустриализации", разрушили первоначальную теоретическую конструкцию Бухарина²⁸. Все это произошло, по мнению М.Хэйнса, из-за того, что Бухарин встал на неправильную позицию строительства социализма в одной стране.

Однако оригинальность точки зрения Хэйнса не в этой типично троцкистской критике Бухарина, а в том, что бухаринские теоретические разработки, начатые еще до 1917 г., могли бы, по его мнению, стать лучшей основой для троцкистской концепции революции и строительства социализма, чем взгляды самого Троцкого. Ведь именно Бухарин разрабатывал теорию империализма как мировой системы, в которой отдельные звенья должны были рассматриваться исходя из целого, а никак не наоборот. И если бы он был последователен и сделал логические выводы из своих собственных теоретических посылок, он должен был бы признать невозможность строительства социализма в отдельно взятой стране, подвергающейся мощному давлению капиталистического окружения. По мнению Хэйнса, в СССР вместо социализма был построен государственный капитализм и это лучше всего можно объяснить исходя из начальных теоретических посылок того же Бухарина. Более того, поскольку внутренняя взаимосвязанность мировой капиталистической системы за последние десятилетия значительно возросла, бухаринский теоретический

---

²⁷ Haynes M. Op. cit. P. 112.

²⁸ Ibid. P. 115.

тический подход становится еще более актуальным. Его надо "подхватить и развить далее"²⁹.

Что касается М.Тэло, автора главы "Бухарин: экономика и политика в строительстве социализма" в третьем томе фундаментальной "Истории марксизма", опубликованной туринским издательством Эйнауди, то он, хотя и не защищает троцкистскую точку зрения, но также основное внимание уделяет бухаринскому анализу мировой капиталистической системы и видит особый интерес теоретических воззрений Бухарина во взаимосвязанном рассмотрении процессов развития капитализма, мирового революционного движения и строительства социализма в СССР. Так, констатируя "живучесть" капитализма, связанную с процессами рационализации и государственного регулирования экономики, Бухарин приходит к пониманию того, что теперь уже не годится противопоставлять социализм капитализму по традиционному принципу: плановость против анархии и развитие против кризиса. Речь должна идти о специфике социалистического развития и в частности о его "соответствии потребностям роста уровня массового потребления"³⁰. Как и ряд других авторов, М.Тэло выделяет бухаринскую идею о рабоче-крестьянском союзе в России как прообразе всемирного союза пролетариата передовых стран и "мировой деревни", т.е. крестьянства слаборазвитых стран и колоний. Однако его отношение к этой идее довольно скептическое. В отличие от А.Г.Леви, указывающего на влияние взглядов Бухарина на руководство китайской компартии при Мао Цзе-Дуне и на успешное их применение в Китае и Югославии³¹, М.Тэло больше склонен подчеркивать неудачи (поражение революции в Китае в 1927 г., разрыв между СССР и Китаем в послевоенные годы и др.). Вообще, по его мнению, не следует "преувеличивать" значение бухаринской альтернативы.

Если теперь подвести предварительные итоги рассмотрения вопроса о бухаринской альтернативе зарубежными исследователями, то можно констатировать следующее. Практически все авторы согласны в том, что колоссальных издержек, массовых репрессий и других жестокостей сталинизма можно было бы избежать, и эту возможность они связывают прежде всего с теоретической и практической деятельностью Бухарина. Это уже не мало. Можно ли пойти дальше и связать с его деятельностью представление о не только "более мягкой", но качественно отличной от сталинизма общественной системе? Здесь начинаются расхожде-

---

²⁹ Haynes M. Op. cit. P. 132.

³⁰ Storia del marxismo. Vol. 3, Part. I. Torino, 1980. P. 684.

³¹ Löwy A.G. Die Weltgeschichte ist das Weltgericht. Wien, 1969. S. 311, 317, 324.

ния. А.Г. Леви считает Бухарина фактическим предшественником концепции "рыночного социализма". "Бухарин, - пишет он, - все больше отходил от своего юношеского воззрения о том, что развернутый социализм не будет знать рыночного хозяйства"³². Более того, Бухарин, "как никто другой до и после него, предпринял попытку в теории и на практике построить такой социализм, который предусматривает сосуществование обобществленных промышленных предприятий с единоличными хозяйствами в деревне и допускает крестьянский индивидуализм в качестве партнера крупной, планируемой, общественно управляемой социалистической промышленности"³³. Другие же авторы, как, например, Алек Ноув, (сам, кстати, сторонник "рыночного социализма")³⁴, считает, что у Бухарина, как и у других марксистов того времени, речь шла о переходном периоде, а в "построенном социализме для рынка уже не будет места"³⁵. Со своей стороны, М.Хэйнс полагает, что мирное сосуществование рыночного и планового хозяйства в период НЭПа "выражало временное равновесие противоречивых сил в быстро меняющейся ситуации"³⁶, а потому делать из этого какую-то модель вообще не имеет смысла. Взгляды Леви, с одной стороны, и Хэйнса - с другой, образуют, можно сказать две крайние точки, между которыми располагаются все остальные, более осторожно выраженные формулировки "бухаринской альтернативы". Добавим теперь к ним некоторые собственные соображения.

Нам представляется, что говорить всерьез о качественно отличающихся альтернативах можно лишь в том случае, если признать скрывающееся за ними некое существенное противоречие, присущее данному обществу на данном этапе его развития. Таким противоречием в переходный период, да и в социализме как первой фазе коммунистической формации, является, на наш взгляд, противоречие между централизмом, воплощающемся в партийно-государственном аппарате, и демократией, проявляющейся в самостоятельности трудящихся масс. Уже в переходный период борьба идет не только между рождающимся социализмом и умирающим капитализмом, согласно известной формуле Ленина "кто - кого?", она идет и внутри самого социализма - между государственно-централизаторской и самоуправленческо-демок-

---

32 *Lowy A.G. Die Weltgeschichte... S. 286.*

33 *Ibid. S. 222.*

34 *См.: Nové A. The economics of feasible socialism. L., 1983.*

35 *Bukharin tra rivoluzione e riforme. P. 38.*

36 *Haynes M. Nikolai Bukharin and the transition from capitalism to socialism. P. 115.*

ратической тенденцией. И здесь уже такая простая формула не годится, ибо необходимо и то, и другое, но их соотношение должно меняться. Мы знаем, как, согласно марксистской теории, оно должно было меняться - в сторону отмирания государства. Но такой результат развития изначально не гарантирован, как и вообще не бывает гарантирован тот или иной способ разрешения противоречий. Получилось, как мы опять - таки знаем, нечто противоположное: государственно-централизаторская тенденция полностью подчинила себе тенденцию демократическую, оставив ей лишь сферу идеологии. И решающими здесь явились два процесса: насильственная коллективизация и форсированная индустриализация. Но именно против этих двух процессов и выступил Бухарин, причем выступил с достаточно ясным осознанием опасности тотального государственствления, к которому эти процессы могут привести. Вот это, на наш взгляд, и дает ему право считаться главным представителем антисталинской альтернативы, т.е. той демократической тенденции, которая в России потерпела поражение не в силу какой-то фаталистической предопределенности, а в силу сложившихся конкретных обстоятельств, а в других условиях может и победить.

Историю борьбы в социализме двух тенденций - централизаторской и демократической - можно было бы продолжить назад, в XIX век, и вперед, в историю современного социалистического и коммунистического движения, но это увело бы нас далеко от темы. Нам остается ответить на еще один вопрос: как согласуется бухаринская альтернатива с его собственно философскими разработками в сфере диалектического и исторического материализма. Здесь нашим главным предметом станет работа Бухарина "Теория исторического материализма"(1921) и ее обсуждение в современной западной литературе.

"Теория исторического материализма", имеющая подзаголовок "Популярный учебник марксистской социологии", была одной из первых попыток систематического изложения марксистского учения об обществе. Причем систематического не просто в смысле последовательного, логического изложения, а в смысле применения системного подхода (заимствованного в значительной степени у А.А.Богданова): общество рассматривалось как целостная система в ряду других систем, имеющая с ними общие закономерности и в то же время чем-то отличающаяся от них.

Важнейшей общей закономерностью Бухарин (опять-таки вслед за Богдановым) считал стремление систем к равновесию, под которым понималась, с одной стороны, прилаженность, пропорциональность, соответствие частей системы друг другу, а с

другой - соответствие системы окружающей ее внешней среде. Нарушенное равновесие (внутреннее или внешнее) восстанавливается или на прежнем уровне, и тогда речь идет об устойчивом равновесии, или же на каком-то новом уровне, который может быть выше или ниже прежнего, и тогда речь идет о подвижном равновесии - в первом случае со знаком плюс, т.е. система, поднимаясь на более высокий уровень, прогрессирует, а во втором - со знаком минус, т.е. система, опускаясь на более низкий уровень, деградирует.

Общество - это открытая развивающаяся система, обменивающаяся материей и энергией с внешней средой - природой - и, следовательно, находящаяся в подвижном равновесии. "Оно устанавливается и тотчас нарушается, вновь устанавливается на новой основе и снова нарушается и т.д."³⁷. Общество прогрессирует, когда обмен с природой осуществляется в его пользу - оно как бы "всасывает" энергию, накопленную в природе. Этот "неэквивалентный" обмен, идущий через нарушение и восстановление равновесия между обществом и природой, есть ничто иное, как развитие производительных сил, лежащее в основе развития общества в целом. Новые производительные силы, согласно известной марксистской формуле, вступают в противоречие с существующими производственными отношениями, или, говоря словами Бухарина, между ними нарушается равновесие, которое должно быть восстановлено на новом уровне. И то же самое относится к соотношению базиса и надстройки.

Таким образом, с помощью некоторых общенаучных категорий, таких, как причинность, системность, равновесие и др., Бухарин стремится, с одной стороны, подкрепить собственно материалистическую сторону исторического материализма (первичность экономики, производства, производительных сил), а с другой - прояснить и конкретизировать его диалектическую сторону (развитие общества через возникновение противоречий и их разрешение). Понятие равновесия в смысле соответствия, приложенности, пропорциональности логически первично по отношению к понятию противоречия, ибо если нет равновесия как необходимой взаимообусловленности сторон, между ними не может быть и противоречия - они просто будут безразличны друг к другу. Противоречие - это нарушение закона равновесия внутри и вне системы. В то же время, понятие равновесия, переведенное из состояния молчаливо подразумеваемого в собственно теоретическое состояние, несколько смещает акценты. Внимание мар-

---

³⁷ Бухарин Н. Теория исторического материализма. М., 1921. С. 76.

ксистов, односторонне устремленное на борьбу противоположностей, конфликты, качественные скачки, привлекается также к фактам, говорящим об относительной устойчивости, целостности, внутренней связанности общества и, следовательно, к анализу соответствующих механизмов.

Переходя теперь к откликам на "Теорию исторического материализма", отметим, что как раз такое смещение акцентов, хотя оно и было весьма относительным, вызвало "праведный гнев" первых советских рецензентов книги Бухарина. В "теории равновесия" они усмотрели отход от диалектики - тенденцию к сокрытию противоречий, к отрицанию революций и даже развития как такового. Впоследствии, подобного рода обвинения были использованы Сталиным, когда выступив против "правого уклона", возглавляемого Бухариным, он представил "прокулацкое" сопротивление сплошной коллективизации как прямо вытекающее из "теории равновесия" ("равновесие" между частным и общественным сектором, развивающимися на параллельных линиях вопреки противоречию между ними).

Здесь, в свете происшедшей переоценки нашей истории, может возникнуть искушение перевернуть эту критику и, признав правоту Бухарина, признать и правильность философского обоснования его позиции исходя из "теории равновесия". Однако так просто вопрос не решается. Не говоря уже о том, что сам Бухарин обосновывал свою политическую позицию вовсе не философскими аргументами "теории равновесия", из такой общей теории вообще нельзя вывести конкретные политические решения. Недаром Сталину пришлось совершить передержку, приписав Бухарину идею о "параллельных линиях", которой у него вовсе не было. И все же какая - то связь между философскими и политическими позициями должна, по-видимому, существовать. Посмотрим, как этот вопрос решается западными исследователями, специально занимавшимися философскими взглядами Бухарина.

Этих исследователей можно разделить на две группы. Одни, более критично настроенные по отношению к Бухарину, обращают основное внимание на то, что роднит его взгляды со взглядами других советских философов вплоть до Сталина. Другие же, настроенные весьма положительно, интересуются тем, что его отличает, и прежде всего "теорией равновесия".

Критика философских взглядов Бухарина, перерастающая в критику всего советского "диамата" и "истмата" (так на Западе стали называть специфически советскую версию диалектического и исторического материализма), началась еще в 20-е годы - в ра-

ботах Лукача, Фогараша, Корша, а затем в "Тюремных тетрадах" Грамши, опубликованных после второй мировой войны. Лейтмотив этой критики таков: главный недостаток философской позиции Бухарина - это объективизм, механицизм, экономический детерминизм, являющиеся следствием переноса на общество натуралистической парадигмы естественных наук и возвращающие марксистскую философию к домарксистскому созерцательному материализму³⁸. Аналогичная критика была направлена против ведущих теоретиков Второго Интернационала, а в ряде случаев и против Энгельса. Позже она была распространена и на весь советский и восточноевропейский марксизм, которому была противопоставлена другая философская традиция, получившая название "западный марксизм".

Не имея возможности анализировать здесь большую и сложную историю противостояния этих двух традиций в марксизме, мы ограничимся лишь некоторыми замечаниями. Любопытный момент: ни Лукач, ни Грамши, ни продолжающие их остро-критическую линию современные западные исследователи не критикуют "теорию равновесия" Бухарина, которая в СССР на протяжении нескольких десятков лет клеймилась как философское средоточие всех его "пороков" и прежде всего антидиалектичности и механистичности. Как правило, эти исследователи не касаются и вопроса о "бухаринской альтернативе". Если же они его мельком затрагивают, как это делает, например, М.Тэлло, то говорят о ее несоответствии "механистической и объективистской установке", которая присутствует в "Теории исторического материализма" и которая "блокирует в корне самую возможность альтернативных политических решений"³⁹. Правда, у этого автора есть намек и на другую интерпретацию: наличие у Бухарина, наряду с явно выраженной философской позицией, некоторой другой философии, неявно присутствующей в его политических работах⁴⁰. Но этот намек остается намеком.

Переходя ко второй группе исследователей, мы встречаемся с уже знакомыми именами - С.Козн, А.Майер, К.Тарбак, к которым надо добавить еще Уве Штера, автора книги "От капитализма к коммунизму: вклад Бухарина в развитие социалистичес-

---

³⁸ См: Лукач Г. Н. Бухарин. Теория исторического материализма: Общедоступ. учеб. маркс. социол. // Шевченко Е.Н. Н.Бухарин как теоретик исторического материализма. М., 1990; Грамши А. Тюремные тетради. Ч. 1. М., 1991. С. 149-201; а также: Грецкий М.Н. Бухарин и Грамши // Филос. науки. 1989. N 7.

³⁹ Storia del marxismo. P. 690.

⁴⁰ Ibid. P. 662.

кой теории и общества" (Дюссельдорф, 1973). Эти исследователи, делающие акцент на том специфическом, оригинальном, что есть у Бухарина, совсем по-другому оценивают "Теорию исторического материализма". Так, С.Козн выражает даже удивление по поводу того, что в этой работе находили "жесткий экономический детерминизм". Ведь "Бухарин всемерно пытался устранить этот тезис и понятие монистической причинности из марксизма"; его "книга полна примеров всяческих "если" в истории, примеров, когда различные исторические события в вероятностной форме зависят от разнообразных факторов, и показывает общий многопричинный характер всякого изменения"⁴¹. Особую заслугу Бухарина С.Козн видит в разработке им концепции надстройки, в выявлении ее различных компонентов, в показе ее собственной динамики и функциональной роли в обществе. В целом положительно оценивает С.Козн и "теорию равновесия". Он не согласен с теми критиками Бухарина, которые считают эту теорию простым заимствованием у Богданова. Конечно, есть интеллектуальное родство между этими двумя теоретиками, но "общепринятое мнение, что Бухарин был последователем Богданова, нельзя брать на веру"⁴². Полезнее, считает С.Козн, напомнить, что в начале 1890-х гг. модели равновесия перешли из физики и биологии в общественные науки, да и сегодня "теория равновесия составляет важную часть западной социологической и экономической мысли"⁴³. А то, что Бухарин проявлял определенную восприимчивость к современным немарксистским течениям, это опять-таки, согласно С.Козну, его преимущество по сравнению со многими другими марксистами.

"Теория равновесия - теория диалектики", - так озаглавил один из разделов своей вышеупомянутой книги У.Штер⁴⁴. Poleмизируя с теми авторами, которые видят в понятии равновесия утверждение стабильности, противостоящей диалектическому движению, он подчеркивает, что исследование условий равновесия дает прежде всего исходные пункты для концептуального осмысления социальных изменений, наподобие некоей системы координат. Если противоречие - это условие развития, то равновесие - условие существования системы. Эти условия взаимосвя-

---

41 Козн С. Бухарин. С. 142.

42 Там же. С. 151.

43 Там же.

44 *Stehr U. Vom Kapitalismus zum Kommunismus: Bucharin's Beitrag zur Entwicklung einer sozialistischen Theorie und Gesellschaft. Dusseldorf, 1973. S. 18.*

заны. "Они образуют две стороны одной и той же вещи"⁴⁵. Теория равновесия, тождественная теории диалектики, служит д. р. Бухарина методологической основой. А на этой основе им разрабатывались теория империализма, теория революции и теория преобразования общества, которым в книги У.Штера посвящены отдельные главы. Бухарин конкретизировал учение Маркса, делает вывод У.Штер.

Самый обстоятельный анализ теории равновесия представлен в книге К.Тарбака "Бухаринская теория равновесия" (Лондон, 1989), имеющий подзаголовок "Защита истории"ского материализма". Автор стремится доказать, что теория равновесия и исторический материализм органически взаимосвязаны. При этом исторический материализм он рассматривает прежде всего как "метод синтетического схватывания политики, экономики и истории как многогранного целого", метод, позволяющий проникнуть вглубь социальных явлений и "вскрыть их существенные качества"⁴⁶. Как и У.Штер (но, по-видимому, не зная его работы), К.Тарбак настаивает на органическом единстве теории равновесия и диалектики. Он подчеркивает неразделимость противоречия и равновесия, и не только потому, что равновесие относительно и подвижно, а и потому, что "равновесие может существовать только там, где существуют противоположные силы или тенденции, находящиеся в противоречии."⁴⁷

Тарбак защищает Бухарина от критики со стороны Лукача, Грамши, Веттера и др. Эта философская полемика представляет немалый интерес и можно только пожалеть, что у нас нет возможности воспроизвести ее здесь целиком. Отметим лишь некоторые моменты. Автор подчеркивает отличие социального детерминизма от фатализма (последний отрицает человеческую волю как фактор развития). Он отвергает обвинения Бухарина в технологическом детерминизме, поскольку техника у него зависит от социального контекста и вообще речь идет не столько о технике как таковой, сколько о техническом разделении труда, т.е. об отношениях между людьми. Он не согласен и с распространенным представлением о "механицизме" Бухарина: неверно считать, что у Бухарина движение объясняется чисто внешними воздействиями и, в частности, внешним противоречием между природой и обществом. Дело в том, что, как говорит Бухарин, все находится в движении и объяснять надо скорее не движение, а относительный

---

⁴⁵ Ibid. S. 20.

⁴⁶ Tarbuck K. Bukharin's theory of equilibrium. P. 11.

⁴⁷ Ibid. P. 18.

покой, равновесие и не искать какой-то "перводвигатель", как это делает, например, Густав Веттер.

От общих философско-методологических соображений автор переходит к применению теории равновесия в политэкономии. Рассматривая концепции экономического роста, он сопоставляет теоретические разработки Бухарина с марксовыми схемами воспроизводства 2 тома "Капитала", с теорией накопления капитала, выдвинутой Розой Люксембург, с рядом современных теорий роста. "Воспроизводство в экономике - это процесс равновесия", - заявляет Тарбак (имея в виду равновесие между воспроизводством средств производства и средств потребления и другие необходимые пропорции)⁴⁸. Бухаринская теория равновесия здесь успешно работает. Она дает также полезные (хотя и недостаточные, с точки зрения автора) результаты в объяснении экономических кризисов капитализма. Наконец, она, считает Тарбак, вдохновляла Бухарина, когда он в споре с "левой оппозицией", а затем со Сталиным выступал за сбалансированный и пропорциональный рост советской экономики и противопоставлял оптимальные темпы развития максимальным. Заключение автора таково: как инструмент социального анализа бухаринская теория равновесия "выдержала проверку временем, она дает чрезвычайно полезный и действенный метод"⁴⁹.

И теперь последний вопрос: как соотносятся эти философские разработки с "бухаринской альтернативой" сталинизму? Стивен Коэн высказывается довольно осторожно. Он прежде всего - и вполне справедливо - отвергает ту непосредственную связь между философией и политикой, которая так легко устанавливалась советскими философами в 20-е и последующие годы. Что же касается теории равновесия, то он считает трудным определить, насколько она являлась для Бухарина исходным пунктом, когда он рассматривал конкретные социальные проблемы. Во всяком случае, "макросоциологическое применение теории равновесия в "Теории исторического материализма" надо отличать от приверженности Бухарина к "подвижному экономическому равновесию" во время разногласий относительно планирования в конце 20-х гг. Эта более специальная, хотя и родственная аргументация, свидетельствует только о его убеждении в необходимости сбалансированного пропорционального развития экономики, что было прямо противоположно произвольно намеченным

---

⁴⁸ Tarbuck K. Bukharin's theory of equilibrium. P. 54.

⁴⁹ Ibid. P. 168.

"скачком" и диспропорциям, заложенным в первом сталинском плане⁵⁰.

Несколько более определенно высказывается Альфред Майер. Он говорит о "созвучности" философских взглядов Бухарина и его политических позиций, о том, что подчеркивание согласия, равновесия, а не конфликта "легче согласуется с философией и политикой НЭПа"⁵¹.

Наконец, Кеннет Тарбак, говоря о применении теории равновесия, определяет ее как метод, как инструмент социального анализа, позволяющий получать полезные результаты. Этот метод он предлагает использовать для решения проблем индустриализации и модернизации стран "третьего мира". Считая неудовлетворительным применение в одних из этих стран модели сталинской командной экономики, а в других - капиталистического свободного предпринимательства, он заявляет, что тут "есть потребность в разработке "третьего пути", социалистического пути, и бухаринские идеи, если их как следует применить, могут сыграть серьезную роль в этом деле"⁵². Таков современный поворот "бухаринской альтернативы".

Нужны ли какие-либо заключительные выводы? В отношении альтернативы свой вывод мы уже сделали. Что же касается ее философского обоснования, то, вероятно, оно могло бы исходить из разных философских посылок, но из имеющихся: в тот момент трактовок марксизма вряд ли можно было бы найти что-нибудь более подходящее, более "созвучное", чем бухаринская трактовка.

---

50 Казн С. Бухарин. С. 153.

51 Meyer A. Introduction. P. 6a.

52 Tarbuck K. Bukharin's theory of equilibrium. P.5.

Социальная философия В.Чернова

Виктор Чернов - крупнейший и, пожалуй, наиболее яркий представитель позднего народничества в России. Его фигура и исторически, и логически замыкает тот ряд, который в свое время открывался именем А.И.Герцена и через Д.И.Писарева, Н.Г.Чернышевского, "семидесятников" шел к Н.К.Михайловскому. Унаследовав мировоззренческие заветы русского народничества и одновременно критически восприняв духовные традиции западноевропейского социализма, Чернов в результате синтезировал своеобразную концепцию, на примере России специально трактовавшую о путях трансформации старого мирового порядка в "социалистический элизиум".

Как ее создатель Чернов, собственно, и вошел в энциклопедию отечественной мысли. Он был одним из первых, кто осознал потребность и осуществил задачу предметной разработки теории социализации (в России аналогичную проблематику описывали еще только А.А.Богданов и отчасти Н.И.Бухарин, в Европе - О.Бауэр). Большинство работ Чернова по философии, социологии, экономике, которыми он занимался много и плодотворно, фактически служило той же конечной цели, так что его концепция получила достаточно разностороннее обоснование. К тому же, рефлексия Чернова по поводу феноменологии трансформационной эпохи оказала немалое влияние на дальнейшее развитие социалистической доктрины, в особенности - на ортодоксию народнического толка.

Принимая все это во внимание, известный историк-меньшевик Б.Николаевский считал возможным написать, что Чернов "...занял свое особое, - и весьма значительное место и в истории русского народничества, и в общей истории российской общественно-политической мысли, и в большой истории России XIX-XX веков". И дальше: он "наложил ... настолько сильную печать своей индивидуальности на всю идеологию народничества начала

XX века, что весь этот период в истории последнего вообще следует называть "черновским"¹.

Подобное отношение к теоретическому наследию Чернова непривычно. Все послеоктябрьские десятилетия официально заверенные отзывы о Чернове-мыслителе колебались в другом, довольно узком и давно заданном партийной борьбой диапазоне: от снисходительных оценок его в качестве "сахарного сладкопевца" и "вульгарного социалиста" до таких уничижительных характеристик, как "идеолог мещанства", "эпигон старой революционной интеллигенции", глашатай "претенциозного вздора", полного "невсжества", "безграмотности" и "беспредельной неряшливости".

Теперь уже ясно, что изображать Чернова "мумией социального фразерства" или "бывшим человеком"², значило не только сильно упрощать картину, но и грешить против истины. Чернов был талантливее, самобытнее, значительнее, чем писали о нем его политические оппоненты. Он, наконец, современнее иных своих идейных упразднителей (хотя на роль "пророка в своем отечестве" Чернов тоже не годится).

Чем, в этой связи, интересна концепция Чернова сегодня? Здесь можно подчеркнуть по меньшей мере три обстоятельства.

Первое. Выше уже отмечалось, что именно на Чернове обрвалась культурно-историческая эволюция русского народничества. Помимо своей воли он оказался "последним из могикан". А раз так, "конструктивный" опыт Чернова обретает в наших глазах дополнительную нагрузку, связанную с переосмыслением народнической традиции в целом. С одной стороны, в отсутствие "черновского" периода, народничество неизбежно выступает усеченным, частичным, лишенным целостности. Его анализ утрачивает системность, его "телеология" остается непонятной, а семантика приблизительной. С другой стороны, если справедливо утверждение, согласно которому ключом к анатомии обезьяны является анатомия человека, то знание новонароднической литературы XX века позволяет взглянуть на народническую "патристику" прошлого столетия с какой-то новой точки зрения. В свете творческих опытов Чернова, например, не такой уж безнадежной выглядит организационно-хозяйственная направленность либерального народничества или его духовно-нравственная подоплека.

---

1 Николаевский Б., Чернов В.М. // Чернов В.М. Перед бурей. Нью-Йорк, 1953. С. 5-6, 9.

2 Эти и приведенные выше оценки извлечены из работ Ленина В.И., Троцкого Л.Д., Луначарского А.В.

Второе. Важнейшей проблемой исторической науки до сих пор остается исследование возможных альтернатив (в том числе концептуальных) пред- и пореволюционного развития России. Мы хорошо осведомлены о программе модернизации страны, представленной большевизмом, и куда хуже - о соответствующих платформах его политических конкурентов (хотя бы из числа социалистов). В чем состояла суть антикризисных манифестов социал-демократов-меньшевиков или социалистов-революционеров? Насколько все они были непротиворечивы? Можно ли было на их основе выработать какую-нибудь общую надпартийную философию действия, организационно оформленную в "едином социалистическом фронте"? Без обращения к поздненародническому видению судеб России ответить на все эти вопросы просто нельзя.

И третье - по порядку, но не по значимости. "Конструктивный социализм" Чернова самоценен безотносительно к его связи с народническим мирознанием вообще или его месту среди проектов постмонархического устройства России. Бесспорно, что многое из написанного Черновым уже потеряло свою остроту, выглядит в наши дни старомодным, а то и заведомо неприемлемым. Но также несомненно и другое: в его книгах, статьях и философско-исторической публицистике сохранилось немало страниц, до сих пор заслуживающих самого внимательного прочтения. Чернов сейчас по-настоящему "актуален", - может быть потому, что эйдос современной эпохи, с ее катастрофическими предчувствованиями, колоссальным энергетическим потенциалом отталкивания от прошлого и обновленческим замыслом, сходни мессианскому духу начала XX века, а так волновавшие тогда интеллигенцию роковые вопросы "путей России" (Восток-Запад, свобода-рабство, традиция-деструкция) не решены до конца и поныне. Увидеть проблему с исторической и притом сугубо народнической точки зрения, т.е. сквозь призму черновской концепции, сегодня и интересно, и поучительно.

Биографические сведения³. Виктор Михайлович Чернов (наиболее известный псевдоним - Ю.Гардени; также - Я.Вечев, Обозреватель и др.) родился 19 ноября 1876 г. в Заволжье, в заштатном Новоузенске Самарской губ. Дед его по отцовской линии, крепостной крестьянин, выйдя из волю, решил избавить сына от тягот мужицкой доли и отдал в уездное четырехклассное училище. Окончив курс, отец Чернова начал службу младшим

---

³ Основываются на посмертно изданных мемуарах Чернова В. Перед бурей. Нью-Йорк, 1953.

помощником писаря уездного казначейства, а к сорока годам стал "самим" уездным казначеем. На этой должности он впоследствии удостоился ордена св.Владимира, дававшего личное дворянство, и звания коллежского советника, при отставке превращавшегося в "статского".

Мать Чернова, родом из дворянской семьи Булатовых, умерла, когда ему было около года, и вскоре отец снова женился. Чернову пришлось на собственном опыте узнать, что из себя представляет "современный, классический тип мачехи сумрачных русских песен и сказок".

Не слишком благополучное детство Чернова со временем сформировало у него ярко выраженный "протестантский" характер и соответствующую систему ценностных ориентаций. Я сам рос постоянно "унижаемым и оскорбляемым", и меня так естественно тянуло ко всем "униженным и оскорбленным", - писал Чернов, - это был мой мир, и я вместе с ним противопоставлял себя "царящей неправде"⁴.

Вступив в пору сознательной жизни, Чернов начинает искать мировоззренческие объяснения "русской болезни" и находит его в народнической литературе - у А.Н. Энгельгардта, Н.А. Добролюбова, Н.В. Шелгунова и, конечно, у Н.К. Михайловского - "властителя дум" демократической молодежи 70-х - начала 80-х г.г. Диагноз поставлен: корень всех бед - закрепощение народа государственной властью, выход - на путях последовательного исполнения закона, заложенного в самом народе, в его традициях и укладе, в его правосознании. "Народ" был в это время нашей религией", - говорил позднее Чернов о себе и своих товарищах.⁵ Ко времени окончания гимназии и поступления на юридический факультет Московского университета (1893 г.) Чернов раз и навсегда самоопределяется в качестве народника.

В университете Чернов продолжает штудировать "отцов-основателей" народничества, но на народничестве уже не замыкается. Как и многие его сверстники, он обращается к изучению входит в те годы в моду марксизма. "Мы, не марксисты, прилежнее всего занимались тогда именно Марксом. Мы считали тогда "вопросом чести" знать Маркса лучше, чем его сторонники. Это порою превращалось у нас в какой-то спорт"⁶.

Хотя сильного впечатления марксизм на Чернова и не произвел, этот первый значительный опыт знакомства с "иной верой" сыграл в его творческой судьбе чрезвычайно важную роль.

⁴ Чернов В.М. Перед бурей. Нью-Йорк, 1953. С.39.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Изучение марксизма приводит Чернова к знаменательному выводу, что политика теоретической самодостаточности, которой нередко грешило прежнее народничество, исторически бесперспективна. Он остро осознает потребность обогащения народничества культурными завоеваниями европейской цивилизации и на всю оставшуюся жизнь открывается для диалога, полемики, контакта - с неокантианством, синдикализмом, махизмом и т.д.

Весной 1894 года, т.е. спустя всего полгода после поступления в университет, Чернова арестовывают за революционную деятельность в народовольческом кружке. Проведя в тюрьме около 9 месяцев и подпав под "коронационный манифест", он получает 3 года "гласного надзора" полиции, которые и отбывает в Тамбове. Там Чернов ведет активную организационную работу в крестьянском движении, а по окончании срока уезжает за границу - с желанием "погрузиться целиком" в происходившую на Западе борьбу идей, "впитать в себя и переработать все "последние слова" мировой социалистической - да и общепhilософской - мысли"⁷.

Однако целью "философского довооружения", определения своего философского кредо пребывание Чернова за границей не ограничилось. Не менее важной задачей он считал обсуждение в эмигрантских кругах противоречий и перспектив аграрной революции, которая, по мнению Чернова, к концу XIX века уже назрела в России.

В выработанном еще в России политическом плане Чернов и его товарищи по тамбовскому эсеровскому кружку настаивали на следующем алгоритме революции. От сольной "запевки" революционеров-террористов - к "хору" массового народного движения, сразу перелождающегося в прямое восстание; от почина революционной интеллигенции - к авангардной роли рабочих и подавляющей силе крестьянства, устраивающего общество по своему образу и подобию; от союза с либералами на основе принципа "врозь идти, вместе бить" - к конфронтации с ними после победы над самодержавием.

Характерная черта этой концепции - ориентация на "желябовскую", а не "тихомировскую" версию революции. Крупнейший земледелец и народоволец, Л.Тихомиров противопоставлял революционно-демократической программе действий, обычно связывавшейся с именем А.Желябова, свое -якобинско-бланкистское - понимание хода освободительного движения.

"Тихомировщину" Чернов полностью отвергал, стремясь даже не к возрождению желябовского взгляда на революцию, а к

---

⁷ Чернов В.М. Перед бурей. С. 100.

его еще большей демократизации. Опора на "плебейски-трудовую" (крестьянскую и пролетарскую) массовую силу и культурную либерально-демократическую общественность, отказ от замыкания в подполье для подготовки заговора и захвата власти, последовательное развертывание борьбы на открытой политической арене и т.д. стали с тех пор фундаментом революционной концепции Чернова.

Этими своими рассуждениями о революции Чернов делится за границей с Г.В.Плехановым и П.Б.Аксельродом, но общего языка с ними по ряду принципиальных вопросов (в частности, аграрному) не находит. Зато он устанавливает тесные связи с другими известными деятелями российской эмиграции (С.Раппопортом, Л.Шишко, Е.Лазаревым и др.) и с их помощью организует так называемую "Аграрно-социалистическую Лигу", специализировавшуюся главным образом по издательской части. Помимо организационной, пропагандистской деятельности, Чернов ведет интенсивную теоретическую работу, причем его статьи (например, в "Русском Богатстве" - о философских корнях субъективной социологии или об особенностях индустриально-капиталистической и аграрно-трудовой эволюции) имеют большой успех. Все это делает Чернову имя, и в революцию 1905 г. он входит уже известной - если не ключевой - фигурой народнического лагеря.

В 1905-1907 гг. Чернов - горячий приверженец "священного права всякого народа на революцию", антиэволюционист и антиреформист, сторонник "боевого социализма". Вместе с тем, он продолжает отстаивать стратегию единого демократического фронта в борьбе против самодержавия и даже выступает инициативным участником "Парижского совещания" 1905 года, на котором М.А.Натансон, И.А.Рубанович и В.Чернов договорились с П.Б.Струве, П.Долгоруковым и П.Н.Милюковым о принципах коалиции.

В эти же годы Чернов занимается философско-историческим, культурологическим обеспечением эсеровской стратегии в революции - и именно его проект партийной программы принимает с некоторыми уточнениями I съезд партии социалистов-революционеров (1906 г.). Один из патриархов народнической эмиграции, И.А.Рубанович, называет Чернова "молодым гигантом".

С началом первой мировой войны Чернов развивает ту мысль, что "... эта война будет величайшей катастрофой для социализма, для демократии и вообще для всей европейской цивилизации; что она не может быть "нашей" войной, что она нам - чу-

жая; что просто встать за "тех" или "других" из двух воюющих лагерей для нас, как социалистов, было бы идейным и моральным самоубийством; что мы должны плыть против течения и звать охваченных массовым военным психозом "опаматоваться"⁸. С позиций интернационализма и "циммервальдизма" Чернов призывает связать разорванные нити международной солидарности и выступает за возрождение самосознания рабочего класса, мир без аннексий и контрибуций и т.д.

После Февральской революции 1917 года Чернов возвращается из эмиграции на родину. В России он занимает ряд крупных государственных постов (сначала - тов. Председателя Петроградского, а позднее - Всероссийского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов), а в политическом отношении поддерживает Временное Правительство. Он разделяет также все основные установки "революционного оборончества": борьбу за демократический мир, против сепаратных переговоров, за осуществление права наций на самоопределение и т.д.

В апреле-мае 1917 г. партия социалистов-революционеров (ПСР) делегирует своих представителей в коалиционное Временное Правительство и Чернов входит в него в качестве министра земледелия. Он разрабатывает детальный план проведения аграрной реформы, переводящей все сельское хозяйство страны на рельсы трудового крестьянского землепользования, но ни его, ни поддерживавшийся Черновым проект "смешанной экономики" (комбинация государственной монополии, трестированных отраслей промышленности и частной инициативы) Временное Правительство осуществить так и не успевает.

Тем временем в понимании Черновым судеб российской революции происходят существенные сдвиги. Из опыта развития революции весной-летом 1917 г. он выносит заключение, согласно которому дальнейшее сотрудничество партий трудовой демократии (социалистов-революционеров и социал-демократов) с партией либеральной буржуазии ведет к их окончательной дискредитации в массах. "С этой точки зрения, - доказывал Чернов, - необходимо было признать коалиционную власть пережитым этапом революции и перейти к более однородной власти, с твердой крестьянско-рабочей, федералистской и пацифистской программой ..."⁹

Однако эта новая ("лево-центристская") ориентация Чернова поддержки в руководстве ПСР не нашла и начиная с сентября

---

⁸ Чернов В.М. Перед бурей. С. 304.

⁹ Там же. С. 338.

1917 г. он систематически отходит от участия в работе эсеровского ЦК. Признания партией правильности своего курса ему удастся добиться только после Октября, так сказать апостериори, но время для исправления ошибок и политической реабилитации эсерства было уже безвозвратно упущено. Сенсационная победа эсеров на выборах в Учредительное Собрание и избрание его Председателем, т.е. фактическим главой государства, Виктора Чернова, пришли, как оказалось, слишком поздно.

В период гражданской войны Чернов борется "на два фронта", - т.е. против красной и белой диктатур. Без решимости на это, - настойчиво подчеркивает он, - партия может только бесславно капитулировать перед одной из диктатур и свестись на нет: диктатура ее использует и выбросит за борт, как выжатый лимон"¹⁰. Сначала на так называемом "фронте Учредительного Собрания", а затем на подпольной работе в Москве, Чернов энергично пытается организовать дееспособную "третью силу" трудовой демократии, но ожидаемого результата не достигает. Вскоре он убеждается в том, что большую пользу стране принесет из-за границы и в 1920 г. нелегально покидает Россию. Началась очередная, на этот раз последняя, эмиграция Чернова.

За рубежом (Эстония, Германия, Чехословакия) Чернов воссоздает "Революционную Россию" - когда-то, в 1902-05 гг., центральную газету ПСР - и становится ее фактическим редактором. В своих книгах, статьях, лекциях, с которыми он объезжает Европу, Чернов последовательно проводит прежнюю, "лево-центристскую", линию борьбы "на два фронта". Политической мишенью для Чернова остается не только большевизм во всех его духовно-практических ипостасях, но и любые умственные течения или организации, которые находились справа, в его понимании, от подлинной демократии. Не говоря уж об отъявленных, "густопсовых" реакционерах монархистского толка, Чернов выступает против умеренных буржуазных либералов левокадетской интенции и даже - против "отпавших" социалистов. В разряд последних Чернов относил как "правых" социал-демократов (типа П.А.Гарви, позже - А.Н.Потресова и т.д., так и "правых" социалистов-революционеров (вроде А.Керенского, Н.Авксентьева, В.Руднева). К середине - концу 20-х гг. Чернов и небольшая группа его единомышленников оказались едва ли не крайними радикалами во всей социалистической диаспоре.

Демократ до мозга костей, непримиримый противник всякого тоталитаризма, Чернов играет активную роль в борьбе с на-

---

¹⁰ Чернов В.М. Перед бурей. С. 379.

цизмом, этой, по его словам, "жесточайшей моральной эпидемией" XX в.: сначала в качестве идеолога антифашистской политики, а в годы II мировой войны - участника Французского Движения Сопротивления.

По окончании войны Чернов переезжает в Америку, куда стягиваются остатки социалистической эмиграции. В меру своих сил он продолжает теоретическую и публицистическую работу (его статьи появляются в "Новом Журнале", "Социалистическом Бестнике" и некоторых других изданиях), готовит книгу воспоминаний. Скончался В.Чернов в Нью-Йорке 15 апреля 1952 г.

После себя Чернов оставил богатое и, если можно сказать, осязаемое литературное наследство. Назовем лишь некоторые его работы: Очередной вопрос революционного дела (Лондон, 1900); К.Маркс и Ф.Энгельс о крестьянстве. Историко-критический очерк (Б.м., 1905); Философские и социологические этюды (М.1907); Социалистические этюды (М.1908); Интернационал и война. Сб.ст. (Женева, 1915); Записки социалиста-революционера. Кн.1, (Берлин-М-Пг., 1922); Конструктивный социализм. Т.1 (Прага, 1925); Рождение революционной России (Париж-Прага-Нью-Йорк, 1934); Перед бурей (Нью-Йорк, 1953).

О самом Чернове написано несправедливо мало. Кроме уже упоминавшегося очерка Николаевского отметим его же публикацию "Чернов как идеолог"¹¹, а также воспоминания И.Церетели¹². Любопытна и книга падчерицы Чернова о нелегальной работе в Москве в 1919-20 гг.¹³.

* * *

20-е годы - период наиболее плодотворной теоретической деятельности Чернова, его акмэ. На протяжении всего этого времени не выходит практически ни одного номера "Революционной России", где бы Чернов не поместил своей работы, а то и двух-трех сразу. Первоначально, пока спор с "полиявшими" социалистами не принял окончательной формы тотального размежевания, он регулярно участвовал также в других эсеровских изданиях (преимущественно в "Воле России") и т.д.

---

¹¹ На рубеже. Париж, 1952. N 3/4.

¹² Церетели И.Г. Российское крестьянство и В.М.Чернов в 1917 г. // Новый Журнал. 1952. Кн. XXIX.

¹³ Chernov-Andreev O. Cold spring in Russia. Ann Arbor, 1978.

В середине 20-х годов, когда счет его статей, заметок, откликов и т.д., написанных в эмиграции, приблизился едва ли не к сотне, Чернов решает собрать наиболее значимые для него вещи воедино. Он перерабатывает порядка двадцати важнейших статей, опубликованных раньше "Революционной Россией" в разделе "программные вопросы", и в 1925 г. выпускает их под общим заголовком "Конструктивный социализм". А важнейшей целью своего труда Чернов определяет разработку программы демократического переустройства в России на началах социализма. "Конструктивный социализм" - книга для Чернова этапная, а в литературном отношении, пожалуй, и самая интересная; центральные положения его историко-социологической концепции выражены здесь наиболее живо, убедительно и рельефно.

Отправные позиции: три болевые точки марксизма

В своей работе Чернов исходил из того, что период конца XIX-начала XX веков стал для мировой цивилизации рубежом двух эпох. Остался в прошлом классический капитализм свободного предпринимательства, началась и закончилась империалистическая война, пробудился от тысячелетней спячки колониальный Восток; произошли поистине драматические события в России и Европе... В общем, после эпохи относительной стабильности настала очередь эпохи "бури и натиска".

Мир решительно переменился, а значит - пришла пора коренной ревизии старых догматов. На смену обветшалым доктринам предыдущей эпохи должна прийти новая система концептуальных координат и, главное, такая методология социального преобразования, которую можно было бы по праву назвать руководством к революционному действию. Старый социализм должен во что бы то ни стало омолодиться, т.е. найти конструктивный ответ на исторический вызов¹⁴.

---

¹⁴ Подобного умонастроения придерживались тогда (в той или иной форме) многие социалисты. Бухарин, например, в своей "Экономике переходного периода" неоднократно задавался вопросом: "...годятся или не годятся те методологические приемы и те "мыслительные категории", которые употреблялись Марксом по отношению к капиталистическому обществу, годятся ли они теперь, в эпоху ломки капитализма и закладывания нового общественного фундамента"? (Бухарин Н.И. Проблемы: теории и практики социализма. М., 1989. С. 150). А лидер меньшевиков Л.Мартов прямо подчеркивал: "состояние мира сейчас настолько исключительно, настолько не укладывается в наши привычные схемы марксистского анализа, что выведе-

Говоря о "старом социализме", "обветшалых доктринах" и т.д. Чернов в первую очередь имел в виду учение Маркса. Чернов признавал, что с середины XIX века марксизму принадлежало особое место в истории освободительной мысли: он был не только наиболее глубоким теоретическим обоснованием социализма, но и его самой распространенной, почти монополюсной школой. Однако, исполнились сроки и — наступили "сумерки марксизма".

Что именно не устраивало Чернова в теории Маркса? По существу, полемика Чернова с марксизмом велась вокруг трех крупных блоков проблем.

Во-первых, методологическим дефектом марксовской философии Чернов считал ее объективистски-созерцательную доминанту, своеобразный "комплекс Пилата".

История социализма, развивал Чернов в этой связи известные тезисы Энгельса, прошла в своем развитии две ступени: утопическую и научную. На первой из них социализм был в состоянии решить и решал только одну задачу, состоявшую в логическом моделировании некоей идеальной "конечной цели" человеческого развития. Не удивительно, что описывая это земное воплощение абсолютного разума в своих сочинениях, великие социалисты-утописты зачастую впадали в маниловщину и прожектерство, в теоретический авантюризм и социальный субъективизм.

Понять значение объективной логики событий, которая заставляет сам народ выстрадать то, что измыслила субъективная логика передовых идеологов и вывести неизбежность воплощения тех самых "конечных целей" из общих условий жизнедеятельности масс, — этого утопический социализм сделать не мог. Это смог сделать только Маркс, преодолев утопизм в своем научном социализме.

сти основную линию развития — требует новой научной работы, которая во многом дополнила бы и может быть изменила бы экономическую концепцию Маркса" (Цит. по: Революционная Россия. 1922. N 16-18. С. 47).

Еще радикальнее высказывался по этому поводу один из эсеров. Размышляя над всеобщим "кризисом эпохи" — этаким катаклизмом духа, — он указывал на "... факт переживания нами одной из эпох, идущих под знаком грандиозного пересмотра всех устоев человеческого существования, когда, если не с точки зрения ума, то с точки зрения сердца — с точки зрения необходимости почувствовать все по-новому, под знаком сомнения, стоят не только ценности всех необъятных результатов предыдущего человеческого творчества — всей наличной человеческой культуры: под знаком сомнения и самые методы творчества, под знаком сомнения и самая возможность человеческого знания" (Там же. 1924. N 37-38. С. 8)

Но как историческая и логическая реакция на футурологическое шаманство, утопизм, идеалофилию, научный социализм перегнул палку в обратную сторону: отторжение теоретического произвола естественным образом переросло у него в "твердокаменный" объективизм, характерной чертой учения Маркса стал социал-фатализм, т.е. преклонение перед "естественными законами" общественного развития, через которые не перепрыгнешь ни в какое время и ни в какой стране; уверенность в том, что пришествие нового строя произойдет в ходе автоматического развертывания надличной логики хозяйственной эволюции; апология созерцательного способа освоения мира; наконец, творческое безволие.

"Вся теория марксизма, - писал по этому поводу Чернов, - получила чрезмерный крен в сторону какого-то олимпийского объективизма, якобы только бесстрастно познающего жизнь и направляющего свои стопы "по равнодействующей" ее тенденций, но отнюдь не навязывающего жизни "от себя" никаких планов и проектов. Элемент как индивидуального, так и коллективного социального творчества педантически сводился к нулю. Все, носившее оттенок идеализма, отбрасывалось; признаком хорошего марксистского тона было щегольство своеобразным историко-философским цинизмом"¹⁵.

Разрыв с марксистским мировоззрением - именно как мировоззрением, не переходящим в мировоздействие - Чернов рассматривал в качестве первой необходимой предпосылки обновления социализма.

Во-вторых, важнейшим изъяном теории Маркса, с точки зрения Чернова, являлась ее прикладная неразработанность¹⁶.

Марксисты много и с удовольствием говорили о том, что делать рабочей партии, пока она еще не добилась власти (программа -минимум). Хотя и в абстрактной форме, марксизм намечал также тот общественный идеал, к которому должно было привести социалистическое строительство (программа -максимум). Чу, а самое важное, т.е. строительство как таковое - приступ к нему, знание, откуда и с чего начать, номенклатура и распорядок отдельных мероприятий и т.д., какая программа

---

¹⁵ Чернов В. Конструктивный социализм. Т. 1. Прага, 1925. С. 52. См. также: Там же. С. 13-15, 18 и др.

¹⁶ Понятно, что это утверждение Чернова фактически служило проекцией на революционную проблематику его предыдущего тезиса о социал-фатализме марксистского мировоззрения.

огисывала все это, спрашивал Чернов. В том-то все и дело, что никакая.

Марксизм возлагал слишком много надежд на объективную логику самого хозяйственного эволюционного процесса. Пока он не "созрел" - строить рано; когда он созреет - жизнь "сама покажет", что нужно делать; а заранее обдумывать какие-то планы и проекты на будущее - значит впасть в утопизм. Вот почему как раз тот переходный период, который требовал от рабочего класса максимального напряжения творчества, сознательного социально-организующего строительства, в марксистской школе проходилась "скороговоркой". Все, что было сказано марксизмом по данному поводу, - так это знаменитые слова Энгельса о "скачке из царства необходимости в царство свободы".

За изящным словесным оборотом на деле скрывалась пустота. И до времени она была нестрашна. Но как только история перевела вопросы строительства нового общества в практически-политическое русло, конструктивная незрелость марксистского социализма незамедлительно дала о себе знать. Кабинетный, схоластический характер теории Маркса обернулся полной неподготовленностью социалистов к решению позитивных задач революции.

"Прикладная, творческая сторона социализма бесконечно отстала от его теоретической, созерцательной стороны, - подчеркивал Чернов. - Социализм был чересчур академичен для того, чтобы не оказаться застигнутым врасплох событиями; и многие, слишком многие его сторонники уподобились евангельским девам, у которых не оказалось масла в светильниках, когда пришел светлый Жених..."¹⁷.

С чего начинать и чем заканчивать революционные преобразования? В какой именно форме должно происходить обобществление средств производства? Как видоизменятся функции политической власти в переходный от капитализма к социализму период? Вот лишь некоторые из вопросов, ответить на которые марксизм не сумел и потому потерпел историческое поражение. Хочет ли аналогичной судьбы новый социализм? Если нет, он должен окончательно преодолеть творческое бесплодие марксистской доктрины на путях практической разработки программы пореволюционного действия.

В-третьих, принципиальный порок марксистской версии социализма Чернов усматривал в ее однобоком индустриоцентризме.

---

¹⁷ Чернов В. Конструктивный социализм. Т. 1. С. 66-67.

По убеждению Чернова, теория Маркса была типичным продуктом времен капиталистической индустриализации и невольно воспроизводила ее идеологически, - в превращенной социалистической форме. Тенденции индустриального развития, которые Маркс обнаружил в Европе середины XIX в., он представил в своих трудах естественными и необходимыми, а ареал их приложения - безграничным. Все области хозяйства, любые страны и каждый народ рассматривались Марксом с якобы наивысшей и потому всеохватывающей, а на деле редуccionистской точки зрения, сводящей многообразие и противоречивость общественной диалектики к однолинейным тогда законам промышленного роста.

Чернов полагал, что нагляднее всего эта универсализация индустриализма проявилась в марксовской трактовке перспектив и путей эволюции деревни.

Капиталистический режим, размышлял он, есть в первую очередь режим индустриальный. В нем город верховодит деревней, обрабатывающая промышленность - добывающей. Индустрия - вот где действительное царство капитала, вот где он разворачивает все свои творческие силы, развивая, концентрируя и централизуя хозяйство, революционизируя производительные силы и т.д. Деревня при этом остается сравнительно неподвижной базой капиталистического строя. Она не столько по-капиталистически перерождается изнутри, сколько подвергается буржуазной эксплуатации извне. И эта эксплуатация принимает вид усиления власти города над деревней.

"Когда-то доктринальный социализм рассматривал эту капиталистическую отсталость деревни, как явление временное, - писал Чернов. Он ждал, что земледелие, что сельское хозяйство - лишь с некоторым опозданием - проделает ту же кривую развития, которую раньше его успели проделать высшие отрасли индустрии. Марксизм, в своей ортодоксальной форме, не уставал предсказывать, что вот-вот деревня переживет процесс радикальной капиталистической концентрации производства и пролетаризации земледельческого населения; вот-вот сельскохозяйственный пролетариат будет в деревне так же собран в большие массы, вышколен, "выварен в фабричном котле" зерновыми фабриками нового типа, и чисто-пролетарское движение города, дополненное таким же чисто-пролетарским движением деревни, охватит огромное большинство населения и тем обеспечит победу социализма"¹⁸.

---

¹⁸ Чернов В. Конструктивный социализм. Т. 1. С. 38-39.

С временем, однако, стало ясно, что прогнозы догматического социализма не оправдываются. Сельскохозяйственный капитализм оказался нежизнеспособным детищем истории. В борьбе с ним мелкое трудовое хозяйство обнаружило необыкновенную стойкость и сумело не только отстоять свои позиции, но даже и усилить их за счет крупно-землевладельческих форм.

Перед социализмом открылась дилемма. Или надо было признать, что земледелие и деревня какими-то особыми, своеобразными путями (сравнительно с городом и индустрией) вращаются в "государство будущего". И тогда можно было заключить, что есть не только свет, что в капиталистическом окошке, и что кроме шаблонного развития к социализму через капитализм, есть еще какие-то более непосредственные пути "некапиталистической эволюции" индивидуального трудового хозяйства к социализированному.

Или же оставалось по-прежнему утверждать, что таких особых (небуржуазных) путей не существует и что без промежуточного этапа капиталистического чистилища доступ в социалистический элизиум категорически закрыт. Но тогда импотентность капитализма в земледелии фактически означала бы социалистическую несостоятельность деревни как таковой; носителем социалистической эволюции остался бы город и только город, а демиургом нового строя - исключительно пролетариат. С этой точки зрения, деревня оказалась бы просто-напросто пассивным, инертным материалом для предпринимаемого городом социального эксперимента; тем "сырьем", которое городу предстояло переработать в порядке "мироиндустриализации".

Рожденный в городах, близ фабричных кварталов, загнивающий зрелищем грандиозного индустриального машинизма, насквозь проникнутый духом урбанизации, старый социализм не смог наступить на горло собственной песне. Его идеология осталась прежней: город - демиург, деревня - косная материя. "Социализм по всей своей психологии, умонастроению, характеру, оставался однобоким городским, индустриальным социализмом. Деревня для него была досадным осложнением; он охотно утешал себя тем, что капиталистический прогресс современных культурных стран означал повсюду уменьшение удельного веса деревни сравнительно с городом, земледелия сравнительно с индустрией. Мысленно продолжая эту тенденцию вплоть до превращения деревни в *quantite' negligeable*, вплоть до возможности почти безнаказанно скинуть ее со счетов, догматический социализм избавлял себя от того затруднения, которое ему до-

ставляла неукладывающаяся в привычные индустриальные схемы и шаблоны деревенская стихия"¹⁹.

Чтобы выдержать должную последовательность в своей интерпретации аграрной проблематики (как исчезающе малой величины), марксизм был вынужден причесать под одну стальную гребенку остальные сюжеты, так или иначе связанные с деревней. Другими словами, от деревни он шел дальше - и "вглубь", и "вширь".

Марксизм шел "вглубь", когда он традиционно ориентировался на рабочий класс как на единственный революционный класс капиталистического общества и, соответственно, с абсолютным недоверием относился к социалистическим возможностям непролетарских слоев населения. Главным образом - крестьянства.

Да иначе в марксизме и быть не могло. Зародившись в фабричных условиях и разросшись в рабочих кварталах, марксистский социализм крестьянина не знал и знать не хотел. Уклад сельской жизни казался ему идиотским, мелкое производство - обреченным историей на погибель, насущные потребности крестьянина не заслуживающими специального разговора, а общественная психология земледельца - консервативной. "Он слишком часто бесплодно раздражался на тугоподъемность мужика и ставил на нем крест, - писал Чернов о социализме марксистского толка. - Порой он даже заражался близорукой мужикофобией, и улавливая эту нотку в отношении к себе, мужик платил городскому социализму той же монетой"²⁰.

И марксизм шел "вширь" в своем урбанизме, когда он укладывал на прокрустово ложе "сплошной индустриализации" весь мир.

Ссылаясь на революционизирующую роль буржуазного способа производства, его агрессивную сверхмобильность и т.д., Маркс с Энгельсом постоянно доказывали, что капитал по самой своей природе не знает границ. Он интернационален. Завладев каким-нибудь первоначальным плацдармом, он не успокоится до тех пор, пока не приберет к рукам все окружающее пространство. Начав с Италии или Англии, он закончит Антильскими островами.

В этом смысле марксизм посчитал промышленно передовую Англию "прообразом будущего" для всего остального человечества, а ее капитализм - "демиургом буржуазного космоса", тво-

---

19 Чернов В. Конструктивный социализм. Т. 1. С. 40-41.
20 Революционная Россия. 1921. N 12-13. С. 16.

рящим подобных себе. Туркестан и Китай, Марокко и Мексика обречены стать объектами так называемой "цивилизаторской миссии капитала", т.е. пуститься по английским следам, - только с известным отрывом во времени. Е том, что "будущие результаты британского владычества в Индии" (и не в ней одной) могут быть сведены к промышленно-капиталистической перекозке любого туземного материала, - в этом марксизм не сомневался. И вся картина мировой истории представлялась ему, по словам Чернова, "... в виде ряда стран, идущих по одной и той же лестнице капиталистического развития, и лишь в данный момент застигнутых нами на разных ступенях..."²¹.

Все относительно, писал Чернов, заканчивая свой критический поход против индустриоцентрической линии марксизма. Относительна и правда всех наших систем и теорий. Они есть лишь разной меры приближения к своему логическому пределу - недосягаемой полноте абсолютного знания.

Когда-то таким приближением была Птолемеяевская космогония. Со временем, однако, она перестала удовлетворять новым опытным данным. И хотя ее сторонники до конца предпринимали отчаянные усилия по-старому объяснить вновь открытые факты, Коперниковский переворот в науке стал неизбежен.

"Довоенный "научный социализм" марксистско-индустриального типа был своего рода Птолемеяевской системой в развитии социалистической мысли. Обеими ногами он стоял на почве современной капиталистической индустрии. Это была его почва, его "земля", и вокруг нее он заставлял обращаться все явления мировой экономики. Пришла пора понять, что эта "земля" сама есть лишь часть сложной планетарной системы, что часть всегда меньше целого и зависит от целого еще больше, чем целое - от нее. С этой точки зрения необходимо пересмотреть, перетряхнуть весь свой идейно-теоретический багаж. История призывает на мировую арену новые народы, новые расы, целые материки. Социализму пора перестать быть ограниченно-локальной системой одного уголка мира, идейным осколком его локально-одностороннего быта"²².

После такой суровой отповеди марксизму (он-де и в фатализме повинен, и никакого конкретного плана революционных преобразований не предлагает, и аграрную проблематику толкует ошибочно) можно было бы ожидать, что Чернов не хотел иметь с ним ничего общего. Можно было бы также предположить, что

---

21 Чернов В. Конструктивный социализм. С. 42.

22 Революционная Россия. 1923. N 26-27. С. 14.

свой "новый социализм" Чернов строил помимо марксистской теории и вопреки ей. На самом деле, отношение Чернова к концепции Маркса было сложнее. В первом приближении оно могло быть выражено словами великого Лермонтова: "храм оставленный - все храм; кумир поверженный - все Бог".

С одной стороны, Чернов постоянно критиковал марксизм за его действительные или мнимые огрехи, - и не только те, на которые было обращено внимание выше. Он неоднократно указывал, что марксистская доктрина, как она сложилась в XIX-начале XX века, полностью исчерпала себя. Он предупреждал, что реанимировать теорию Маркса в новых условиях бессмысленно и невозможно: ренессанса не будет. Он настойчиво подчеркивал ту мысль, что в его время быть социалистом - значит быть не марксистом. "...Марксизм, - убеждал Чернов, - принадлежит уже истории социалистической мысли. Ничто не вечно..."²³.

С другой стороны, Чернов неизменно отдавал должное марксизму. Он, например, констатировал, что последний вполне адекватно, "научно" отражал ту эпоху, которою был порожден. Обращаясь к прошлому, Чернов чрезвычайно высоко оценивал заслуги социальной философии марксизма. "Она была огромным вкладом в сокровищницу научной мысли, - признавался Чернов. - Ценность ее для развития социализма в определенную эпоху и в определенном уголке земного шара была совершенно исключительной по своему положительному значению"²⁴. Немало полезно, напоминал Чернов, дал марксизм даже России, особенно в смысле "европеизации" ее провосточного менталитета. Не возражал Чернов и против некоторых содержательных элементов марксистской теории: ее принципиальной трактовки вопроса об отмирании государства, о неизбежности капиталистического развития индустрии и т.д.

Наконец, фактически целиком из рук Маркса Чернов воспринял тот общественный идеал, новые пути к которому он прокладывал в "Конструктивном социализме". Как и Маркс, Чернов думал об обществе, где свободное развитие каждого является условием свободного развития всех. Как и Марксу, будущий строй виделся ему в качестве такого социального организма, в котором полностью отсутствуют неравенство и эксплуатация, анархическое ведение хозяйства и кризисы, конкуренция и рынок, товарное производство и деньги. Как и Маркс, он рассматривал социализм в виде гармонически функционирующей высокоорганизованной

---

23 Революционная Россия. 1922. N 16-18. С. 47.

24 Там же. 1923. N 26-27. С. 10.

системы, в которой общественное сознание выступает не только стихийным рефлексом социального бытия, но и его регулятором. И т.д.

Имея все это в виду, нетрудно понять, почему Чернов дистанцировался от марксизма, но окончательно с ним не рвал. Напротив, он сознательно подчеркивал органическую связь своего конструктивного социализма с марксистским. Первая же глава его труда по социализму прямо акцентировала внимание читателя на том обстоятельстве, что "природа скачков не делает" и что в утопическую, научную или конструктивную форму воплощается, в сущности, одна и та же идея. Или по-гегельянски: история социализма представляет собой свое последовательное развертывание от утопического тезиса - через научную антитезу - к конструктивному синтезу, снимающему в себе всю эзотерическую логику предшествовавшего развития.

Чтобы поставить все точки над I в его отношениях с марксизмом, Чернову оставалось сделать один, но решительный шаг. Признав ортодоксальный марксизм духовным праотцем конструктивного социализма, Чернов тем самым автоматически признавал наличие определенных долговых обязательств последнего перед первым. И речь у него шла при этом отнюдь не об одном только естественном долге исторической памяти. Чернов ставил вопрос ребром: как законный наследник марксизма, новейший социализм был обязан гасить векселя, выданные в свое время его незадачливым предком. А значит, вся ответственность за реализацию тех толковых идей, которые некогда высказывал, но не осуществил марксизм, ложилась на плечи конструктивного социализма.

"Русский социалист-революционер, - писал Чернов, - может сказать русскому марксисту западноевропейского образца приблизительно то же, что новейший конструктивный социализм, рождающийся в огне и буре эпохи всемирных войн и революций, скажет мировому индустриальному социализму довоенной эпохи, и то же, что когда-то христианство говорило перед лицом Моисеева закона: "не нарушить пришел я закон, но исполнить"²⁵.

Во имя этой благородной цели, по мысли Чернова, и требовалось "перетряхнуть" идейные основы старого социализма.

---

²⁵ Революционная Россия. 1923. N 26-27. С. 15.

Каким быть новому социализму?

Первое. На место его сверхобъективизма предлагалось поставить волевой и творческий активизм как новый краеугольный камень социалистического мироотношения. Символом веры социализма отныне должна была стать известная заповедь Ницше: налагать руки на историю, как на мягкий воск.

Не просить милостыню у природы, а отвоевывать у нее необходимое свободному человеку пространство жизни. Не возлагать всех своих надежд на механическое развитие исторического процесса, а решительно проводить политику революционного вмешательства в исторические дела. Не дожидаться социализма как неустраняемого результата стихийной механики экономических законов, а сознательно и организованно его строить, творить, созидать. Короче говоря, не претерпевать, а волиять, - вот единственно достойный эпохи девиз современного социализма.²⁶

С новой - активистской - точки зрения иначе виделись все старые проблемы. Ну хотя бы вот эта: предпосылок социализма.

Старый социализм задавался здесь главным вопросом: готова ли, т.е. приготовлена ли самим капитализмом, та или другая отрасль промышленности для смены буржуазной формы организации на социалистическую, напминал Чернов. Близость социалистического преобразования односторонне приравнивалась к полноте капиталистической концентрации производства.

Для современного социализма центр тяжести вопроса о "готовности" к новому строю переносился в совершенно другую плоскость. Если старый социализм спрашивал, готова ли данная отрасль производства для социалистического переустройства, то новый социализм интересовался, как его приготовить. Он смотрел, поэтому, не столько на организационно-техническую сторону дела, сколько на его культурно-психологическую грань. Он думал, поэтому, не только о том, что успел создать капитализм в индустрии, но и еще больше - о том, в какой мере подготовились к само-готельному ведению хозяйства сами рабочие массы. Он помышлял поэтому не о дальнейшей концентрации производства, а об учебе трудового народа в аудиториях его собственных культурно-хозяйственных и идейно-политических организаций.

"Готовым" должен быть прежде всего сам человек, - заключал Чернов. - "Тут Гегель, тут книжная мудрость, тут смысл философии всей". Проблема конструктивного социализма есть великая

---

²⁶ См.: Чернов В. Конструктивный социализм. С. 66, 114 и др.; Революционная Россия. 1923. N 32. С. 9.

культурно-историческая проблема воспитания личности для социализма"²⁷.

Второе. Социализму следовало отказаться от своей былой увлеченности одной индустрией и одной пролетарской массой. Его новой страстью должна стать тотальность. Будущее социализма, полагал Чернов, - в его универсальности, охватывающей наряду с рабочим классом интеллигенцию и крестьянство, наряду с городами - деревню, наряду с промышленным Западом - аграрный Восток.

Почему, например, марксистская доктрина так часто рассуждала о пролетарии и почти не замечала интеллигента? Разве его социальные функции настолько ничемны, что он не заслуживает к себе специального внимания? Ничуть не бывало, возражал Чернов. Интеллигенция, служащие в любом обществе играют выдающуюся роль. Буржуазный строй до сих пор существует не в последнюю очередь именно потому, пояснял Чернов, что организационные способности и хозяйственные таланты предпринимателей, техников, инженеров и т.д. все еще составляют незаменимый элемент процветания общества. И если социализм хочет когда-нибудь осуществиться, он непременно должен привлечь на свою сторону хозяйственный гений нации.

Раньше социализм организовывал лишь работников физического труда, указывал Чернов. Он был теоретическим осмыслением их жизненного пути и их исторической миссии. Аналогичной роли для трудовой интеллигенции он не играл. Но он должен ее сыграть. Он просто обязан отвоевывать у капитализма "мозг нации".

Выполнение этой новой задачи требовало от социализма перестройки. Ему надо было подойти к интеллигенции с непривычной для себя идеалистической, духовно-нравственной стороны. На интеллигента предстояло взглянуть не только как на производителя или потребителя, но и как на носителя высшего творческого начала и свободную индивидуальность. Интеллигенции следовало доказать, что при капитализме она не может быть до конца свободной, что ее духовность калечится грубым утилитаризмом буржуазного общества, что между ее творческими поисками и стандартизирующей природой массовой культуры существует непримиримый антагонизм и т.д.

"Идеалистическая сторона социализма, его содержание как новой культурной философии, как новой, высшей ступени в области морали ... должна получить свое развитие, превратив таким

---

²⁷ Чернов В. Конструктивный социализм. С. 22.

образом социализм из односторонне-материалистического в синтетический и интегральный", - подчеркивал Чернов²⁸.

Одновекторную по замыслу и не менее важную по значению задачу социализму предстояло решить в отношении деревни. Суть проблемы заключалась в вопросе: как возможен аграрный социализм вообще?

Ответ Чернова звучал так. Аграрный социализм возможен тогда и постольку, когда и поскольку выяснено, что историческое своеобразие сельской культуры предопределяет движение деревни к будущему идеальному строю "своими путями". Т.е. когда, с одной стороны, признано, что деревня являет собой не какую-то низшую, в принципе сводимую к городской, но пока недоразвившуюся до ее уровня форму гуманитарной культуры, а равноценную индустриальной и специфически функционирующую цивилизацию. И поскольку, с другой стороны, допущено, что в этом своем качестве "параллельного мира" аграрная сфера общественной жизни прокладывает новые, непроторенные пути перерождения индивидуального несоциалистического труда в труд социалистически обобществленный.

Соответственно, Чернов пробовал привить социализму ту мысль, что великое начало труда облечено не только в хорошо известную традиционную форму индустриального пролетариата, но и в столь же определенную классовую форму огромного массива крестьянства. Чернов убеждал, что перед лицом социализма обе эти формы принципиально равны и что обе они есть лишь модусы "инобытия" одного и того же. Труд и его самоосвобождение от эксплуатации - вот фундамент социализма; суметь найти и в городе, и в деревне вытекающие из их своеобразия наиболее эффективные способы самоосвобождения труда - вот в чем заключается его действительная задача.

Первая часть проблемы, призванная доказать неповторимость исторического функционирования аграрного мира (в его сравнении с индустриальным), казалась Чернову уже решенной. Ведь чтобы обосновать нетривиальный характер аграрной эволюции в истории, достаточно было просто развенчать марксистско-ленинскую идеологию расслоения трудового крестьянства, а эту работу Чернов считал практически выполненной. Он подчеркивал, что статистическими данными Н.Н.Черенкова о семейно-трудовой природе крестьянского хозяйства и исследованиями К.Р.Кочаровского об общинных формах землевладения и землепользования в России, трудами П.А.Вихляева о так называемой

---

28 Чернов В. Конструктивный социализм. С. 24.

"дифференциации" села и А.В.Пешехонова о кулачестве и батрачестве, работами Н.А.Карышева о крестьянской аренде и многими другими материалами тезис о "подтаивании" середняка с двух концов полностью опровергался. И, напротив, была поставлена на научное основание истинная народническая убежденность в тяготении деревни к трудовой стабилизации на некотором среднем уровне.

Писатели-народники доказывали, что история крестьянского двора фактически совпадала с естественной историей семьи. По их свидетельству выходило, что этот двор и семья неразделимы, как лицо и изнанка, что крестьянское хозяйство растет, дробится, падает и вновь поднимается на ноги вместе с семьей. Запас рабочей силы в семье определяет степень возможной для нее трудоинтенсивности хозяйства. Количество приходящихся на единицу рабочей силы "едоков" регулирует меру ее самоэксплуатации. Средства производства приспособляются к ее личному составу, его количеству и качеству и т.д.

Дальше, как правило, народническая литература обращалась к статистике. Демографические данные, начиная с украинских так называемых "писцовых книг" и "Румянцевской летописи" и кончая сельскохозяйственными обследованиями рубежа XIX-XX вв., обнаруживали постоянное стремление крестьянской семьи к некоторому среднему уровню. Значит, делали вывод народники, законом исторического развития крестьянской семьи является ее тяготение к скреплению, компактности и стабильности.

Семейно-трудовая природа крестьянского хозяйства была определена, его экономическая однородность - обоснована.

К этому основному тезису народничества Чернов без колебаний присоединяется. Внутренняя потребительно-трудовая сущность русского крестьянского хозяйства, благодаря которой уровень дохода на душу сельского населения в общем уравнивался, делала земледельцев "... классом сцементированным настолько прочно, насколько это вообще возможно при "атомизированности" крестьянской экономики и разбросанности деревенского населения"²⁹.

Единство трудового крестьянства исторически укреплялось еще одним важным фактором - на этот раз "субъективным". Теоретически трудовое крестьянство, которое само владело собственными средствами производства, само прилагало к ним собственный труд и само отвечало за организацию своего хозяйства,

---

²⁹ Чернов В. Рождение революционной России (Февральская революция). Париж; Прага; Нью-Йорк, 1934. С. 77.

выглядело как класс, никого не эксплуатирующий и никем не эксплуатируемый. На практике, однако, дело обстояло иначе, напоминал Чернов: крестьянина эксплуатировали все, кому было не лень. Он переплачивал арендную плату за землю, нес тяжелейшее государственное обложение, влезал в долги у деревенского ростовщика и обкрадывался на рынке оптовым скупщиком... "Словом, все его отношения с внешним миром были окрашены в один цвет - данничества. Создавшееся отсюда чувство классовой отчужденности сбивало крестьянство вместе", - писал Чернов³⁰.

Огромная "социальная равнина" хозяйственн однородного, составлявшего 4/5 населения страны крестьянства постепенно переставала быть механическим соединением и вырабатывала свои собственные социально-психологические скрепы. Деревня неуклонно проникалась сознанием своей хозяйственной, социальной, физической силы - и своего политического бесправия. Общность этого сознания делала крестьянство единым классом не только по объективному положению, но и по самоощущению.

В указанной целостности и сцементированности основного крестьянского массива Чернов видел особый смысл и особое (по сравнению с городом) предназначение деревни. Именно единство трудового крестьянства - и в первую очередь хозяйственное единство - позволяло Чернову говорить о специфике будущей эволюции деревни к социализму. Если трудовое ядро крестьянства не могло быть по своей экономической природе расколото на буржуазию и пролетариат, то капиталистический шаблон развития деревне не подходил. А если он ей не подходил, значит, подходил какой-то другой. Какой? Какую теоретическую матрицу следовало приложить к социалистической трансформации деревни?

Да никакую, подчеркивал Чернов. Аграрный социализм не может быть высосан никем из пальца или изобретен в четырех стенах кабинета. Он должен быть выведен из реальностей жизни, т.е. из привычного быта крестьянских масс, из их естественно вырастающего правосознания и особенно - из создаваемых им самим зачатков "трудовой общности". И только обнаружив там определенные принципы, социализм может пробовать очистить их от чуждых им наслоений и развить до последних логических выводов.

В аграрной сфере, как и во всех других областях, "... социализм приходит не с готовыми, ничего не имеющими с действительностью, воздушными замками, а только иначе комбинирует

---

³⁰ Чернов В. Рождение революционной России (Февральская революция). С. 79.

основные элементы, уже имеющиеся налицо в фактической действительности и этой комбинации сообщает высшее развитие"³¹.

Что же имелось "налицо" в аграрной действительности? Тут спорить было не о чем. История аграрных отношений в России своей главной осью имела историю общины.

Русское крестьянство, писал Чернов, всегда сочетало в своей экономической деятельности широкий хозяйственный индивидуализм, полноту личной инициативы и ответственности с самыми разными видами взаимопомощи. Еще с той поры, когда крестьяне могли позволить себе вести заимочную систему хозяйства, при которой каждая семья обрабатывала земли столько, насколько хватало ее сил, они нередко прибегали к коллективным формам производства: "складчинам", "помочам", "супрягам" и т.д. Это означало, что крестьянская экономика изначально основывалась на взаимодополняемости личного и общественного начала.

Когда распашка "дикого поля" закончилась и земли по "трудовой норме" на всех не стало хватать, между интересами семьи и "общества" возникло известное напряжение. Чтобы его разрешить, аграрная культура вырабатывает специальный механизм, который средствами трудовой демократии уравнивает личное и коллективное право. Личное "право уже затраченного труда" на использование своих результатов ограничивается здесь другим, коллективным по своей природе "правом на труд", т.е. обеспечением каждого сочлена общества (наряду с остальными) участком земли. Возникает так называемая "поземельная община", которая своей верховной властью распределяет землю для ее трудового использования на уравнительных началах и тем самым находит удачный компромисс между личным "правом труда" и коллективным "правом на труд".

При всей ее ограниченности и несовершенстве, община удовлетворяла основной жизненной потребности трудового крестьянства в земле. Отрицая частную монополию на землю, она как-никак гарантировала "миру" необходимейшее из средств производства и, хотя и весьма узкую, свободу индивидуального маневра. Неудивительно, что община незамедлительно закрепилась в народном сознании как едва ли не единственный институт социальной справедливости, освященный, к тому же, божественной санкцией. ("Горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что другим не остается места, как будто вы одни поселены на земле". Исаия, 5,8.) В результате распрощание общины повсеместно приобрело широкий размах.

---

³¹ Чернов В. Конструктивный социализм. С. 282.

Но что такое община, как не своеобразный вид кооперации, а именно, кооперации по совместному использованию земли? И если наряду с ростом "общинной" кооперации обратить внимание на бурный расцвет других ее видов, охватывающих прежде всего крестьянские закупки и сбыт, то не сложится ли сам по себе определенный вывод? Чернов считал, что сложится непременно. "Быстрота развития русской кооперации заставляет теоретиков ее констатировать, - указывал Чернов, - что Россия стремится стать "кооперативную страну по-преимуществу"³².

Искомый рычаг будущего аграрного переустройства России найден. Кооперация - вот тот новый хозяйственный принцип, благодаря которому будет преобразована индивидуально-семейная природа мелкого крестьянского хозяйства. Кооперация - вот тот путь, который способен привести деревню к социализму.

Очищенные от любых искажающих их суть наслоений, два великих трудовых принципа крестьянской кооперации ("право на труд" и "право труда") получают свое свободное развитие и станут фундаментом всей аграрной жизни страны. Социальный механизм их согласования, т.е. трудовая демократия, народное самоуправление, массовая самодеятельность, превратится в доминанту политического строя. Ничто внешнее, следовательно, не помешает коллективизации всех тех трудовых функций, объединение которых в сельском хозяйстве необходимо и возможно.

А возможно там их полное объединение, замечал Чернов. Он не соглашался ни с теоретиками так называемой организационно-производственной школы в России (Б.Д.Бруцкус, П.Н.Макаров, А.Н.Челинцев и др.), ни с теми из экономистов-аграрников Западной Европы (например, Эд.Давидом), которые "останавливали кооперацию сельского хозяйства на его периферии. Деля земледельческое хозяйство на две принципиально различные области - процессов механических (кредит, закупка, сбыт и т.д.) и органических (собственно аграрное производство), они доказывали, что если первая из этих областей вполне может стать ареной приложения кооперативного принципа, то вторая - никогда. Аграрное производство как таковое, с их точки зрения, представляло собой извечный и неприступный бастион абсолютного хозяйственного индивидуализма. Генеральной тенденцией развития земледелия они объявляли не "производительные товарищества", а только "товарищества производителей" (Эд. Давид).

Чернов настаивал на теоретической допустимости более глубокого проникновения кооперации в сельское хозяйство. Начав,

---

³² Чернов В. Рождение революционной России. С. 81.

действительно, с периферии крестьянского хозяйства, с того, что образует сферу его сношений с внешним миром, кооперация в состоянии захватить саму производственную сердцевину земельного, предполагал Чернов. "Кто же, спрашивается, и на основании чего может сказать "кооперации производителей" свое пророческое теоретическое veto на каком-то произвольном этапе его нормирующего проникновения в глубь хозяйственной деятельности отдельного производителя? - недоумевал Чернов. - Пусть сегодня она не идет дальше известных границ - какая гарантия, что завтрашний день она не переступит через них? Кооперация первоначально обвела вокруг индивидуального земледельца довольно широкий и отдаленный круг. Но этот круг не оказался замкнутым. Он спиралеобразно суживался, с каждым новым закруглением все приближаясь к хозяйственному "центру". Сущностью социалистического решения этого вопроса, основным мотивом социалистической теории кооперации является рабочая гипотеза, не усматривающая в природе сельского хозяйства никаких абсолютных пределов или границ дальнейшего кооперативному его перерождению"³³.

Но практически, т.е. на ближайшую историческую перспективу, даже не это было для Чернова главным. Главным было то, чтобы границы, условия, темпы и т.д. кооперирования крестьянского труда определяли сами земледельцы. Чтобы "интегральный аграрный кооперативизм" стал свободным и сознательным выбором трудового крестьянства. Чтобы социализация труда и собственности осуществлялась на путях хозяйственной самостоятельности самих тружеников-земледельцев. Обобществление сельского хозяйства должно происходить непременно снизу, по воле и в интересах самого крестьянского населения, а не насильственно, сверху, под формулой капитализма.

В этом демократическом обобществлении - будущее деревни. В этом спонтанном перерождении кооперации во все более высокие формы - тот "особый путь" вживания в социализм, который дан земледелию сравнительно с путем индустрии (в социалистический элизиум через капиталистическое чистилище). Здесь, в этой кооперативной, а не капиталистической эволюции села, - залог аграрного социализма.

"Эта схема - которую жизнь и практика кооперативного и общинного опыта должна наполнить конкретным жизненным содержанием - дает нам перспективу того непосредственного вставания в "государство будущего" земледелия и землевладель-

---

³³ Чернов В. Конструктивный социализм. С. 117.

цев, которое должен признать необходимым каждый социалист, не верящий в универсальную приложимость схемы "капитализации и пролетаризации", торжествующей в индустрии, - для всех стран, времен, народов и областей хозяйства"³⁴.

Итак, аграрный социализм - как социализм кооперативный - вполне возможен. А значит, возможен не узко-пролетарский, индустриальный, а универсальный социализм, примиряющий под двумя своими крыльями рабочий класс и крестьянство, деревню и город. Примиряющий, наконец, Запад с Востоком.

Ведь что такое противоречие между Востоком и Западом по существу? Это то же противоречие между городом и деревней, только возведенное в мировую степень. Это антагонизм между индустриальными капиталистическими государствами и странами аграрными, которым исторически выпадает различная участь. Грандиозная система международного разделения труда приводит к возникновению фактически биполярного мира, - чья модель, кстати, ничуть не напоминает пресловутую лестницу буржуазного прогресса. Рождаются новый "Urbs" и новый "Orbis", разделенные новой стеной.

Преодолеть эту стену можно только разрушив ее, т.е. установив фактическое равновесие между городом и деревней, между промышленным Западом и аграрным Востоком, между "Римом" и "миром". Такой паритет, правда, не соответствует интересам мирового города (индустриального Запада), который посредством империалистической эксплуатации мировой деревни (Востока) уже добился своего экономического над ней верховенства и который от получаемых дивидендов отказаться ни за что не пожелает. Остается один путь - соответствующее усиление "боеготовности" Востока. Он, наконец, должен превратиться из объекта колониальной экспансии в самостоятельного субъекта международных отношений. Он должен уметь за себя постоять - и в особенности экономически.

Вот здесь-то и выяснялась историческая роль аграрного социалиста. Своей проповедью кооперативного принципа организации земледелия, своими политико-экономическими проектами и практической черновой работой, своей антиимпериалистической направленностью и т.д. он должен был помочь Востоку распрямиться. И, освобожденный из униженного положения данника, Восток должен был окончательно стать равноправным партнером Запада. Город и деревня уравниваются, а индуст-

---

34 Чернов В. Конструктивный социализм. С. 283.

стриальный и аграрный социализм сливаются в мировой, универсальный...

Схематически рассмотренное только что обоснование Черновым "универсального социализма" позволяет перейти к его (Чернова) последней поправке в отношении теории Маркса. Напомним, что одна из них касалась проблем "фатализма", а другая - вопросов "индустриоцентричности" марксистской доктрины. Третья поправка к марксизму трактовала о недоразвитости его "практического разума".

Сделав немало полезного в смысле теоретического провидения будущего, старый социализм не пожелал или не смог облечь прорисованные им силуэты и геометрические фигуры живой плотью и кровью, утверждал Чернов. Важнейшую проблему социальной механики пореволюционного действия марксизм совершенно игнорировал. И этот прикладной прсбел в социализме необходимо восполнить.

Речь у Чернова, конечно, не шла о конкретных деталях строительства социализма. Ни составлять подробного графика трансформационных мероприятий, ни предугадывать их полного перечня Чернов совершенно не думал. Его план заключался в другом: определить саму логику будущего процесса социализации, установить его общий порядок, динамику и необходимые принципы - и только.

Прежде всего: с какого конца следует приступать к социализации экономики после установления в обществе режима народо-властия? На что в первую очередь должны обратить свое внимание победители? Что для них, например, важнее: захватить и национализировать банки (как полагали в Октябре большевики) или "обобществить" индустрию? А может быть, все преобразования нужно осуществлять одновременно, широким фронтом?

Учитывая аграрные симпатии Чернова, его ответ можно было предварить: начинать следует с хорошо продуманной и тщательно проведенной земельной реформы.

В буржуазном обществе, пояснял свою позицию Чернов, равновесия между городом и деревней не существует. Земледелие, добывающая промышленность, сельскохозяйственное производство являются там объектом постоянной эксплуатации со стороны капиталистической индустрии. Благополучие города во многом строится на костях деревни.

Чтобы социализированная экономика не оказалась картонным домиком, построенным на песке, под нее должна быть предварительно подведена прочная база обеспеченного внутреннего рынка. Его может дать только трудовое крестьянство, которое хо-

займствует в системе рационального землепользования, имеет действительные, а не мнимые избытки продуктов и потому обладает соответствующей покупательной силой в отношении городского товара. Всякая другая, т.е. полуголосная, деревня вскоре после начала социальных преобразований оставит город без пропитания и ему придется "выковыривать" хлеб штыком.

В общем, дом надо начинать строить не с крыши, а с фундамента, который всегда ставят на землю. Элементарные погрешности страны в продуктах питания, топливе, строительных материалах удовлетворяются землей. Для всякой индустрии необходимым условием ее существования является обеспечение сырьем, а его опять-таки дает земля. Здоровое банковское дело возможно только в здоровой экономике, а без богатого земледелия она не мыслима. И т.д.

Лишь разрешив аграрную проблему во всей ее полноте - и в том числе как проблему не только распределительную, но и производственную, - можно рассчитывать на успех всех последующих шагов социализации. "... В стране не будет социализма, если его не будет в деревне, - курсивом писала "Революционная Россия". - ... Фундамент, на котором имеет быть воздвигнуто здание социализма, должен быть заложен здесь"³⁵.

Социализация земли должна была послужить широким и прочным основанием для социалистического переустройства города. Реорганизация городской промышленности на коллективистских началах, в свою очередь, создала бы задел для соответствующей социализации распределения. И, наконец, в качестве увенчания всей постройки, практически неизбежной явилась бы социалистическая реорганизация финансов. Земледелие - промышленность - распределение - финансы, - только такой, по убеждению Чернова, могла быть логическая связанность и временная последовательность хозяйственной реконструкции общества.

Немаловажную роль Чернов отводил вопросу о темпах социализации экономики. В концепции Чернова они были, мягко говоря, не стахановскими. Устойчивым и необратимым он признавал лишь такое историческое движение, которое развивается по общему правилу экономии сил и максимума результатов. А правило это предполагало, что каждый следующий шаг начинается только тогда, когда полностью получены и закреплены результаты предыдущего, когда все его плоды сорваны и пошли в дело. Плоды же, как известно, созревают не сразу...

---

³⁵ Революционная Россия. 1926. N 53. С. 5.

Без сознательной установки на такую кропотливую, медленную, органическую работу, занимающую целую историческую эпоху, к социализации экономики лучше не приступать, предупреждал Чернов. Попытки одним рывком, "единым махом" перескочить к социализму не могут не кончиться для общества драмой, а то и трагедией. Лучшее, что в этом случае ждет сам социализм, - "... разочарование масс и злорадное торжество буржуазных глашатаев лозунга "назад к капитализму"³⁶.

Что касается принципов, на которых Чернов основывал свой "операционный план" реконструкции народного хозяйства, то нагляднее всего они проявились в эсеровской программе социализации земли.

Впервые понятие социализации появилось в начале XX в. при разработке эсерами аграрной платформы и уже в то время противопоставлялось ими идее "огосударствления" земли. Тогда, вспоминал Чернов, "все ходячие проекты национализации земли своим исходным пунктом имели постановку во главу угла государства. И поэтому слово и понятие "огосударствления" земли были бы, пожалуй, для них наиболее меткими и уместными. Права верховного бесконтрольного ... распоряжения земель, разбросанные, раскиданные, разобранные по рукам отдельных лиц и групп, сосредоточивались в одном могучем центре - Государстве. От него все исходило и к нему все возвращалось"³⁷.

В противовес этому сверхцентралистскому плану эсеры выдвинули свой, сугубо децентрализаторский план. Предусматривая, что государственный централизм в аграрной политике фактически означает ее полнейшую бюрократизацию, они сделали ставку на "обмирщение" земли. Под влияние децентрализаторской концепции эсеров вскоре попало меньшевистское крыло российской социал-демократии, которое в 1905 году приняло программу аграрной "муниципализации". Вместо государства средоточением собственнических прав на землю объявлялась "муниципалитет", т.е. орган власти областного типа.

Меньшевистская программа муниципализации рассматривалась эсерами как крупная победа их аграрной методологии. Однако, одновременно они считали, что муниципализация земли важнейших задач аграрной реформы решить принципиально не сможет. Оставляя и за государством, и за муниципалитетом известные регулирующие функции, эсеры предлагали взять за исходный пункт реформирования сельскохозяйственных отношений самого

---

³⁶ Чернов В. Конструктивный социализм. С. 186.

³⁷ Там же. С. 278.

производителя, трудовую личность. Из пассивного орудия какого бы то ни было надындивидуального целого она должна с ать самостоятельным субъектом аграрного права, прочно обеспеченного новой земельной "конституцией". Что здесь имелось в виду?

Разработанный эсерами аграрный кодекс устанавливал, что земля изымалась из товарного оборота и признавалась общим благом. Монопольное право на землю, вместе с абсолютной рентой, не просто переходило к государству или муниципиям, а отменялось. Земля объявлялась доступной каждому, кто пожелает ее обрабатывать - но только своим трудом. Индивидуальное трудовое право на землю таким образом становилось общегражданским. Понятие собственности, превращенное в простое понятие права и обязанности трудового использования земли, упразднялось.

Как видно, композиционным стержнем эсеровского проекта социализации земли являлось своеобразное "ущемление" государства. Оно (или муниципия, или что-то еще) уже не могло выступить в абсолютистской роли собственника земли, который по своему усмотрению решает ее судьбу. В сравнении с программами "национализации" и "муниципализации" земли полномочия соответствующих органов государственной власти резко ограничивались. Все функции государства сводились к наладке, регулировке на уравнительных началах имеющейся аграрной системы. Ни местное (областное) управление, ни центральная власть из сферы аграрных отношений совсем не устранялись, но рядом с государством, вместе и на равных правах с ним на земле появлялся крестьянин.

"Земля не становилась ... для крестьянина "чужой", - отмечал Чернов, - не превращалась в "собственность" какого-то далекого, многословного и вместе безличного, полумистического существа - государства; земля не "отбиралась" у него и не делалась "казенной", а сам он - не превращался от этого в "пролетария", пользующегося землею с милостивого "разрешения" государства. Он оставался обладателем своего индивидуального "права на землю" ... В пределах использования этого права ... он стоял твердо ногою на позиции, недоступной ни для чьего вмешательства"³³.

Изъятие у государства властных прерогатив подразумевало их передачу какому-то другому субъекту права. Отчасти, как было показано, они передавались индивидуальному производителю, неотъемлемым правом которого становилось "право на землю",

т.е. равное с остальными право на получение определенного дела и право на извлечение оттуда трудового эквивалента. Значительный объем полномочий адресовался также органам местного крестьянского самоуправления различной степени общности - от конкретного земельного кооператива и выше, вплоть до областных властей.

Именно эти самоуправляющиеся единицы должны были предметно регулировать условия местного землепользования и никто другой (кроме судебной власти) вмешиваться в их деятельность не мог. Решениям органов местного самоуправления, принятым в пределах их компетенции, придавался тем самым публично-правовой характер. Например, в компетенцию земельной общины первого уровня входило определение конкретных условий межличностного землепользования, а также структурное оформление аграрных отношений. Каким быть данному кооперативу - решал он сам. Землепользование могло быть чересполосным или отрубным, кратким или длительным, уравниваемым прямо или путем налогового обложения и т.д. - все зависело от свободного выбора самого местного крестьянского населения.

"Никакого бюрократического навязывания сверху при этом быть не может, - подчеркивал Чернов. - Социализация есть не что иное, как распространение начал демократического самоуправления на новую область: земельное хозяйство страны"³⁹. Последнее обстоятельство Чернов отмечал специально. Расширение "великого начала самоуправления" на область земельных отношений он называл "основной особенностью" эсеровской земельной программы "обмирщения" земли. По его убеждению, программой социализации аграрных отношений "создавалась в общенациональном масштабе великая крестьянская хозяйственная демократия". Чернов доказывал, что она, как всякая истинная демократия, предполагала "не простое деспотическое самодержавие большинства, но устранение всякого самодержавия, путем обеспечения прав не только меньшинства, но даже и каждой личности". В развертывании местного самоуправления, кооперативной автономии, аграрной свободы он видел "мирное внедрение в нашу общественность высшего глубоко анархического принципа"⁴⁰.

Анархические и демократические начала эсеровского проекта аграрной реформы дополнялись еще одним важнейшим для всего народничества принципом - уравнительностью землеполь-

---

³⁹ Чернов В. Конструктивный социализм. С. 128.

⁴⁰ См.: там же. С. 280-281.

зования. Как ее обеспечить и избежать бюрократического решения проблемы? Чем руководствоваться при определении конкретных размеров земельного надела для конкретной крестьянской семьи? Каков здесь объективный критерий - равная площадь выделяемого участка, его способность занять все время и силы земледельца и т.д.?

Чернов считал, что индивидуальную долю хозяйствующего субъекта - крестьянина в общем земельном достоянии вполне объективно может определить аграрная статистика. Достаточно взять чистый доход земледельческого хозяйства страны и разделить его на число земледельческого населения, как мы получим среднюю долю каждого в этом доходе, объяснял Чернов. Теперь местная аграрная статистика может дать ответ для любого района, вида почвы и рода сельскохозяйственной культуры, какой величины участок при обычных в данной местности способах обработки будет соответствовать законным притязаниям той или иной крестьянской семьи на землю. Проблема "уравнительности" в роде бы решена.

Но ведь и размеры семей, и сельскохозяйственные культуры постоянно меняются, замечал Чернов. Что же, статистика должна все время за этим следить и незамедлительно механически отрезать появившиеся излишки у одних и прирезать другим, чтобы потом поступить наоборот? Такое недреманное вмешательство в сельскохозяйственное производство способно только дезорганизовать его.

Выход виделся Чернову в другом. Нормы индивидуального землепользования должны были лишь определять, в каких размерах надел одной крестьянской семьи не ущемляет законных прав остальных. В случае же, если такая несправедливость все-таки возникла, в дело вступал механизм соответствующего эквивалентного возмещения ущерба "потерпевшему". В этих целях избыток земли сверх установленной нормы облагался особым налогом в размере среднего дохода, а собранные суммы прямо или косвенно направлялись на землеустройство тех, чьи законные права общество в данный момент затрудняется удовлетворить.

Накоплять сверхнадельные излишки становилось невыгодным, - если только высокая эффективность хозяйства не давала большего дохода. Экстенсивные способы землепользования оказывались нежизнеспособными. Чем ни шатко ни валко обрабатывать лишнюю землю, ее легче было уступить соседям или сдать органам местного самоуправления, которые привлекли бы на свою территорию крестьян из перенаселенных районов. Т.е.,

при помощи соответствующего механизма обложения крестьянских излишков, система уравнительного трудового землепользования действовала автоматически. "Уравнительная справедливость" была достигнута.

Но только уравнительной справедливости Чернову было мало. Если бы она оказалась несостоятельной с производственной точки зрения, если бы она ее прищипывала развития экономики, ее следовало бы категорически отвергнуть. Сельскохозяйственного квиетизма, нивелировки всех на каком-то застойном уровне "всеобщей посредственности" Чернов абсолютно не принимал. У программы социализации земли была прямо противоположная задача - задача экономического подъема.

Однако Чернов полагал, что принципы уравнительной справедливости экономического прогресса совсем не сдерживают. Представим себе, приводил пример Чернов, что крестьянин Никита Прохоров купил улучшенные семена и более производительные сельскохозяйственные орудия. Он, естественно, получил более высокий урожай по сравнению с крестьянином Прохором Никитиным. Будет ли "уравнительно", "справедливо" и т.д. отобрать у него в какой-нибудь форме этот излишек урожая? С грубо-потребительской точки зрения - да. А вот с точки зрения производителя, с трудовой точки зрения - никоим образом. Никита Прохоров сделал дополнительные затраты труда и капитала, он сделал такое усилие, которого не сделал Прохор Никитин. Будет "неуравнительно" оставлять это дополнительное усилие вознагражденным. Наоборот, трудовая уравнительность требует предоставления Никите Прохорову каких-то льгот по сравнению с Прохором Никитиным, который такой хозяйственной тяготы на свои плечи не принимал. Словом, есть разные виды уравнительности, писал Чернов. "Уравнительность уравнительности разнь, а иную хоть вовсе брось".

По существу же Чернов подчеркивал: "...режим демократического трудового аграрного строя никакой искусственной нивелировки, а тем более - равенства по отсталым хозяйствам, не производит; наоборот, он включает в себя бесспорную премию за хозяйственную предприимчивость, премию за хозяйственную прогрессивность..."⁴¹.

И больше того. Отказ от усиленного обложения дохода, полученного за счет эффективного ведения хозяйства, всякого рода стимулирование предприимчивости и другие предлагавшиеся эсерами способы поощрения экономического прогресса вполне

---

⁴¹ Чернов В. Конструктивный социализм. С. 132.

согласовывались с уравнилельно-трудовыми началами социализации земли. "Поступаться принципами" эсерам не приходилось. А как бы они повели себя в случае, требующем от них идеологического компромисса? Чью сторону - уравнилельной справедливости или хозяйственного просперити - они бы заняли, если бы пришлось выбирать?

Не без колебаний и доктринальных оглядок, эсеры становились все-таки на сторону здравого смысла. Они, как известно, всегда поддерживали общину, но кумира себе из нее не творили. Указывая на ее известное несовершенство в качестве "двигателя прогресса", эсеры не видели ничего страшного в том, чтобы отдельные крестьянские хозяйства вообще вышли из общины. Выделение из крестьянского "мира" они не только допускали, но даже считали целесообразным, если того требовала интенсификация земледельческого хозяйства, переход к особо ценной культуре и т.д., т.е. сама экономика.

То же самое можно сказать об отношении эсеров к аренде и наемному труду. Почему, например, крестьянское хозяйство с неблагоприятным семейным составом (нехваткой работников) не может использовать на своей земле избыток рабочей силы соседей? Или временно уступить им какую-то долю своей земли? Это было бы только нормально, замечал Чернов.

Поскольку ликвидирована монополия на землю (единственное, за что крепко держались эсеры), постольку все эти вопросы становились вопросами "не политики, а агрикультурной техники"⁴². Наша ставка в экономике - на "передовика", - так окончательно формулировал свою позицию Чернов.

Заканчивая разговор об эсеровском проекте аграрной реформы, следует отметить, что лежавшие в его основе концептуальные принципы Чернов считал универсальными. "Ущемление" государства в пользу общественности, обеспечение неотъемлемых "прав человека и гражданина" в экономике, развитие системы демократического самоуправления, сочетание начал уравнилельно-трудовой справедливости и культурно-хозяйственного подъема определяли собой не только эсеровскую программу социализации земледелия, но и соответствующие программы в области индустрии, распределения, финансов. Нормативный фундамент у них был один, и потому все эти проекты корреспондировали друг другу в главном.

Взять, к примеру, взгляды эсеров на социализацию индустрии. Тут (в отличие от земледелия) расхождений со "старым

---

⁴² Революционная Россия. 1923. N 28-29.

«социализмом» у эсеров не было. За исходный пункт своего анализа они брали капиталистическую фабрику, а обобществление промышленности рассматривали в привычных терминах концентрации и централизации. Но несмотря на «капиталистическую» специфику индустрии, схема социализации оставалась у эсеров прежней.

Когда складывалась эсеровская программа, среди многочисленных индустриализаторских школ главенствовали три концепции: государственническая, синдикалистская и кооперативистская. Первая из них рассчитывала, что после завоевания пролетариатом политической власти функции управления производственным процессом перейдут от капиталиста непосредственно к государственному аппарату. Вторая концепция, синдикалистская, настаивала на том, чтобы функции хозяйственного управления после революции были переданы в руки не государственной бюрократии, а профессиональных союзов самих рабочих. И третья, кооперативистская теория, усаживала за рычаги управления производством органы городских потребительских сообществ.

Ни одна из этих концепций конструктивным особенностям черновского проекта социализации земли не отвечала. С одной стороны, они были сугубо односторонними. «монистичными», игнорирующими многообразие жизни. С другой стороны, все они передавали исключительные права на управление общественным хозяйством какому-нибудь одному социальному субъекту, превращая его в монополиста. Но смысл социализации земли в том-то и состоял, чтобы упразднить монополию собственнического права, а не передвигать ее с места на место. Эффективное и рациональное ведение общественного хозяйства, подчеркивал Чернов, может быть обеспечено только совместным участием в экономической жизни различных социальных кругов и их взаимным контролем.

Следовательно, в области промышленности нужно было добиваться того же, что и в аграрной сфере: рассредоточения властных функций по нескольким социальным субъектам (группам и хозяйственным индивидам).

С точки зрения Чернова, социализация индустрии подразумевала функциональное «сосуществование» профсоюзов, кооперации и государства. Профессиональным союзам при этом отводилась роль организаторов производства, регулирующих его условия, механизм и т.д. К кооперации отходила область распределения и потребления материальных благ; она отвечала за составление точных производственных заданий и контролировала их выполнение. Государство занималось более широким кругом

проблем. Оно не только обеспечивало безопасность общества в целом и развитие его инфраструктуры, но и выступало арбитром в спорах между профсоюзами и кооперацией. Фактически оно превращалось из самодержца в мирового посредника, а его функции состояли главным образом в размежевании сфер влияния и согласовании конфликтующих интересов.

По мысли Чернова, такая система функциональной демократии в индустрии соответствовала всем требованиям, предъявлявшимся эсерами к социализации. Она была в достаточной степени негосударственнической и децентрализовано-демократической. Она "по-справедливости" гарантировала каждому человеку соблюдение его неотъемлемых прав - производителя, потребителя, гражданина. Она максимально способствовала росту общественного самоуправления и т.д. (Более предметную разработку программы социализации индустрии Чернов заимствовал в австромарксизме, главным образом у О.Бауэра⁴³).

В общем, сопоставляя предложенные эсерами проекты переустройства земледелия и индустрии, можно было сказать, что "операционный план" построения социализма выходил у Чернова довольно цельным и стройным.

Цели и средства

С составлением "операционного плана" реконструкции экономики работы Чернова по "конструктивному социализму" подходили к концу. Чернов выяснил (или, во всяком случае, ему так казалось), что надо делать в ближайшую историческую эпоху - и в смысле "собирания" социализма в высокую тотальность, и в смысле непосредственных практических шагов по его устраниению. Чернов разъяснил также, как все это нужно делать - и под углом зрения аграрной тематики, и с позиций исторического активизма и т.д. Здесь Чернов мог бы поставить точку.

Но жизнь точку ставить не позволяла. Практика пореволюционного развития в России актуализировала все новые и новые вопросы, которые объективно имели куда большее значение, чем конструктивная проблематика Чернова. Спорадические, но настойчивые попытки большевиков затащить Россию в социализм силой со всей остротой поставили на повестку дня главный вопрос - о цене общественного прогресса. Какую плату социализм - в том числе самый что ни на есть "конструктивный" - потребует

---

⁴³ См.: Bauer O. Der Weg zum Sozialismus. Berlin, 1919.

от народа? Не чреват ли любой социализм гильотиной? И не увенчается ли его построение очередной диктатурой, пускай и под новым флагом?

Откликаясь на эти умонастроения, Чернов считал необходимым специально остановиться на гуманистическом характере своего социализма. Ни конструктивный идеал, ни пути к нему не имеют ничего общего с диктатурой, насилием, авторитаризмом - вот отныне центральный тезис Чернова.

Он постоянно подчеркивает, что его идеология - это идеология демократического социализма, "...раскрывающего человеческую личность для свободного, всестороннего развития и достигающего своих целей через организованную сознательную деятельность и творческую активность трудовых масс".

По любому поводу (а часто и без повода) он упоминает, что свобода и политическая демократия всегда являлись для социалистов-революционеров абсолютной ценностью, самоценностью, превращать которую в простое средство для чего-то другого ошибочно и опасно.

Он обращает особое внимание своих читателей на то, что "...социализм без свободы есть тело без души. ... А свобода и демократия - чистая, последовательная, неурезанная и не подмененная ограничительными эпитетами - синонимы".

Чернов вновь и вновь отмечает, что "наш социализм есть именно социализм через самодеятельность трудящихся масс, через народовластие".

Он упорно прослеживает неразрывную связь личностного начала с принципами свободы.

Он настаивает на том, что только полная свобода мысли, полная независимость научных исследований, неограниченная возможность политического и религиозного выбора и т.д. совместимы с демократией.

Он непрерывно повторяет, что "краеугольный камень демократии - свободная, равноценная с другими личность, как таковая".

Он напоминает, что его социализм покоится на массовом демократическом принципе, согласно которому новое общество, в процессе своего осуществления, является движением огромного большинства в интересах огромного большинства.

"Революционная Россия" регулярно поясняет, что при социализме каждый отдельный человек будет пользоваться не меньшей, чем при капитализме, а большей свободой.

Чернов не устает писать, что "для социалистов-революционеров в центре их системы стояла человеческая личность, верас-

творимая без остатка ни в "обществе", ни в "нации", ни в "классе". Личное творчество, элемент индивидуальности и инициативы для них были неразрывны со свободой".

И опять: свобода - душа социализма. И еще раз: личность, демократия, свобода должны стать отправным пунктом обновления русского социализма. И снова: социалистический идеал - всестороннее развитие свободной творческой индивидуальности⁴⁴.

Той же, в сущности, цели - обеспечения личности свободой демократического пространства - служила и вся экономическая программа Чернова.

Вспомним черновский проект социализации индустрии. В чем состоял его подлинный смысл? Да только в том, чтобы распространить неотъемлемые права человека из политической области на сферу общественного хозяйства. "Ни государство, ни синдикат, ни кооператив, как бы они друг друга ни уравновешивали и ни дополняли, ни порознь, ни вместе не могут превратить хозяйственных благ в игрушку своего произвола, а хозяйственного индивидуума в свою пассивную пешку, - писал Чернов о своей программе. - Личность должна быть всесторонне охвачена всеми видами общественных соединений и группировок именно для того, чтобы создать вокруг нее достаточно гибкую и эластичную социальную среду, именно для того, чтобы дать ей максимальную свободу движений"⁴⁵.

И последнее, что нужно сказать о "конструктивном социализме" Чернова. И требования политико-хозяйственной демократии, и разрушительные результаты большевистского командования экономикой, и созидательная нацеленность концепции Чернова привели его к знаменательной мысли о том, что путь к "конструктивному социализму" не может не быть реформистским. Только глубокий, революционный и т.д., но все-таки реформизм в состоянии провести общественное переустройство, минуя Сциллу деструктивного якобинства, полагающегося на одно неприкрытое насилие, и Харибду мелкотравчатой филантропии, озабоченной поддержанием сил "рабочей скотинки". Методологией "конструктивного социализма" Чернова выступал социал-реформизм.

Иллюстрируя эту свою идею, Чернов обращался к условиям социализации индустрии. Когда там возможна успешная

---

⁴⁴ См.: Революционная Россия. 1921. N 2. С. 13; N 3. С. 14; N 6. С. 6; N 11. С. 12, 14; 1923. N 30. С. 13, 16; N 32. С. 29; 1925. N 41. С. 39; 1926. N 47. С. 16.

⁴⁵ Чернов В. Конструктивный социализм. С. 304.

"экспроприация экспроприаторов"? Очевидно тогда, доказывал Чернов, когда общественно-необходимые функции буржуазии целиком перейдут к рабочему классу, научившемуся отправлять их еще более эффективно. И вся соль проблемы состоит "... именно в фактическом замещении, а не в юридической экспроприации; последняя неминуемо сорвется, если первое недостаточно подготовлено; и, наоборот, она удастся, если оно обеспечено и фактически предшествует юридическому узаконению"⁴⁶.

Но готов ли пролетариат к немедленной смене своей объективной роли в производстве? Нет, он к ней не готов совершенно. Управлять производством рабочий класс еще не умеет. При капиталистическом строе он является пассивным придатком к производственному механизму, а "придаток" никогда не способен охватить своим взглядом "целое".

Пролетариату, поэтому, необходимо помышлять не о скорейшей экспроприации буржуазии, а о том, чтобы хорошенько у нее поучиться, - хотя бы и на правах "младшего компаньона" с ограниченной ответственностью. Понятно, что и такого положения рабочему классу будет добиться нелегко. Но - возможно. Он уже выработал в себе достаточно сильную классовую организацию, способную за него постоять. Под напором профессиональных союзов буржуазия скорее отдаст часть своих прав пролетариату, чем согласится на неизбежные в противном случае производственные конфликты. И тогда - дело за пролетариатом.

"Рабочий класс постепенно войдет во все "тайнства" управления современным многосложным капиталистическим предприятием, освоится со своей ролью участника в деле, приобретет необходимые навыки и специальные сведения. От него самого будет зависеть, по мере собственного духовного роста, скорее перерасти свое первоначальное подчиненное и скромное положение. Опираясь на мощь своей профессиональной организации, рабочий будет все более и более расширять права контроля над производством, отбирать у фабриканта одну деловую функцию за другой, пока, наконец, у фабриканта не останется, в сущности, более никаких существенных полезных функций. Только тогда будет легко отнять у фабриканта и его последние - собственно-чужие права"⁴⁷.

Так, без революционного насилия, кровопролития и гека-томб, виделся Чернову процесс построения его "конструктивного

---

⁴⁶ Чернов В. Конструктивный социализм. С. 372.

⁴⁷ Чернов В. Конструктивный социализм. С. 371.

социализма" - социализма активистского, универсального, практически-прикладного, демократического и реформистского.

* * *

Как оценить концепцию Чернова сегодня?

Не нужно быть особенно прозорливым, чтобы увидеть там немало просчетов, противоречий, ошибок - на любой вкус.

Метафизическая критика вполне резонно может заметить, что методология позитивизма, лежавшая в основе концепции Чернова, влияла на его "конструктивный социализм" не всегда "позитивно".

С одной стороны, позитивизм обеднял конструктивную теорию Чернова. За, безусловно, краеугольными для социализма вопросам освобождения труда в ней как-то терялись все другие проблемы, и порой немаловажные. Так, например, из нее совершенно выпадали "проклятые вопросы" философии, а вместе с ними - колоссальной сложности внутренний мир человека. Социализм представлялся Чернову (правда, в то время не только ему) в виде сгустка общественных отношений - и все. "Сокровенный человек" и человеческий идеал до крайности разводились. Задачу осмысления социализма как объективации всего богатства субъективного духа Чернов даже не ставил.

С другой стороны, свойственная позитивизму тяга к всеохватывающему синтезу научного знания тоже не лучшим образом сказывалась на взглядах Чернова. Пытаясь создать универсальную и чуть ли не законченную систему социализма (как он ее тогда понимал), Чернов, в сущности, дискредитировал эвристическую ценность своей первоначальной установки: больше эмпирии, больше критицизма. В борьбе между доктриной и методом чаще всего побеждает догматизм и Чернов здесь не исключение. "Конструктивный социализм" невольно превращался в самодовлеющую систему, способную объяснить все и вся и потому абсолютную. Всякий другой, "неконструктивный", социализм оказывался рядом с ней беспочвенным, несостоятельным, мнимым.

Формально-логический анализ теории Чернова справедливо укажет на наличие в ней внутренних несоответствий. Как, хотя бы, состыковать ставку Чернова на "исторический активизм" с его же "операционным планом" социализации экономики? Ведь согласно "операционному плану" путь к социализму начинается в деревне - в том числе мировой - и лишь заканчивается в городе.

Что же этому последнему остается делать, пока земледелие не переустроено на социалистических началах? Только одно: ждать, ждать и ждать. Историческая активность оборачивается для рода своей противоположностью.

В этой же связи, "социализм прошлого" мог убедительно оппорить правоту Чернова как критика Маркса. В марксизме, действительно, звучали фаталистские ноты, но слышались там и другие мотивы. Идейное наследие Маркса слишком велико и противоречиво, чтобы делать из него один плоский вывод. Никто иной, как Маркс создал знаменитые "Тезисы о Фейербахе". Именно он писал бесконечные панегирики революции, которыми зачитывались российские большевики. Не какая-нибудь, а марксистская школа подготовила целую плеяду "активистов", "волюнтаристов" и "практиков" - от Троцкого до Лукача и Грамши.

В свою очередь, "социализм будущего" может с легкостью констатировать, что тот общественный идеал, к которому стремился Чернов, в значительной его части давно устарел. Рассматривая новый строй в качестве нетоварного, безрыночного, безгосударственного и т.д., Чернов, несомненно, отдавал дань грубоутопическим традициям раннего социализма. Заряженные мировоззренческой дихотомией христианской культуры, они всю общественную жизнь эксплицитировали в двоичной системе координат: вселенское зло, капитализм, "убежище мрака" и мировая добродетель, социализм, "город солнца". Аналогичным образом определялись и содержательные черты грядущей цивилизации (не нищета, а богатство; не стихия, а планомерность; не олигархия, а власть народа и пр.).

Со временем, однако, выяснилось, что двухцветная методология социального анализа перестала соответствовать действительности. Оказалось, что на определенном этапе своей эволюции и в известных - хотя и локальных - условиях капитализм в состоянии дать большинству населения приемлемый уровень благосостояния, обеспечить обществу искомую стабильность и т.д. Вместе с тем, из практики так называемого "реального социализма" стало очевидным, что он-то как раз со своими гуманистическими задачами не справляется, и не справляется тем больше, чем меньше использует такие, казалось бы, сугубо капиталистические механизмы организации общества, как деньги, конкуренция и т.д. Перед социализмом вновь встала проблема "познать самого себя".

Революционный максимализм обратит свое внимание на то обстоятельство, что Чернов необыкновенно усложнял движение к

социализму, - и будет прав. Если уж у однобокого "индустриализма" путь к социалистическому обществу не выглядел гладким, то что говорить тогда о конструктивной модели Чернова? В ней теоретическая проблематичность социализма вообще возводилась в квадрат, поскольку двигаться к новому строю нужно было по двум дорогам - деревенской и городской. "Правый" оппортунизм обоснованно обвинит Чернова в переоценке социалистического потенциала пореволюционной эпохи или непримиримости к бывшим коллегам, "полинявшим" в розовые тона. И т.д.

Метафизика и логика, социализм прошлого и будущего, революционный максимализм и пробуржуазный оппортунизм - все они могут предъявить Чернову свой счет. И все-таки заслуги Чернова сегодня несомненно и актуальней, чем совершенные им (и зачастую неизбежные в ту эпоху) ошибки.

Замечательна сама эволюция взглядов Чернова. Начав свою деятельность в качестве горячего сторонника желябовского революционаризма с его апологией насильственных, террористических способов завоевания власти, Чернов постепенно становится убежденным социал-реформистом. Он выступает категорически против не только героизации революционного насилия, но и революции вообще. В его глазах революция превращается в какую-то ненормальность, массовую болезнь, общественный психоз, приступы которого вызываются исключительно слепым упорством деспотических держателей власти. Отныне революция рисуется ему как евангельское "время неудобноносимое"⁴⁸.

При всем том, что Чернов переживает в 20-е годы серьезную идейную эволюцию, стержень его теоретической позиции сохраняется прежним. Принципами Чернов не торговал. Под влиянием трагического опыта освобождения России Чернов мог (и, вероятно, обязан был) превратиться из социалиста-революционера в социалиста-"эволюционера", но и в том, и в другом случае он оставался социалистом. В главном, в глубокой приверженности социализму, Чернов был неизменен. И какие бы концептуальные неполадки ни обнаружились сегодня в "конструктивном социализме" Чернова, это его постоянство заслуживает уважения. А в наше время - особенного уважения.

Не менее актуально сегодня и то обстоятельство, что социализм Чернова был всецело демократическим социализмом. Чернов доказывал, что можно быть демократом и социалистом одновременно, причем тем больше социалистом, чем больше де-

---

⁴⁸ Чернов В. Рождение революционной России. С. 19-22.

мократом, и наоборот. Социализм Чернова - это социализм личности как центра, магнита, творца общественных отношений. Социализм Чернова - это социализм свободы, которая составляет качество нового строя. Социализм Чернова - это социализм народа и социализм самодеятельности народа, умеющего своими руками добиться своих интересов. Социализм Чернова - это антипод бисмарковского, сталинского и всякого другого "государственного" социализма. Это прямая противоположность бюрократизма, тоталитаризма, казарменности в любых их формаобразованиях. Социализм Чернова - это социализм не только политической, но и хозяйственной демократии, в системе которой функции управления экономикой сосредотачиваются в трудовых коллективах. Это - производительный, а не распределительный социализм. Социализм Чернова, наконец, - это социализм гармонии человека, общества и государства.

Важнейшей особенностью "конструктивного социализма" Чернова был его сознательный, творческий, а не разрушительный характер. Чернов прежде всего - строитель, архитектор, "конструктор". Его занимают совершенно иные проблемы, нежели те, которыми было увлечено тогда большинство его политических противников. Если Ленин или Троцкий свою главную задачу видят в завоевании и удержании политической власти, то Чернов думает над тем, что с этой властью делать. Власть для него - не самоцель, а средство гармонического устройства общества. Чернов настойчиво предостерегал социалистов: не ломайте старого, пока не построили нового, разрушительная работа не должна опережать созидательную. Как жаль, что эти советы вплоть до наших дней остались невостребованными.

Созидательному пафосу концепции Чернова было присуще еще одно ценное качество: ему претил любой исторический нигилизм. Чернов максимально взвешенно и осторожно относился к истории - будь то накопленный мыслительный материал, человеческий менталитет или самые устои социального бытия. Он искал в прошлом "конструктивно-конкретного", а найдя - стремился его усвоить и даже развить, невзирая на "партийную" принадлежность.

Именно так, например, Чернов строил свои отношения с марксизмом. Чернов обнаружил там несколько действительных слабостей. С одной стороны, у Маркса, в сущности, отсутствовала прикладная теория "переходного периода", а с другой - присутствовал тот самый гипертрофированный урбанизм. И что же? Чернов стал третировать марксизм? Нет, он объявил его своим

духовным истоком, потому что теория Маркса была и есть нечто большее, чем свод - пусть и серьезных - ошибок.

Несомненным достоинством работы Чернова до сих пор остается ее установка на "дсубъективацию" социализма. И не столько даже в смысле "вмешательства" социалистов в исторический ход (тут есть с чем поспорить), сколько в смысле превращения некогда пассивных социальных "объектов" в полноценных "субъектов" мирового развития.

Не один пролетариат может и должен бороться за социализм; не у одного рабочего класса есть мистическая историческая миссия; не один промышленный город (в том числе) - творец и созидатель грядущего, доказывал Чернов. Рядом с пролетариатом стоит интеллигент, а около города - деревня; кроме индустриального богатого Севера существует полуаграрный ограбленный Юг, и у каждого из них - свое особое предназначение. Только сложение их сил как самостоятельных и равноправных партнеров, только социальная полифония в состоянии освободить мир от насилия, несправедливости, нищеты, - таков был завет Чернова.

Освободить мир ... Но и Россию. Она всегда была в центре внимания Чернова, о чем бы он ни писал: о марксизме или демократии, государстве или международной политике, Ж.Сореле или нравственности. Да и весь "конструктивный социализм" был посвящен фактически одному коренному "вопросу" - России. Вопросу, дробящемуся на множество: как вызволиться России из вечной экономической отсталости? что нужно сделать для того, чтобы "государевы людишки" стали свободными гражданами свободной страны? На каком основании могут быть построены взаимоприемлемые отношения между самобытной евразийской культурой России и мировой? Такие отношения, при которых Россия не была бы ни задворками цивилизации, ни хворостом к мировому пожару, ни напыщенным "учителем жизни"?

Вопросы почти неподъемные, и тем более основателен, буквально "приземлен" был ответ Чернова: все российские проблемы могут быть решены (или, по крайней мере, их можно попробовать решить) на фундаменте аграрного социализма. И этот ответ, пожалуй, - главное в конструктивной теории Чернова.

Чернов многие вопросы, стоявшие в начале XX века перед Россией, понял лучше, чем другие социалисты. Назовем хотя бы вопросы автономности человека, "демократического анархизма" или, позднее, критики Октября. В этом - его неоспоримая заслуга. Но Чернов вряд ли занял бы подобающее ему место в пан-

теоне социализма, если бы не предложил достойного решения еще одной важнейшей для России проблемы - аграрной.

Даже если оставить в стороне большинство ее многочисленных ипостасей - экологическую, культурную, психологическую и другие, которые Чернов анализировал с присущим ему мастерством, то все равно его вклад в осмысление аграрной темы в России трудно переоценить. В то время, когда сначала разрабатывалась "научно", а затем осуществлялась практически концепция Преображенского-Троцкого-Сталина, согласно которой "первоначальное социалистическое накопление" имело своим необходимым условием всенно-феодалную эксплуатацию крестьянства, Чернов говорил о приоритете земледелия в аграрной России. В то время, когда замышлялась и торжествовала политика насильственного огосударствления крестьянского труда, хозяйства, кооперации, Чернов писал о "тупиках аграрной несвободы". В то время, когда в лучшем для земледелия случае - предлагалось мягко, но уверенно втоптать его в социализм на пролетарском буксире, Чернов проповедывал принципы саморазвития крестьянской России...

Сегодня, разумеется, калькировать аграрную концепцию Чернова - занятие непродуктивное. Она писалась в другую эпоху и имела в виду вполне определенные цели. В частности, одной из ее центральных задач являлось предотвращение земельного голода в России, и именно под эту задачу подводилась, например, идея уравнительного землепользования. Сейчас говорить о земельном голоде не приходится, сейчас в России - голод на крестьянина. Тому, кто в наше время захочет примерить аграрную программу Чернова, предстоит немало потрудиться.

Но изменение социально-исторической обстановки в России за 70 лет ничуть не подорвало, и даже значительно усилило, правоту аграрной позиции Чернова в целом. Сам принципиальный подход Чернова к земледелию как альфе и омеге экономической (да и не только экономической) политики, оправдался вполне. Оправдался, правда, с обратным знаком. Требование приоритетного развития аграрного сектора общественной жизни актуально, увы, и поныне.

...О достоинствах "конструктивного социализма" Чернова можно еще говорить и говорить. Можно вспомнить о конкретно-политическом преломлении концепции Чернова в 20-е годы: его практическая программа была тогда, вероятно, наиболее прогрессивной. Можно расширить тематику "конструктивного социализма" включением в нее профсоюзных или национальных проблем и констатировать, что по их поводу Чернов писал тоже серь-

езно и небесталанно. Можно специально остановиться на том значительном позитивном влиянии, которое оказала конструктивная теория Чернова на социалистическую эмиграцию.

Но, кажется, ясно и так: "конструктивный социализм" Чернова содержал в себе немало интересных идей, ценных выводов, смелых и обоснованных гипотез. История, однако, ничего из этого богатого духовного арсенала не реализовала. "Конструктивный социализм" в России не состоялся. А может быть, и не мог состояться. Все-таки Россия...

А закончить статью, в этой связи, хотелось бы еще одной цитатой из Чернова. "Испокон веков и доныне стоят они лицом к лицу - человек и... мировая загадка. И лишь частными формами ее являются - те загадки, которые история на самых крутых своих поворотах и самых высоких перевалах загадывает участникам, - истые загадки сфинкса, вокруг которых веет зловещим холодом предупреждения, "отгадай меня, или я тебя поглочу". Та загадка, над которой все мы бились, была - русская проблема...

Ее не разгадали ни мы, которые за это заплатились утратой наших с бою в России захваченных позиций, но сохранили свой морально-политический облик, - ни большевики, которые сохранили позиции, но лик свой утратили. Ее доселе разгадывают и европейский Запад, в настороженном ожидании всяких неприятных сюрпризов, и азиатский Восток, окрыляемый смутными надеждами..."⁴⁹.

---

49 Революционная Россия. 1926. N 49-50. С. 8.

Политико-экономическая платформа российского неонародничества в 20-е гг.

Концепция "конструктивного социализма", коротко обрисованная в предыдущей главе, давала достаточно полное представление о социально-философских взглядах российского неонародничества 20-х гг.¹. Однако только теоретиками, - а тем более кабинетными учеными *par excellence* - эсеры никогда не были. Они были еще и партийными функционерами, практическими деятелями социально-революционного направления в социализме. Направления, напомним, некогда весьма популярного, миллионного, а одно время даже полувластного и в этом своем качестве - неизбежно прагматического.

Другими словами, неонародники были еще и "реальными политиками". А какой политик не знает настоящей цены изречения "довлест дневи злоба его"? Проблема конкретного "здесь и теперь" волновала их нисколько не меньше, чем самые грандиозные проекты грядущего преобразования мира.

Поднимемся вслед за неонародниками на ступеньку "реальной политики" и очертим приблизительный круг интересующих нас вопросов. Была ли у эсеров позитивная программа (и в первую очередь экономическая), разработанная ими именно для России, и не просто для России, а для конкретной России 20-х годов? Или вся их мыслительная энергия была израсходована в экзерсисах по теоретическому конструированию? Если же такая платформа у эсеров имелась, то как она соотносилась с их идеологией "конструктивного социализма", т.е. была ли сама "конструктивной"?

Это особенно важно: была ли она жизнеспособной и плодотворной? Каким образом, - ну хотя бы гипотетически, - могло отреагировать на ее воплощение главное "действующее лицо" исторической драмы того времени - Россия? Восхождение от аб-

---

¹ Здесь и далее речь идет о так называемых "партийных" эсерах, группировавшихся вокруг фигуры В.Чернова, - в отличие, скажем, от "правых" или осколков "левых" эсеров.

страктного к конкретному вообще, а переход с уровня методолого-теоретических умозрений на уровень политически верифицируемой практики в особенности, чреват непредсказуемыми последствиями для любой социальной философии и любого мыслителя. Одно дело - по возможности связно и убедительно артикулировать проект своей "новой гармонии", и во многом другое - попробовать его материализовать. Переступить порог здесь всегда трудно, можно споткнуться. Ведь когда еще было сказано: гладко было на бумаге, да забыли про овраги - а по ним ходить ...

Как справились с этой задачей неонародники?

На первые вопросы можно ответить сравнительно легко. Да, у эсеров имелся конкретный "операционный план" экономического возрождения России 20-х гг. И хотя степень его детализации с годами естественным образом понижалась (как ввиду почти полной политической не востребоваемости, так и вследствие энергичных структурных изменений в общественном хозяйстве) и план этот все более превращался из "операционного" в стратегический, своего инструментализма, т.е. практической применимости, он до конца все-таки не растерял.

То, что симптомы "раздвоения личности" у Чернова и К^о отсутствовали, тоже можно сказать сразу и определенно. Их политико-экономическая программа последовательно проводила в жизнь (а чаще предвосхищала) те теоретические постулаты, которые позднее сформировались у Чернова в "конструктивном социализме". С остальными вопросами надо разбираться.

Начать, видимо, следует с возвращения к концептуальному контексту экономической стратегии эсеров.

Политическая идеология экономической реформы

Составляя свою программу, неонародники имели в виду сориентировать ее по меньшей мере по трем базовым координатам. Вектор первый: программа должна была принять во внимание магистральное направление политико-экономической эволюции мира в средне - и долгосрочной перспективе. В противном случае, проект экономической реформы, принятый к исполнению, мог обречь Россию на незавидную роль аутсайдера исторического прогресса. Вектор второй, чтобы не остаться сугубо декларативной и абстрактной, платформа должна была точно определить главное препятствие на пути своего осуществления - и в первую очередь в России. Третий, программа обязательно должна была опереться на сравнительный классовый анализ обще-

ственно-политической ситуации в России, включая сюда и прогноз возможной расстановки социальных сил в ближайшую историческую эпоху. Без такого предварительного анализа и такого устойчивого маяка программа вполне могла оказаться либо реакционной, либо несбыточно-утопической, и в обоих случаях - социально опасной.

Что касается содержательного заряда платформы, то он, разумеется, не мог не принять социально-революционной окраски, замешанной на всех по существу важнейших компонентах народнического вероучения.

Вот как это выглядело для неонародников в суммарном виде.

Мировая динамика рассматривалась ими с точки зрения объективно приближающейся, хотя и весьма пока что далекой, эпохи окончательного торжества социализма. В ходе мировой войны и послевоенных попыток санации производства буржуазный строй себя напрочь дискредитировал, убедительнейшим образом доказав, что капиталистические способы организации общественной жизни полностью исчерпаны. Ничего, кроме угрозы социальной дистрофии, прогрессирующей деградации важнейших общественных институтов и скорого коллапса системы, капитализм человечеству не несет.

Рассуждая по гамбургскому счёту, он исторически обречен, и его производственным сменщиком рано или поздно станет социализм, т.е. такая модель экономического устройства социума, в которой общественное хозяйство выступает в качестве единого, гармонически упорядоченного, планомерно организованного и централизованно регулирующегося "комбината"².

В этом генеральном наступлении зарождающегося социализма на бастионы старого миропорядка и состоит новизна наступившей эпохи, по основному содержанию своему - переходной.

На занимающем все ее социальное пространство и время пентакле - "схватка титанов", претендующих не меньше, чем на мировое господство.

Ее крупнейшее достояние - постепенное созревание материальных предпосылок социализма и апробация новых технологий экономического регулирования ("организационная стадия" капиталистического роста с уже обозначившейся на ней ролью государства в качестве эффективного инструмента управления социальным хозяйством).

---

² См.: Чернов В. Конструктивный социализм. С. 37, 94-95, 219 и др.

Ее регрессивное качество, постоянно провоцирующее аннигиляционный взрыв общества, - империализм как агрессивная политика промышленно-развитых стран в отношении аграрной "периферии" человечества.

Соответственно, ее главные задачи заключаются: а) в последовательном ограничении сферы господства капиталистических хозяйственных отношений в пользу коллективистских, достигаемом посредством настойчивого внесения "регулирующего общественного начала" в социальную практику и б) в построении справедливой, основанной на взаимной заинтересованности и равенстве, системе расчетов между Городом и Миром.

"Эпохальная" идеологема эсеров готова, оставалось только как-то вписать в нее Россию. Что здесь?

А здесь дела с переходом к социализму обстояли из рук вон плохо, ну просто скверно. Прежде всего, экономика. Ее основа - крестьянское хозяйство - под пятою большевиков оказалась совершенно разоренной и влачила первобытное существование. Вакханалия экспериментирования властей с фабрично-заводской промышленностью не только ничего не достигла в смысле установления там новых прогрессивных экономических отношений, но и заметно снизила производительность индустриального труда даже по сравнению с довоенным периодом. Почти вся национализированная промышленность работала себе в убыток и тяжелым бременем ложилась на государственный бюджет. Бюрократизация управленческих структур при большевиках привела чуть ли не к полной анемии торговое дело и финансы и т.д.

Впрочем, тяжелейшее состояние российской экономики, взятое само по себе, обескураживало неонародников куда меньше, чем "сопутствующие" этому положению обстоятельства. Экономика - еще полбеда. Хоть и медленно, с колоссальными материально-финансовыми издержками, хозяйственное положение страны можно было все-таки выправить, полагали эсеры - если только немедленно приступить в России к продуманной экономической реформе.

Но в том-то и заключалась вся сложность ситуации, что сугубо хозяйственными методами спасти российскую экономику было невозможно. Для ее возрождения требовалось пойти на радикальные политические решения, и таким политическим решением могло быть только отстранение большевиков от власти. Именно они - главная причина экономического развала России.

Продемонстрировав наличие крупных практических способностей в чисто политической борьбе за существование, подчеркивали эсеры, большевики проявили редкую бездарность в области

хозяйственно-организационной работы. "Для нас всегда было ясно, - писала в начале 20-х годов "Революционная Россия", - что основной причиной неизбежного краха большевизма является его органическая неспособность к социальному строительству, глубокое бессилие в деле организации народного хозяйства в соответствии с условиями и особенностями русской жизни"³. В положительном творчестве большевики оказались совершенно несостоятельными.

Да и о каком положительном творчестве, о какой эффективной организации хозяйства и подъеме экономики могла идти речь, если общество было превращено в казарму? Непременным условием процветания экономики, замечали эсеры, является "... свобода личной и общественной самодеятельности, целесообразно согласованная с интересами и волею большинства"⁴.

Обстановка в России соответствовала этому условию с точностью до наоборот.

Следовательно, до тех пор, пока у власти находились большевики, рассчитывать на экономическое возрождение России не приходилось. А если невозможны были восстановление и прогресс экономики - было немыслимо и подключение России к общецивилизованному потоку, двигавшемуся - по неонародникам - в направлении к социализму. ...Пренеприятнейшая для большевиков коллизия; оказаться палачами своего собственного исторического идеала - социализма.

Итак, возрождению экономики (а шире - диалогу России с эпохой) мешает большевистский режим. Он - камень на шее России и русского социализма. При первой же возможности его следует уничтожить.

В чьих это классовых силах? И кто будет хозяином завтрашнего дня? И, значит, на чью хозяйственную энергию должна в первую очередь настраиваться программа экономической реформы?

Эсеры доказывали, что в новой, пореволюционной России доминирующее социальное положение может принадлежать только трудовым классам - пролетариату и крестьянству.

Старую буржуазию (как и земельное дворянство) революция вырубил под корешок, а новая в 20-е годы только формировалась. Ее удельный вес в стране был ничтожен: своего классового лица она не имела и претендовать на какую бы то ни было направляющую роль в обществе она долго еще не могла. Даже если

---

³ Революционная Россия. 1921. N 3. С. 2.

⁴ Там же. 1926. N 53. С. 5.

русская промышленность восстановится до уровня довоенной, предсказывали эсеры, буржуазный класс все же будет относительно слаб в социальном отношении, ибо и при прежнем порядке он не представлял собой первенствующей экономической силы в России, основой хозяйства которой испокон века служило земледелие. После революции Россия стала еще более земледельческой страной, чем была, а в процессе ее экономического возрождения восстановление сельского хозяйства неизбежно будет совершаться быстрее, нежели рост городской промышленности.

Бесперспективным выглядело положение русской буржуазии и с точки зрения ее возможной социальной поддержки. О пролетариате как опоре буржуазии говорить не приходилось, городского среднего класса в России практически не существовало, а с крестьянством русский капитал был всегда на ножах. Последнее обстоятельство эсеры подчеркивали: в России, в отличие от Запада, деревня боролась за землю и волю не рядом с буржуазией, а против нее, и рассчитывать на короткую историческую память крестьянства и его сближение со своим давним политическим антагонистом не было никаких оснований.

Другое дело - социальная роль трудового крестьянства и пролетариата в России. С одной стороны, они больше всех других слоев общества были заинтересованы в незамедлительной ликвидации большевистской власти. "...Экономическая система так называемого государственного капитализма, - писали эсеры о большевистской России, - держится на жестокой эксплуатации труда городского пролетариата и крестьянства, эксплуатации не меньшей, если не большей, чем та, которая существовала во время самодержавия. Рабочие и крестьяне... заинтересованы в упразднении этой уродливой системы и того политического строя, который ее поддерживает"⁵.

С другой стороны, беспощадная эксплуатация большевистским режимом порождала у пролетариата и крестьянства сознание экономической солидарности их интересов. В свою очередь, экономическая солидарность интересов делала неизбежной практическую солидарность трудовых классов России, вырабатывала у них общий политический идеал - народовластие. И рабочий класс, и трудовое крестьянство все отчетливее начинали понимать, что только строй широкого народовластия, обеспечивающий права и свободу личности, самодеятельность масс, откроет возможность возрождения народного хозяйства на началах на-

---

⁵ Революционная Россия. 1923. N 32. С. 28.

и больше соответствия интересам труда и национального производства.

Словом, политические цели пролетариата и трудового крестьянства фактически совпадали, а "когда мы едины, мы непобедимы". Именно союз трудовых классов России обладал той необходимой социальной силой (9/10 экономически активного населения), которая требовалась для свержения большевизма и строительства новой жизни. Добавьте сюда богатейший политический опыт трудового народа, его растущую - в условиях наступления новой буржуазии - энергию и т.д., и вывод о том, на кого следует делать ставку в России, станет до очевидности ясен⁶.

Но сказать, что будущее России определяют трудовые классы вообще, - значит сказать слишком мало, предупреждали эсеры. В трудовом блоке имеется сила, которую можно без преувеличения назвать первой среди равных, - и по ее историческому праву в России, и по ее экономическому потенциалу. Первой является она и по своему новому революционному статусу.

При царизме, писали неонародники в середине 20-х годов, исходной точкой революции было движение героического интеллигентского авангарда, к которому позднее присоединился городской пролетариат и лишь под их двойным влиянием на самом последнем этапе освободительной борьбы в дело включилась деревня. Теперь же борьба разворачивается в обратном порядке: первым оправилось от потрясений и начало давить на власть крестьянство, только-только стал подавать признаки жизни пролетариат и почти что безучастной к происходящему остается интеллигенция. Таким образом, инициатором и лидером антибольшевистского движения стала деревня.

И это понятно. Большевистский режим поставил пролетариат в положение двойной зависимости: политической и экономической. Политическая диктатура, наиболее прочная и устойчивая как раз в городских центрах, дополнялась экономической диктатурой на фабриках и заводах, так что рабочему классу требовались поистине титанические усилия, чтобы подняться с колен. Не легче приходилось интеллигенции: ее экономическая зависимость от властей, при индивидуалистическом характере умственного труда, была еще полнее и безусловней, чем у пролетариата. К тому же, активному подключению интеллигенции к освободительной борьбе с большевизмом никак не способствовали факторы морально-психологического характера, которые, как известно, не в последнюю очередь определяют линию социального

---

⁶ Революционная Россия. 1923. N 32. С. 28.

поведения "белых воротничков". Сюда относились и накопленная за годы красного террора внутренняя усталость, и духовное опустошение, и своеобразно сочетавшиеся у российской интеллигенции настроения разочарованности в революции с преклонением перед несокрушимостью большевистской силы.

В подобных условиях естественным руководителем сил трудовой демократии в России было, по заключению эсеров, крестьянство. "Экономическая независимость крестьянина, которую не удалось взять в железно ни продразверсткой, ни системой принудительной организации посевов, вместе со слободностью тонкой коммунистической прослойки в провинции, дают ему более свободные руки для борьбы за свою самостоятельность..."⁷. Удельный вес крестьянского хозяйства в экономике страны, достаточно высокая социальная сплоченность деревни, ее традиционное упорство и т.д. тоже говорили сами за себя.

Теперь идеологическая преамбула экономической платформы неонародников определилась вполне. Направление экономических реформ в России должно соответствовать общему направлению мирового развития - к социализму. Цивилизационный опыт следует максимально учесть и в самом процессе хозяйственной реконструкции, - в особенности, необходимо обратить внимание на повседневную практику государственного регулирования экономики.

Ближайшим результатом реформ должно стать создание хозяйственных предпосылок социалистического общежития в стране. (Подчеркнем: не самого социализма, который России пока не по зубам, а именно его экономического фундамента). Другим важнейшим следствием перестройки хозяйства должно явиться усиление национальной независимости России - до такой степени, при которой страна сможет эффективно противодействовать агрессивной политике империализма.

Предварительное условие начала реформы в России - ликвидация большевистского режима. Эту революционную работу история в очередной раз взваливает на плечи трудового народа - крестьянства, рабочего класса и интеллигенции, причем первую скрипку в освобождении России от большевизма будет играть деревня. Она же выступит и интегральной, системообразующей единицей проектируемого хозяйственного устройства страны.

Что касается политической организации постбольшевистской России, то общество, наконец, получит возможность вопло-

---

⁷ Революционная Россия. 1925. N 44. С. 23.

тить в жизнь свой давний и выстраданный идеал - широкой (в основном крестьянской) трудовой демократии, народовластия.

На заключительном выводе эсеровской концепции экономической реформы (относительно народовластия) следует остановиться более подробно. Дело в том, что этот демократический императив имел к экономической платформе эсеров более тесное отношение, чем кажется поначалу. Для Чернова же он не только играл роль политической рамки, в которой должен был функционировать тот или другой экономический механизм, но и служил важнейшим принципом организации самого общественного хозяйства.

Проиллюстрируем сказанное одним показательным примером.

В 20-е годы среди эсеров отсутствовало единство по вопросу, который, вообще говоря, определял самую сущность их политической стратегии: о природе будущей власти в России. Часть партии явно тяготела к левозесеровскому толкованию проблемы, согласно которому на место большевистского эстеблишмента должен был заступить, по терминологии Н. Михайловского, не "народ, как совокупная нация", а "народ, как совокупность трудящихся классов". В этой связи, система государственной власти в свободной России ассоциировалась у левозесеров не с неким "абстрактным" в их глазах народовластием, а с "конкретным" (и даже слишком конкретным) трудовластием.

Со страниц "Революционной России" читателю время от времени сообщалось, скажем, что "юридические формы народовластия должны осуществляться через фактическое трудовластие"; что "абсолютное народовластие должно быть и абсолютным трудовластием"; что конечной целью противобольшевистской борьбы является, конечно, народовластие, но народовластие, понимаемое в смысле "не буржуазной, а трудовой демократии" и т.д.⁸.

Чернов был последовательным противником подобного взгляда. Когда "Революционная Россия" в очередной раз выступила с его пропагандой, Чернов опубликовал статью, в которой решил поставить все точки над i.

"Революционная Россия" писала тогда: "в стране, где в основу политического и социального строя, не на бумаге только, а в действительности, положен был бы труд, где было бы сделано все необходимое для того, чтобы труд обеспечивал благосостояние граждан, а не обрекал бы их на нищету и голод, в такой стране

---

⁸ См., например: там же. 1921. N 3. С. 14.

было бы актом правомерным, несколько демократическим принципам не противоречащим, устранение от участия в государственном управлении элементов населения, не желающих добывать средства к жизни общеобязательным трудом и предпочитающих вести паразитическую жизнь⁹.

В основе этой идеи, отмечал Чернов, лежит перевернутый вверх ногами принцип имущественного ценза: раньше богатство служило источником политических прав, а теперь его рекомендуют превратить в источник политического бесправия. До революции неимущие классы лишались избирательных прав эксплуататорами, после революции следует лишить избирательных прав "нетрудящихся". Раньше была "плутократия" - теперь пусть воцарится "эргократия"...

Победа концепции трудовластия, доказывал Чернов, равносильна победе полного правового нигилизма, тесно связанного с нигилизмом морально-политическим. Если в период слабости революции мы будем апеллировать к свободе, всеобщему избирательному праву и т.д., а завтра, во время нашего окончательного торжества, станем проповедовать необходимость их "трудового" ограничения, то чем, спрашивается, наша политическая мораль выше морали бушмена, который простодушно говорил: зло - это когда у меня кто-нибудь украдет жену; добро - это когда я украду у другого его жену?

С практической же точки зрения, теория трудовластия таит в себе колоссальную общественную опасность. А именно - опасность безграничного произвола в определении объекта понятия "буржуазных элементов", подлежащих исключению из участия в управлении. При желании, в разряд "буржуазии" можно зачислить хоть кого: от огромной части интеллигенции (как "монополистов умственного капитала") до чуть ли не всего крестьянства... В общем, под прикрытием лозунгов эргократии и интересов революции "... нетрудно лишить всяких политических прав подавляющее большинство населения, и тем самым осуществить жесточайшую диктатуру, несноснейшую "просвещенную тиранию" меньшинства"¹⁰.

В ходе своей многовековой эволюции человечество выработало и использовало разные способы противодействия установлению диктатуры, но самым эффективным из них неизменно оказывалась демократия. Почему? Да потому, что ее смысловой перевод - даже не "власть народа", а "человеколюбие".

---

⁹ Революционная Россия. 1923. N 30. С. 5.

¹⁰ Там же. С. 10.

Сакральное ядро демократии - человек, человек во всем многообразии его определений. Для нее индивидуум "существует не только как производитель, занимающий то, а не другое место в системе хозяйственного разделения труда, не только как потребитель, не только как член известной национальности и участник той, а не иной научной культуры, не только как человек известных религиозных (или антирелигиозных) убеждений, и т.д., и т.д., но просто как центр, как ... средоточение всех этих многообразных социальных связей и отношений, как существо мыслящее, чувствующее и стремящееся, влагающееся в общечеловеческие всеми своими ресурсами и претендующее на полноту бытия..."¹¹. По одному этому своему социальному статусу (специфического атома общественного) любая личность для демократии представляет непреходящую ценность.

"... В основе современного строя, - писал Чернов, - лежит принцип личности, принцип человеческой индивидуальности. Не избранной только личности, а каждой, всякой, принципиально принимаемой за равноценную со всеми другими. Личность, индивидуум есть нечто неповторяемое"¹².

Итак, фундаментальной ценностью демократии является автономная и уникальная в своей индивидуальности личность. Это она - "огонь, мерцающий в сосуде". Здесь - действительная содержательная наполненность демократии.

Отсюда же исходит демократия и с точки зрения своих формально-институционных принципов. Ее основная задача заключается в том, чтобы согласовать, упорядочить, гармонизировать в некую сравнительно стабильную целостность все противоречивое множество человеческих волей. Демократия организует общественное бытие на основе сознания и разума всех равноправных субъектов социального творчества. В прикладном отношении, поэтому, демократия может быть названа механизмом (формой) рационализации человеческой жизни, - как общественно-политической, так и экономической.

Например, политическая демократия. Она имеет дело с различными индивидами и локальными группами, говорящими на разных языках, стоящими на разных ступенях культуры, причисляющими себя к разным национальностям и различным профессиям и т.д. Она, следовательно, фокусирует свое внимание на том, чтобы гармонизировать и примирить интересы государственной власти и местного самоуправления, города и деревни,

---

¹¹ Революционная Россия. 1923. N 30. С. 13.

¹² Там же. С. 11.

территориальных автономий и национально-корпоративных образований, централизации и федерализма. Причем примирить не на словах, а по существу, т.е. в максимальной степени удовлетворить притязания различных сторон, - не нанося, конечно, ущерба стабильности, безопасности и развитию данного социального организма в целом. "Подлинная политическая демократия, - писал Чернов, - есть развернутая система взаимосогласованных прав и функций большинства и меньшинства, общества и личности, центра и периферии, государства и национальности..."¹³.

Сквозь призму этой "подлинной" политической демократии концепция трудовластия выглядела для Чернова совершенно неприемлемой. Вместо уважения неотъемлемых прав каждого члена общества - превращение целых слоев населения в объект управления, вместо свободного соревнования политических волей - монополизм одной, вместо согласования интересов - подавление неудобных. "От трудовластничества, в смысле возврата к системе политических цензов... - надо отмежеваться самым недвусмысленным образом", - призывал Чернов своих товарищей¹⁴.

Сказанное, кстати, вовсе не означало, что Чернов выступал против собственно трудового начала государственности, против трудовой личности или "трудовой" демократии. Напротив, в качестве социалиста он был их убежденным приверженцем. Но - всему свое время. "Трудовая" демократия, по убеждению Чернова, должна создаваться не исключением буржуазии из числа полноправных граждан, а постепенным включением "нетрудящихся" в новую общественную систему.

"Пока социализм еще не смог создать развернутой трудовой общественной системы... - размышлял Чернов по этому поводу, - до тех пор он не созрел, и вымещать свою незрелость на тех, кто не приобщен к тому, чего не существует, чего создать еще не удалось - несправедливо и нелепо. Если в данном обществе существуют оплачиваемые функции, общественная полезность которых стоит под сомнением, - надо суметь их уничтожить или реорганизовать. А пока этого не сделано, наказывать людей ограничением в публичных правах за выполнение этих функций - и нелогично, и несправедливо"¹⁵.

---

13 Революционная Россия. 1926. N 47. С. 14.

14 Там же. 1923. N 30. С. 16.

15 Там же. С. 13.

Аналогичным образом - совершенно в духе "подлинной" политической демократии - Чергов подходил и к экономической проблематике.

Последовательный демократизм, подчеркивал Чернов, не может замкнуться в тесных рамках какой-то одной сферы общественного бытия. Он по своей природе универсален, системен, функционален. Завоевав себе политическую область, он должен подчинить своему влиянию экономическую жизнь - или погибнуть. Политическая и хозяйственная демократия неразделимы, как сиамские близнецы. Их общая цель - социальная рационализация, только первая перестраивает на началах человеческого разума (и опыта) сферу межгражданских, государственных отношений, а вторая - область народно-хозяйственных связей.

В отличие от политической, хозяйственная демократия оперирует не территориальными, "алгебраическими", а социально-качественными единицами, объединяющими людей по их месту и роли в производстве (в широком смысле). Но задачи у нее, в сущности, остаются все те же: с одной стороны, они заключаются в том, чтобы точно определить для каждой из этих "единиц" исторически отъеденный ей круг конкретных правомочий, с другой - найти такие организационные принципы хозяйственной конституции, которые гармонически сочетали бы всевозможные потребности свободных экономических групп.

Подлинная экономическая демократия, отмечал Чернов, есть развернутая система "... взаимосогласования прав и функций автономно организованных социально-качественных групп населения, воплощающих разные хозяйственные категории и обладающих не скованною никакими опеками и диктатурами самостоятельностью и инициативностью"¹⁶.

Хозяйственная демократия, следовательно, состоится тогда, когда будут взаимно учтены и "притерты" интересы промышленности и сельского хозяйства, государственного и частного производства, кооперации и профсоюзов, работающих и пенсионеров и т.д. А если коротко определить руководящий принцип всей этой системы, то он, по Чернову, прозвучал бы приблизительно так: внесение в хозяйственный организм планомерности и общественной регуляции.

Вот на этом концептуальном, идеологическом фундаменте и была построена экономическая программа, которую неонародники предлагали воплотить в России в 20-е годы.

---

¹⁶ Революционная Россия. 1926. N 47. С. 14.

Первый и (самый содержательный) опыт построения эсерами экономической платформы относился к началу 1921 года - периоду смены в России "военного коммунизма" НЭПом. Это обстоятельство во многом определяло пафос и характерные черты черновской платформы: задуманная как антитеза хозяйственной политике "немедленного" коммунизма (и одновременно, как своеобразная альтернатива большевистскому НЭПу), она сама зарождалась под знаком военной эпохи. Отсюда - достаточно причудливое переплетение в ней начал экономической самостоятельности и спонтанности с отчетливо выраженными силсовыми и волевыми установлениями.

И еще одно важное замечание. Как мы помним, одним из главных грехов большевистской политики хозяйственного строительства Чернов считал ее безудержный "декретный фетишизм", в соответствии с методологией которого старые формы социального быта устранялись раньше создания новых, призванных их заменить. В своей программе неонародники сознательно старались избежать повторения этой ошибки и не ломать с ходу всего того, что было создано большевиками.

"Большевистское наследие, - подчеркивали эсеры, - должно быть взято, как жизненный факт, некоторыми своими корнями настолько вросший в почву, что вырвать их раньше, чем создались на смену новые формы хозяйственного бытия, значило лишь увеличить общий хаос и хозяйственную разруху. Большевистскую организацию, или дезорганизацию хозяйственной жизни нужно принять как реальную почву, которая должна быть тщательно изучена и затем послужить основой реформаторской работы, проводимой с той бережностью, которая необходима везде, где речь идет об обращении с живою тканью социального организма"¹⁷.

Теперь можно представить саму программу. В структурном отношении она распадалась на десять экономических отделов, каждый из которых был посвящен какому-то одному специальному вопросу хозяйственной политики. Проследим их основные идеи.

Формы организации индустрии. В соответствии с духом своей экономической идеологии, большевистскому методу национализации промышленности эсеры противопоставляли концепцию ее социализации. Национализация (огосударствление),

---

¹⁷ Революционная Россия. 1921. N 5. С. 9.

предпочагая управление промышленностью путем назначаемых чиновников, в полной мере обнаруживает все слабости бюрократической системы, писали эсеры. Не только рутинность, неповоротливость, коррупция и т.д., но и чрезмерное усиление власти государства над обществом и личностью являются неизменными спутниками национализации. Социализация, в этом смысле, отличается от нее в лучшую сторону, поскольку привлекает к участию в управлении представителей организованной общественности.

Исходя из сказанного, неонародники предлагали организовать управление социализированными отраслями производства с помощью коллегий, составленных на паритетных началах - из представителей трех заинтересованных сторон.

Первая сторона - это все занятые в данной отрасли производства работники, олицетворяемые профессиональными союзами. Вторая сторона - организованные "пользователи" продукции отрасли, представленные как непосредственно потребительской кооперацией, так и, говоря советским языком, смежниками. Третьей стороной должно было явиться государство, выступающее от имени общества в целом и делегирующее своих представителей частью от финансового ведомства (интересы экономики), а частью от высших научно-технических институтов страны (интересы распространения "ноу-хау").

В компетенцию составленных таким образом коллегий программа передавала вопросы назначения "единоличных" руководителей предприятий и заключения коллективных договоров с профсоюзами; открытие, закрытие и реорганизацию отдельных предприятий; определение цен на свою продукцию в пределах государственно установленных норм и т.д.

Делегаты от этих коллегиальных управлений, вместе с крупными учеными-специалистами и уполномоченными от законодательной власти, составляли, по программе Чернова, Высший совет народного хозяйства. На него возлагались тройкие функции: по подготовке для высшего органа народного представительства законопроектов в области хозяйственной политики; по составлению научно обоснованных производственных планов для отдельных отраслей индустрии; по общему руководству и контролю за управлением социализированных секторов экономики.

Такая формула социализации, по замыслу платформы, позволяла ввести в практику экономического управления начала выборности, технической компетентности и широкого демократического контроля, что должно было предохранить производство

и от чиновничьего бюрократизма, и от подавления государством частной и общественной инициативы.

Заводская конституция. Программа отмечала, что в новых экономических условиях работники социализированных отраслей промышленности должны будут сохранить свои профсоюзы как независимые классовые организации. Соответственно, на всех предприятиях с числом занятых более двадцати должны были избираться фабрично-заводские комитеты, представляющие собой низовые органы профсоюзов. К ведению фабзавкомов отходили: контроль за точным соблюдением в предприятии коллективного договора; руководство учреждениями так называемого соцкультбыта; согласование с правлением предприятия вопросов найма и увольнения, внутреннего распорядка, системы оплаты труда и т.д. Вместе с тем, фабзавкомам отказывалось в праве прямого вмешательства в технико-экономическое управление предприятием.

В случае возникновения конфликтов между фабрично-заводским комитетом и правлением социализированного предприятия, они должны были разрешаться на коллегии данной отрасли производства или же на третейском суде, организуемом профсоюзами и корпорацией научно-технических работников.

После введения в действие всей этой фабричной конституции забастовки на социализированных предприятиях объявлялись государством и профсоюзами недопустимыми.

Что касается заработной платы работников социализированных предприятий, то она напрямую увязывалась с чистой прибылью данного производства.

Процесс социализации индустрии. В противоположность большевикам, с их методом галопирующей национализации, Чернов предлагал руководствоваться в будущей социализаторской деятельности принципами строгой постепенности и последовательности.

Поначалу планировалось социализировать те отрасли крупного хозяйства, которые, с одной стороны, имели решающее значение для всего экономического механизма страны и которые, с другой стороны, были уже подготовлены к этому процессу в рамках капитализма. Сюда относились железнодорожный и крупный водный транспорт; шахты, рудники, нефтяные разработки; металлургическая промышленность; сахарная и винокуренная отрасли производства.

В ряде секторов экономики подготовка почвы для их социализации возлагалась на чисто общественные организации: так, например, производство искусственных удобрений могло быть

быть передано, после его отчуждения государством, союзам сельскохозяйственных коопераций на началах аренды и т.д.

В недостаточно концентрированных отраслях производства социализация откладывалась. В их отношении объявлялась "подготовительная стадия" синдицирования производства под государственным контролем. "Принудительно синдицированные отрасли производства, - пояснялось в программе, - являются как бы огромными акционерными компаниями, в которые все отдельные предприниматели входят как пайщики, в доле, соответственной капитальной величине их предприятий; но отдельные предприятия перестают быть индивидуальной собственностью и могут быть расширены, сокращены или совершенно закрыты в интересах дела, без изменения положения их собственников в синдикате"¹⁸.

Государственно-общественный контроль над принудительно синдицированной промышленностью должен был осуществляться путем введения в состав ее правления, на паритетных с хозяевами началах, представителей тех же сторон, из которых составлялись руководящие органы социализированных предприятий.

Лишь после введения и укрепления этой системы принудительного синдицирования предполагалось осуществить дальнейшие шаги в направлении социализации.

Земствам, муниципалитетам и тому подобным органам общественного самоуправления программа предоставляла право на "коммунализацию" предприятий местного значения - водоснабжения, медицины и т.д.

Обязанности выкупа отчуждаемых предприятий за государством не признавалось. Вознаграждение экспроприированных владельцев (там, где оно признавалось необходимым из деловых или гуманных соображений) должно было производиться из фонда, образуемого путем специального обложения несоциализированных предприятий.

За исключением социализированных, коммунализированных и переданных общественным организациям (кооперативам, потребительским союзам и т.д.) предприятий, - вся остальная промышленность должна была быть объявлена денационализированной и предоставлялась частному бизнесу.

Такая постепенность процесса социализации объяснялась в программе необходимостью подготовить условия для безболезненного перехода экономики к высшим общественным формам,

---

¹⁸ Революционная Россия. 1921. N 5. С. 11.

а также тем обстоятельством, что трудовые классы еще долго будут вынуждены учиться управлять производством.

Торговая политика. Ее руководящим началом платформа признавала нацеленность на пассивный торговый баланс. За экспортно-импортными операциями устанавливался жесткий контроль, в том числе и со стороны ВСНХ. В области оптовой торговли наиболее существенными товарами вводилась государственная монополия. Муниципалитетам передавалось право коммунализации крупных торговых объектов - универсальных магазинов, складов, посреднических фирм и т.д.

Вне этих сфер торговля объявлялась свободной.

В интересах скорейшего восстановления экономики программа предлагала также принять меры к привлечению в страну иностранного капитала. Предпочтение при этом отдавалось не столько денежной, сколько натуральной (машины и т.д.) и организационно-интеллектуальной (специалисты) форме инвестиций. Предусматривалась и "концессионная" форма приложения зарубежного капитала, преимущественно в сфере железнодорожного строительства, производства средств производства и мелки-орации.

Снабжение. Снабжение городского населения продовольствием и организацию его распределения программа возлагала на автономную (частно-правовую) потребительскую кооперацию. Ее организация мыслилась таким образом, что все кооперативы связывались в единую систему, регулируемую районными и городскими "продовольственными управами", в состав которых включались и представители соответствующих муниципалитетов. Власти передавали кооперации пригородные сельскохозяйственные угодья и земли, обеспечивали помещениями, в случае необходимости выделяли кредиты, а взамен обязывали ее обслуживать не только своих членов, но и все городское население.

Трудовая повинность. "... Для того, чтобы в условиях, при которых наемный труд становится все более и более редким, а резерв^{наг} армия совершенно исчезает, сделать для государства возможным производство общественно-необходимых работ крупного масштаба", платформа проектировала ввести всеобщую трудовую повинность¹⁹.

Она должна была осуществляться посредством, во-первых, ежегодного призыва на шестимесячный (!) срок граждан трудоспособного возраста, во-вторых, краткосрочных периодических призывов для участия в сезонных работах (уборка хлеба и т.д.) и,

---

¹⁹ Революционная Россия. 1921. N 5. С. 12.

в-третьих, чрезвычайных мобилизаций для экстренных работ - преимущественно специалистов. Управление этой деятельностью возлагалось на ВСНХ, а в контроле за ней должны были принимать участие "корпорации специалистов" и, особенно, профсоюзы.

Жилищный вопрос. Необходимым условием для его решения программа считала выделение в городском жилищном фонде, в зависимости от назначения, трех секторов. К первому относились строения, отводившиеся для учреждений государственного или муниципального характера. Они (т.е. строения) объявлялись национальной, земской и т.д. собственностью и находились в ведении соответствующих органов. Ко второй группе зданий и сооружений относились те, которые, как поясняла платформа, предназначались для жительства "прочного оседлого населения". Предполагалось, что пользователи этих строений организуются в автономные жилищные кооперативы, объединенные в районные, городские и т.д. союзы. В их ведение отдавались и здания третьего рода, служащие для "временных жителей" города - гостиницы, общежития и т.д.

Городские строения, от пользования которых отказались как общественно-государственные учреждения, так и жилищные кооперативы, десоциализировались, т.е. передавались в частное владение отдельных лиц. Но земля под ними, подчеркивала программа, оставалась муниципальной собственностью и облагалась налогом.

Муниципалитетами устанавливалась общегражданская норма пользования жилищами, причем излишки площади подлежали дозавочному прогрессивному обложению. Нормировалась и квартирная плата.

Земельная политика. В программе подтверждалось, что земля по-прежнему остается вне общего товарного оборота, а ее высшим распорядителем признавалось все население - в лице общегосударственных, федеративно-областных и муниципальных органов самоуправления. Провозглашалось общегражданское право на землю, которое обеспечивалось, в частности, расширением сельскохозяйственных угодий посредством трудовой мобилизации.

В основу трудового землепользования закладывались принципы обложения "сверхнадельных" излишков по специальным нормам, разработанным для всех сельскохозяйственных районов и отдельных культур. (В каждом конкретном случае эти нормы исчислялись в соответствии со средним земледельческим доходом по всей России на душу занятого в сельском хозяйстве насе-

ления). Доходы, полученные за счет повышения индивидуальной производительности труда, улучшенной обработки земли и т.д., налогом не облагались и рассматривались в качестве стимула дальнейшего сельскохозяйственного прогресса. Кроме того, на основе научных данных в отдельных губерниях вводилось специальное обложение ренты.

При наличии сверхнадельного излишка в каких-то волостях, уездах и т.д., в них создавался земельный фонд, служивший для привлечения работников из трудоизбыточных регионов.

Агркультурные мероприятия. Повышение сельскохозяйственной культуры платформа в первую очередь связывала с созданием и распространением по всей России сети агрономических станций и крупных образцовых хозяйств, действующих под эгидой союзов сельских кооперативов, земства или государства. Для общего руководства их работой учреждались сельскохозяйственные комиссии, которые составлялись на паритетных началах из представителей земледельческой кооперации, опытных производств, ученых-аграриев и местных самоуправлений. На комиссии возлагались также обязанности по обеспечению населения необходимыми сельскохозяйственными материалами и инвентарем, по организации статистического учета, по распространению прогрессивного опыта и т.д. На тех же началах и приблизительно с теми же функциями при ВСНХ создавалась высшая всероссийская сельскохозяйственная комиссия, призванная координировать всю агркультурную работу в стране.

Финансы и кредит. Согласно программе, выпуск необеспеченных товарным покрытием денег должен был быть немедленно прекращен. Рубль девальвировался или заменялся другой валютой. Финансовые учреждения денационализировались. Разрешалось также "... Основание и функционирование учреждений частного кредита под хозяйственным контролем, на следующих основаниях: правления крупных банков избираются в одной трети собранием акционеров, в другой - собранием из представителей союзов предпринимателей, работников банковского дела, ...кооперативов, - и в третьей - назначаются государством"²⁰.

После такого реформирования финансовой системы платформа планировала постепенно осуществить следующий шаг: произвести принудительное синдицирование банков. Государственный банк превращался в центральный орган для всех кредитных учреждений страны. Ну а дальше - окончательное обо-

---

²⁰ Революционная Россия. 1921. N 5. С. 14.

бичествление банковского дела, сопровождаемое ликвидацией грюндерства и биржевой игры, привлечением всех свободных денежных средств к производительным целям, покровительством наиболее прогрессивным из экономических структур и т.д.

Чем показательна эта программа?

Прежде всего, своей определенностью: это была программа последовательного продвижения к социализму (каким его видели эсеры). Обширные планы социализации ключевых отраслей индустрии, ядра торговли, снабжения, финансов и т.д. не позволяли сомневаться в социалистической направленности проектируемых преобразований. Об этом же свидетельствовала принципиальная установка платформы на передачу важнейших хозяйственных функций в руки "реорганизованной общественности" и сравнительно скромное, если не сказать маргинальное, положение частного в новой экономической системе.

Вместе с тем, в программе было порядочно элементов, которые делали ее программой переходного к социализму периода. Укажем здесь на тот факт, что восстанавливать Россию эсеры рассчитывали на фундаменте смешанной экономики. Платформа предполагала (хотя и косвенно) ввести в оборот хозяйственное планирование, но действовать оно должно было в сугубо рыночной среде. Крупная индустрия и т.д. в основном социализировалась, но в городе предусмотрительно отводилось пространство для среднего и мелкого бизнеса. В страну привлекался иностранный капитал, в концессию сдавались социально значимые производства, а деревня вообще на неопределенное время оставалась "единоличной". При этом переводить частный сектор на общественные рельсы предполагалось очень и очень постепенно.

Отличительной особенностью платформы был также ее практический и весьма конкретный характер. Приди в 1921 г. эсеры к власти, они имели бы в своем распоряжении весьма разработанный хозяйственный план, начинающийся с жилищной и кончающийся финансовой реформой. Для экономических импровизаций, за склонность к которым Чернов и его единомышленники так порицали марксистскую теорию и большевистскую практику, места в эсеровской программе просто не оставалось.

Прикладной алгоритм программы хорошо иллюстрировал еще одну ее характерную черту - органическую взаимосвязь с идеологией "конструктивного социализма". Конструктивный социализм теоретически обосновывал "активистское" отношение к жизни - и проект подчинял регулирующему воздействию государства и общества солидную часть народного хозяйства. Конструктивный социализм настаивал на особом значении для соци-

ального прогресса децентрализации управления - и программа возлагала на муниципалитеты, кооперацию, профсоюзы такие задачи, которые прежде решало почти исключительно государство. Конструктивный социализм критиковал распределительную подкладку большевизма и во главу угла своих экономических предложений эсеры ставили производственное начало. "Основным руководящим принципом всей этой реформаторской политики, - говорили неонародники о своей платформе, - является признание, что впереди вопроса о судьбах распределения плодов производства стоит вопрос о судьбах самого производства и его прогресса - ибо купить справедливое распределение ценою упадка производства, значит идти к равенству всеобщей нищеты и этим в корне дискредитировать все дело социализма"²¹.

Конструктивный социализм говорил о демократии как о животворящем духе будущего строя - и платформа кардинально меняла всю старую систему экономического управления и контроля, наполняя их плюралистическим и суммовым содержанием. Конструктивный социализм пропагандировал реформистскую идеологию общественного переустройства - и программа планировала социализировать экономику медленными шажками. И так далее.

Наконец, нельзя не отметить того явного отпечатка, который оставил на эсеровском проекте, говоря словами одного из "левых" большевиков, "героический период русской революции", т.е. "военный коммунизм". Его энергетическая аура, пронизанная флюидами военно-политического деспотизма, казарменности и повального одичания, какими-то неисповедимыми путями заряжала даже тех, кто, подобно Чернову, всю жизнь считал себя адептом последовательной демократии. Чего стоил, хотя бы, раздел программы под скромным оглавлением "трудовая повинность". Это надо было еще додуматься: прописать свободным гражданам свободной России ежегодные шестимесячные (а то и больше) "общественные работы". (Додумывались, конечно, и другие, - например, Л.Троцкий с его "трудовыми армиями", - но попасть в одну с ними компанию эсеры едва ли хотели). Тут не могли служить оправданием ни социальная мотивация и благие намерения (государственная необходимость), ни "демократический контроль" за ходом работ, ни что-либо иное, - барщина остается барщиной в любой упаковке.

Все это делало программу неонародников двухлинейной, а в известном смысле и "амбивалентной". В ней совершенно оче-

---

²¹ Революционная Россия. 1921. N 5. С. 9.

видно прослеживалась линия, так сказать, "общественно-демократическая" (организация системы управления экономикой, значительное усиление в народном хозяйстве роли кооперации, муниципалитетов и т.д.) и в ней же присутствовала, хотя и не столь определенно, "государственническая" линия силового давления. Вопрос, следовательно, заключался в том, какой из двух линий программа отдавала приоритет, в их внутренней соподчиненности.

Если бы сердцевиной платформы вдруг оказалась последняя (жесткая) линия, это имело бы для программы эсеров катастрофические последствия. В сущности, она бы полностью саморазрушилась. Все разговоры неонародников о демократии, общественности, инициативе и т.д. оставались бы только разговорами и притом разговорами наихудшего сорта - демагогическими. А сама эсеровская концепция просто превратилась бы в старую погудку на новый лад: в очередное российское издание столь теоретически ненавидимой эсерами доктрины социального "гаруналь-рашидизма".

Но дело все-таки обстояло иначе.

На наш взгляд, силовая заявка проекта не была не только его смысловой доминантой, но даже и его необходимым составным элементом. Гипотетическое отсутствие параграфа о "трудовой повинности" нисколько не затрагивало ни сверхзадачи платформы, ни ее идеологии, ни ее содержательной наполненности: без него программа благополучно могла обойтись. Напротив, общественно-демократический строй программы служил ее действительным основанием. Он был тем цементирующим веществом, той незаменимой спайкой, устранение которой незамедлительно вело к развалу всего сооружения. Другими словами, только первая (общественно-демократическая) линия проекта последовательно отражала его структурную логику и методологию, его "самость".

Эволюция политико-экономических взглядов эсеров в 20-е годы

Лучшим подтверждением сказанному служит эволюция программных взглядов эсеров. Не отвлекаясь на частности, сразу заметим, что ее основное содержание как раз и состояло в переосмыслении неонародниками вопроса о роли и границах государственного регулирования экономики. То ли внутренний слух эсеров, то ли осознание ими угрожающих социальных последствий чрезмерного государственного "давления" на общество, а

может быть всеобщее стрезвление от "военно-полевого" утара, - в общем, что-то постепенно заставляет их не только косвек 'о дезавуировать свои прежние "силовые" заявления, но и приступить к дополнительному укреплению демократического фундамента программы.

Начать с того, что после упоминания о "трудовой повинности" в программе 1921 г. неонародники к этому казусу больше не возвращались. С точки зрения системного развития программы, "общественные работы" оказались для нее не имеющим смыслового значения "историческим эпизодом", почти что фантомом. И это исчезновение идеи "государственных мобилизаций" не было для эсеров формальным; оно как нельзя лучше отражало содержательный сдвиг их концепции.

Приведем характерный пример.

Как известно, в начале-середине 20-х годов в России широко обсуждался вопрос о соотношении социализма и государственного капитализма. В связи с этой дискуссией Чернов опубликовал весьма примечательную статью, которая так и называлась: "К теории госкапитализма и социализма (Историко-теоретическая справка)". В ней он заявлял о своем отношении к дебатировавшемуся вопросу вообще и к так называемому "бисмарковскому социализму" в частности.

В свое время Бисмарк, боровшийся тогда с довольно устойчивым влиянием на народ идеологии германских левых, задумал противопоставить их "антигосударственному", массовому, демократическому социализму социализм "нового типа" - государственный. В чем он состоял? Во-первых, - описывал его Чернов, - в "сердечном попечении", в опекунстве государства над рабочими, фабричное законодательство, по мысли Бисмарка, должно было принять формы, поддерживающие "облагодетельствование" государством рабочих. Не самоорганизация рабочих, а чиновничьи заботы о них, должны были явиться основным стержнем этого законодательства. Но, чтобы государству это не было слишком убыточно, Бисмарк, во-вторых, присвоил своему государственному социализму еще и другую тенденцию: передачи в руки государства достаточной капиталистической прибыли. Этого можно было достичь, делая само государство все в большей и большей степени предпринимателем, расширяя сферу государственных монополий. Государство-предприниматель, монопольно диктуя на внутреннем рынке, под защитой таможенной системы, товарные цены, может позволить себе довольно значительные расходы на социальное обеспечение рабочих, причем его

затраты будут переложены на потребителя. И волки сыты, и овцы целы²².

Бисмарковский "государственный социализм" был, таким образом, лишь доведенным до логического конца огосударствлением экономики.

Заведения, принадлежащие государству на началах частного права и ведущиеся на общих основаниях буржуазного оборота, от перемены "хозяина" нисколько не перестают быть предприятиями обычного капиталистического типа, продолжал свою "справку" Чернов. В самом деле, что поменяется, если на место частного предпринимателя, акционерной компании и т.д. встанет государство? Очень мало, практически ничего. Администрация предприятия инкорпорируется в состав обычной бюрократии, ее персонал наделяется правами государственных чиновников. На место наблюдательного комитета и ревизионной комиссии, избираемых собранием акционеров и ему представляющих отчеты, вступают лица и коллегии, назначаемые государством. Прибыль, вместо распределения по акциям, идет в государственное казначейство. Рабочий так же получает свою заработную плату и так же является на фабрике наемным пришельцем, как и раньше. И даже если за его труд - теоретически - государство заплатит побольше, такая благотворительность немедленно будет компенсирована: рабочий лишится, хотя бы, привилегии "Юрьева дня" - возможности поменять плохого хозяина на хорошего.

"Государство-патрон, монопольно управляя известною ветвью промышленности, и к тому же имея в своем полном распоряжении все ресурсы власти, неизмеримо могущественнее обычного капиталиста, и рабочий не может не чувствовать себя перед ним бессильным пигмеем. Так что еще вопрос: предпочтительнее ли с его точки зрения государственный капитализм сравнительно с капитализмом частным? Да и с точки зрения потребителя тоже. Когда дороговизна жизни растет из-за частной естественной монополии, создаваемой трестированием предприятий, можно апеллировать на них к государству; при государственной же монополии судьей окажется сам обвиняемый. Выгоды государственного социализма (точнее капитализма) и его опасные стороны делают из него по меньшей мере палку о двух концах²³.

Какой отсюда напрашивается вывод? Тот, что задача социалистов вовсе не сводится к замене одного владельца предпри-

---

22 Революционная Россия. 1926. N 47. С. 10.

23 Там же. С. 12.

ятия другим (например, частного - государственным и т.д.). Действительный смысл социалистических преобразований состоит в изменении социального типа хозяйства. И в этом же - миссия той экономической реформы, которую следует осуществить в России после освобождения ее от большевизма.

"Социальный тип" хозяйства неонародники связывали прежде всего с тем, в какие взаимные отношения друг к другу становятся в производственном процессе три его главных фактора: непосредственный производитель, организатор и потребитель.

В натуральном хозяйстве, указывали эсеры, потребитель, производитель и организатор хозяйства слиты нераздельно, но лишь в микрокосме семейно-трудовой ячейки. В кустарно-ремесленном - непосредственный труд и его организация еще почти не разделены, а вот потребление и производство уже распались. В классической капиталистической системе потребитель совершенно перестает влиять на производство прямо и непосредственно; его влияние осуществляется лишь косвенно, через рынок, через конкуренцию, колебания спроса и предложения. Организатор производства - его юридический собственник или управляющий - является единственным фабричным законодателем и самодержцем. Производитель рассматривается как человек, фабрике чужой, с ней органически не связанный, приходящий и уходящий, удовлетворяемый известной денежной суммой и более тесного отношения к делу не имеющий. Все три фактора глубочайшим образом разъединены, находятся в постоянном противоречии и подспудной борьбе друг с другом.

В социалистической системе, подчеркивали неонародники, принцип внутренней структуры прямо противоположен принципу структуры капиталистической. То, что капитализмом было разъединено и рассечено, социализмом вновь планомерно объединяется. Потребитель, прежде влиявший на хозяйственную политику фабрики окольным воздействием рынка, делается прямым участником экономической демократии, участником в управлении производством наравне с непосредственным производителем. Организатор же управления делается представителем не только рабочих, но и потребителей и т.д. Это - совершенно новый строй, предполагающий новую внутреннюю конституцию и первичной ячейки - фабрики, и целых ветвей производства, вплоть до общей их совокупности. "... На всех ступенях должно быть новое, гармонически организованное равновесие всех трех живых

факторов производства: потребителя, производителя и организатора²⁴.

Последнее было для эсеров принципиально важным. Организация хозяйства мыслилась ими в виде полифонии, а не "единогласной" диктатуры. В новой экономической системе никто и ничто не могло претендовать на роль абсолютного самодержца.

А Бисмарк намеревался осуществить именно эту операцию. Его задача заключалась в том, чтобы собрать все права маленьких фабричных диктаторов-капиталистов - воедино и вручить их в безраздельное пользование одного большого диктатора: государства. Бисмарк собирался оторвать функцию управления от других социальных функций, вооружить государство чрезвычайными полномочиями и сделать его самодовлеющим.

Эта идеология бисмарковского "государственного социализма", отмечали эсеры, не имеет ничего общего с социалистической концепцией реформирования экономики. Если это и социализм, то социализм донельзя вульгарный. Отличительная черта подлинного социализма - его демократичность.

По этому поводу Чернов приводил один примечательный рассказ Либкнехта. Представители крайне правых консервативных партий, вспоминая Либкнехта, говорили мне: все социалистическое, к чему вы стремитесь, мы готовы подписать от слова до слова. Но "демократическое" нас с вами, к сожалению, разделяет. А социалисты мы, как и вы, вплоть до самых крайних логических последствий. Высокопоставленные военные высказывались в том же духе: мы не против ваших социалистических идей. Подобно вам, мы готовы идти по пути огосударствления до конца. Но "демократия" нам никак не подходит...

Центром борьбы, замечал Чернов, сделалось "демократическое"; в нем тот "революционный принцип", который служит отличием подлинного социализма от мнимого. Социализм нельзя противопоставлять демократизму, из социализма нельзя вышелушивать демократию, социализм нельзя использовать в интересах деспотии. Все, что противоречит интересам демократии, не может быть социалистическим и не может нами разделяться - вот главная идея историко-теоретической "справки" Чернова.

Критика "бисмарковского социализма" свидетельствовала, что к середине 20-х годов неонародники стали более сдержанно и осторожно оценивать возможные последствия государственного

---

²⁴ Революционная Россия. 1926. N 47. С. 13.

патронажа экономики. Со всей определенностью они выступают против передачи государству излишних хозяйственных прерогатив как потенциальных источников установления в стране деспотического режима. На первое место в своей экономической системе эсеры окончательно ставят демократический принцип организации хозяйства.

Но понимать эту критику так, что эсеры вообще отказались от идеи государственного регулирования экономики, было бы совершенно неверно. С той же напористостью, с какой они обличали "государственный социализм" Бисмарка, неонародники порицали и "чистый", так называемый либеральный капитализм. В последнем они видели не меньшее зло, чем в первом.

Сторонниками возвращения России к "чистому" капитализму были в то время "правые" эсеры (Н.Д.Авксентьев, В.В.Руднев и др.). Их программа сводилась к следующим основным тезисам.

1. Тесная связь частей единого мирового хозяйства делает неосуществимой социалистическую организацию экономики в одной, изолированной стране при незыблемости капиталистических отношений в остальных государствах.

2. Материально-технические и духовные условия для коренного социалистического переустройства общества не созрели даже в странах передового капитализма.

3. Восстановление народного хозяйства России и требует включения ее в общую систему мировой экономики, покоящейся до сих пор на буржуазных основах.

4. Россия, еще до революции находившаяся на самом низком экономическом и культурном уровне среди капиталистических стран Европы, отброшена большевистским режимом еще на несколько десятилетий назад. Лишь после восстановления нормального для России уровня экономического развития, на основе дальнейшего расцвета производительных сил и в связи с прогрессом международного социалистического движения, - в России мыслима будет постановка на очередь проблемы обобществления ее индустрии. "Общество не может ни перескочить естественные фазы своего развития, ни ускорить их посредством декретов" (Маркс).

5. Восстановление капиталистических отношений в России, поэтому, исторически неизбежно и экономически прогрессивно. Образование "здоровой" буржуазии в стране также неизбежно, поскольку возрождение народного хозяйства будет совершаться на капиталистических началах. Облик российской буржуазии станет последовательно демократическим, ибо она, "... во-первых, не мо-

жет самостоятельно осуществить своих политических чаяний, если бы они были антидемократичны, ввиду ее гораздо меньшего влияния сравнительно с основной силой - крестьянством, а вторых, в значительной и наиболее жизненной своей части едва ли и будет бороться с демократическими тенденциями, вынужденная к постоянному хозяйственному взаимодействию с крестьянством и заинтересованная в нормальном развитии производства²⁵.

6. Поддерживаемые официальными кругами ПСР требования обобществления основных отраслей промышленности ни в коей мере не соответствуют экономическим возможностям и потребностям российского хозяйства.

7. Целью мероприятий переходного времени должно быть проведение постепенной денационализации всей области торгово-промышленного и финансового хозяйства с возвращением России на путь насильственно прерванного нормального экономического развития в границах капитализма.

8. В области рабочей политики партия должна требовать демократизации промышленности: законодательного обеспечения охраны труда, свободы коалиций, забастовок и т.д.

9. За государством должно быть сохранено лишь минимальное право общего "поощрения" экономики, не стесняющего частно-хозяйственной предприимчивости, а способствующего гармоническому подъему производительных сил страны²⁶.

Эта программа эсеровского "правого ревизионизма" откровенно конфликтовала со всей экономической идеологией "партийных" эсеров и они, естественно, ее органически не принимали. Не принимали ни по существу, ни в частности.

Чернов, например, замечал, что из неудачи большевистского опыта нельзя делать вывод о необходимости возвращения к "капиталистическому фатализму" с его "естественными фазами" развития, через которые невозможно перепрыгнуть ни в какой хозяйственной сфере, ни в какое время и ни в какой стране. Разве захват власти большевиками доказывает что-либо, кроме обреченности бланкизма и деспотии в их любых формах? Не доказывает. Почему же тогда мы должны отказываться от важнейшего принципа народнической философии, т.е. от самих себя, спрашивал Чернов?

"...Мнение о возможности экономического возрождения России только через широкое восстановление капитализма, развитие

---

²⁵ Революционная Россия. 1923. N 24-25. С. 22.

²⁶ С.с.: Там же. С. 26-27.

которого создаст лишь в будущем почву для социалистической борьбы, является ни чем иным, как ухудшенным издан. ем вытасченной из пыльного архива теории "выбарки в фабричном котле", - писала "Революционная Россия". - Это значило бы начать заново сказку про белого бычка, совершенно игнорируя огромное социальное значение русской революции, игнорируя идеи, под знаком которых она совершилась, и ее отличительные черты. Это означало бы признать, что русская революция является буржуазной революцией, что партия глубоко заблуждалась, сохраняя "непримиримую противоположность" т.к.ой точке зрения на нее, что ей нужно зачеркнуть важнейшую идеологическую страницу своей истории²⁷.

Главный аргумент "ревизионистов справа" сводился к тому, что хозяйственное восстановление России мыслимо лишь через полное раскрепощение частной инициативы, через возврат к классическому, "чистому" капитализму. Несомненно, частную инициативу необходимо раскрепостить и дать ей достаточный хозяйственный простор, соглашались Чернов и его единомышленники. Россия для социализма не созрела - факт, сам собой решающий вопрос.

Но следует ли из этого, что капитализму должны быть отданы на откуп все без исключения отрасли народного хозяйства, что государству необходимо сдать здесь все позиции, отказаться от направляющего влияния на экономическую эволюцию страны, от всемерного содействия развитию иных, более совершенных хозяйственных форм? Такой взгляд представлял бы собой отголосок старого и уже довольно-таки др.хлого манчестерского либерализма, которому жизнь нанесла, казалось, непоправимые удары.

В чем принципиальный порок либерального капитализма? В том, отвечали эсеры черновской школы, что он оставляет страну совершенно беззащитной перед лицом частно-предпринимательской стихии. "Чистый" капитализм культивирует хищнический, спекулятивный, непроизводительный бизнес, взращивает мафию и коррупцию, которые по своей природе ставят интересы наживы выше всех остальных соображений. Если "деловой человек" учает, что можно безнаказанно и "свободно" извлечь деньги оттуда, откуда их ни по каким человеческим или божеским законам извлекать нельзя, он не остановится ни перед чем. Он разворует, разграбит, продаст с молотка все, что можно разворовать, разграбить или продать.

---

27 Революционная Россия. 1923. N 32. С. 9.

И «двойне» точно такая характеристика либерального капитализма применительно к странам, в которых, в силу различных исторических обстоятельств, экономическая жизнь нестабильна, а тем более основательно дезорганизована. «В условиях всеобщего разрушения, при отсутствии уже сложившегося механизма, игра которого регулирует хозяйственную жизнь, экономический индивидуализм проявляет свои наиболее безобразные стороны и превращается в угрозу для самого существования государства, если не поставлены пределы его разгулу, если не ограничены сферы его проникновения»²⁸.

Живым подтверждением тому в те годы была Германия, где в руках промышленных королей находились ключевые отрасли индустрии и огромные финансовые ресурсы. Владая ими «... магнаты капитала получают возможность безмерно поднимать цены на уголь, железо и сталь, вызывая тем самым общее вздорожание жизни. Они получают возможность, совершенно игнорируя государственную власть, направлять хозяйственную жизнь почти всей страны по своему личному усмотрению, преследуя исключительно цели наживы, хотя бы ценою развала государства. Их огромное экономическое могущество позволяет им поработать или бравировать правительство, играя роль настоящих баронов и князей нового феодализма - промышленного...»²⁹.

Что же тогда говорить о России, восторжествуй в ней экономическая модель либерального капитализма? Ее не только моментально растащат новоявленные «деловары», но и закабалят более сильные в экономическом отношении государства, чью политику «золотого империализма» уже испытало на себе большинство человечества. Этой ли судьбы мы хотим для России?

Нет, говорил Чернов о себе и своих товарищах, мы не могли с легким сердцем вслед за большевиками перепрыгнуть от капитализма прямо к аракчеевскому «государственному социализму», и мы никогда не согласимся от него перескочить назад, к «чистому» капитализму.

Таким образом, неонародники заняли позицию, одинаково удаленную и от аракчеевского «социализма», и от классического капитализма. Они были сторонниками осторожного и гибкого, но не переменного государственного дирижирования экономикой как гарантии от расхищения России местными компрадорами или закабаления ее иностранным капиталом. В их глазах только такая позиция могла считаться действительно социалистической.

---

²⁸ Революционная Россия. 1923. N 32. С. 10.

²⁹ Там же.

Эта точка зрения окончательно сформировалась у "партийных" эсеров к концу 1923 г. С тех пор, когда они выдвинули свой первый проект хозяйственной реформы, прошло около трех лет. Большевики как были, так и остались у власти, и даже упрочили (в связи с успехами НЭПа) свое положение.

Неонародникам становится ясно, что программу 1921 г., во всей ее полноте и конкретности, применить в России уже не удастся: жизнь ушла далеко вперед. Начать работу над новым проектом? Но где гарантия, что ситуация не повторится и что созданная программа тоже не устареет?

С этого времени экономическая платформа эсеров приобретает более абстрактный, по сравнению с прежним, вид. Теперь она представляет собой совокупность исходных принципов, конкретизация которых в той или другой обстановке дает тот или иной результат. Программа становится, в известном смысле, универсальной.

Итоги

Итак, что это за принципы? Их было не так уж много.

Раскрепощение народного хозяйства. В процессе хозяйственного возрождения страны непременно должен принять участие частный капитал, в том числе иностранный. Вместе с тем, "... в деле экономического восстановления России государство, кооперативы и муниципалитеты должны играть чрезвычайно важную роль"³⁰. Долговременная ориентация на экономику смешанного типа.

Дебюрократизация управления. Разворачивание начал политического и хозяйственного самоуправления.

Обеспечение внутренней и внешнеполитической безопасности России. Противоядие политике возвращения к "чистому" капитализму, откуда бы она ни исходила. Сохранение в руках государства, муниципалитетов и кооперативных объединений всех рентабельных предприятий. Социализация того, что может быть названо ключами к национальному хозяйству: земли, ее недр, водных ресурсов, транспорта, важнейших отраслей промышленности.

Проведение социализации не только и даже не больше всего через капиталистическую концентрацию, но и через обобществление снизу, через городскую, сельскую, земскую и областную

---

³⁰ Революционная Россия. 1925. N 44. С. 8.

муниципализацию, равно как и через частно-правовую кооперативизацию.

Урегулирование отношений землепользования. Обеспечение мер, направленных на первоочередной подъем сельского хозяйства. Облегчение свободного развития в деревне более совершенных экономических форм.

Демократизация промышленности, т.е. создание такой фабричной конституции, которая обеспечивала бы достоинство и права рабочих³¹.

Приблизительно в таком виде хозяйственная программа эсеров просуществовала вплоть до конца 20-х - начала 30-х гг., когда стало обнаруживаться, какое будущее история приготовила для России. Эмигрантские споры о том, чья модель экономического развития "самая-самая" поутихли и вскоре сошли на нет. А еще через год-другой ни о каких проектах общественного переустройства России никто и не вспоминал: все они просто отпали за ненадобностью.

Подведем под экономической платформой эсеров черту. С нашей точки зрения, эта концепция, не лишенная крупных просчетов, тем не менее содержала в себе немало ценного.

Это, прежде всего, то направление, в котором она развивалась: достаточно сравнить проект 1921 г. с его отголосками "военного коммунизма" и "принципиальную" платформу середины 20-х гг., чтобы убедиться в здравомыслии эсеров. Это, далее, ее реализм. Программа не представлялась Чернову и его единомышленникам в качестве "палочки-выручалочки" или волшебной "разрыв-травы" - медленно и осторожно она планировала осуществить в России то, что действительно допускали исторические условия. Это несомненная "почвенность" концепции. Учитывая аграрную основу России, неонародники советовали начинать экономическое восстановление страны именно с сельского хозяйства. Это методологический плюрализм платформы. Не "или-или", а "и-и" - вот ее важнейшая посылка. И частный капитал - и государство, и мелкие индивидуальные хозяйства - и общественные объединения и т.д., - хороши все экономические формы, если они поднимают Россию. Это антибюрократическое, демократическое содержание намечавшейся экономической реформы. Ориентация на самоуправление, саморазвитие, самоопределение хозяйственных единиц - ее отличительная черта. Это и "государственный" стержень программы. Что случается, когда по-

---

³¹ См.: Революционная Россия. 1923. N 24-25. С. 28; N 32. С. 10-11; N 44. С. 8-9.

литики начинают всерьез уповать на "невидимую руку" рынка, эсерам было ясно еще тогда...

Напоследок следует отметить еще одно важное обстоятельство. Оно заключается в том, что в середине 20-х гг. выводы, к которым пришли "партийные" эсеры, работая над проблемой экономического возрождения страны, и те идеи, на основании которых строилась хозяйственная платформа "официальной" российской социал-демократии, во многом перекликались.

И эсеры, и меньшевики отстаивали концепцию "смешанной" экономики. И те, и другие понимали, какое значение в деле восстановления России имеет иностранный капитал. Оба направления уделяли особое внимание государственному регулированию хозяйства и оставляли в руках центральных властей важнейшие экономические рычаги. Меньшевики, правда, недвусмысленно склонялись к фермерской системе земледелия, но ведь и эсеры не отрицали, что начинать все равно придется с мелкого крестьянского хозяйства, которое позже само увидит выгоды аграрной кооперации. Силком объединять эсеры никого не собирались.

При том, что политические позиции обеих партий (точнее, основной их части и руководства) нередко почти совпадали, - "умеренная" критика большевизма, трудовой демократический блок, недоверие буржуазии, народовластие, - вполне можно было предсказать им, при естественном развитии событий в стране, определенное сближение, если не тесный союз³².

И более того. С известными большевистскими модификациями (главными из которых были, конечно, принципы диктатуры - пролетариата и партии), но в том же экономическом направлении двигался тогда Бухарин со своей школой. Добрался бы или нет Бухарин до общего для меньшевиков и эсеров хозяйственного знаменателя, не совершился сталинский переворот, судить трудно, но шел он, определенно, их следом.

Это позволяет по меньшей мере утверждать, что в середине 20-х гг. в России образовалось общее для всех течений социализма концептуальное поле, на котором и большевики, и меньшевики, и эсеры могли примириться. А примирившись, российский социализм мог показать свои не худшие, а лучшие качества.

Как жаль, что история не признает сослагательного наклонения...

---

³² По поводу меньшевистской платформы в 20-е гг. см.: Общественная мысль: исследования и публикации. М., 1990, Вып. II.

Содержание

Из истории социализма в России. Вместо предисловия.....	3
<i>Б.В. Богданов. Бухарин - теоретик официального социализма.....</i>	<i>8</i>
1. К постановке вопроса.....	8
2. Идеолог палачества.....	13
3. Второй период у Бухарина.....	23
4. Как относиться к России: альтернатива Бухарина и Троцкого.....	38
5. Можно ли социализм построить на спине раздавленного крестьянства?	47
6. Проблема агрпромышленного синтеза	53
<i>М.Н. Грецкий. Н.И.Бухарин в оценках западных исследователей .....</i>	<i>69</i>
<i>Б.К. Ярцев. Социальная философия В.Чернова .....</i>	<i>94</i>
Отправные позиции: три болевые точки марксизма	103
Каким быть новому социализму?	113
Цели и средства.....	131
<i>Б.К. Ярцев. Политико-экономическая платформа российского неонародничества в 20-е гг.....</i>	<i>142</i>
Политическая идеология экономической реформы	143
Хозяйственная платформа: опыт 1921 г.	155
Эволюция политико-экономических взглядов эсеров в 20-е годы	164
Итоги	173

Научное издание

**БЫЛИ ЛИ У РОССИИ ВЫБОР? (Н.И.Бухарин и В.М.Чернов в
социально-философских дискуссиях 20-х годов)**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

В авторской редакции
Художник В.К.Кузнецов
Корректоры Г.М.Азлукина, Н.П.Юрченко

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.93 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 03.10.95.
Формат 60х84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл.печ.л. 11,05. Уч.-изд.л. 10,28. Тираж 500 экз. Заказ № 040.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН
Компьютерный набор Е.А.Патуткова
Компьютерная верстка Т.В.Прохорова

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
119842, Москва, Волконка, 14